

01 (655) январь, 2012

Ароганитовый дракон

В Уральском
Центре Камня
наступил
год дракона

Чрезвычайный
полет

Перевал Дятлова:
протоколы следствия

Южный Урал.
Яшмовый пояс

Образец пейзажной яшмы
предоставлен Уральским Центром камня

12001
9 7701341241006

*Мы работаем для Вас
от души и для души*

Дорогие родители!

Если вы мудрые родители, то наше сообщение именно для вас!

Ваши дети тоже люди! И этим людям нужен отдых. Вы же не будете спорить, что учеба — тяжелый труд.

Плавание в бассейне, катание на коньках и лыжах, гонки на квадроциклах, стрельба из лука, игра в пейнтбол, костер для дружной компании — все это вы найдете на базе отдыха «Хрустальная»! Наша база — это и новые возможности для развития творческих способностей! Прекрасным подарком для ребенка будет поделка из глины или в технике декупаж, сделанная своими руками. Наши предложения не ограничат фантазию ваших детей, так как мы открыты новым идеям и предложениям.

На «Хрустальной» весело и интересно проведут свой уикенд дети разных возрастов, у которых появится альтернатива городскому отдыху. А удобное расположение базы — 30 км от города в зеленой экологически чистой зоне — еще один плюс в пользу вашего выбора. Спеццены на школьные групповые заезды приятно порадуют вас, уважаемые родители. Так как мы приглашаем ваших детей на весь день, наши повара позаботятся о вкусном и полезном питании в течение дня.

**Организованного
отдыха вашим детям!**

Ваша «Хрустальная»

Подробную информацию Вы можете получить на сайте базы: www.базахрустальная.рф
или в службе бронирования: **(343) 213-76-16, 213-76-26**

Встречный ветер

Камни Урала
С.КОЛИСНИЧЕНКО
Путешествие по яшмовому поясу Южного Урала..... 4

Экспедиция
И.ЛОБАНОВА
Ориентирование по компасу в районе горы Качканар.... 10

Версия
В.КУДРЯВЦЕВ
Размышление над протоколами следствия..... 16

Река времени

Далекое-близкое
С.СОГРИН
Алины: трагедия рода. Вечные изгнанники 24

В мире прекрасного
Ф.МОРОЗОВ
«Он награжден каким-то вечным детством...» 38

И.ГЛАДКОВА
Ночное «ЧП» 32

Давным-давно
В.ГОЛДИН
«ВЕЛЕСОВА КНИГА» Сергея Тимухина 40

Литературное краеведение
А.МОЛЧАНОВ
«Земной поклон, спасибо русское Бажову!» 36

Портреты
М.ВИШНЯКОВА
Т.КЛЫЧКОВА
Жизнь на орбите гения 42

Журнал в журнале

январь 2012

Главный редактор – М. Ю. Фирсов.
Редакторы разделов – Ю.А. Горбунов, Б.А. Долинго
Литературный консультант – В. Абян.
Худ. редактор, верстка – Е.С. Горда.
Набор – В.М. Кадочникова.
Корректор – Л.В. Юсупова.
Интернет – Е. Марков.

Фото на 1-й стр. обложки В. Байдукова

Редакция, издатель – общественная организация «Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт»

Редакционный совет –

Владислав Крапивин, Сергей Казанцев, Борис Стругацкий, Геннадий Прашкевич, Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Вадим Осипов, Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет –

- Евгений Савенко, чл. Союза фотохудожников России,
- Семен Спектор, заслуженный врач России,
- Евгений Виноградский, «Снежный барс», МС МК
- Виктор Байдуков, Свердловское отделение РГО
- Виктор Христолюбовский, Председатель Курганского ро РГО
- Алексей Прокашев, Председатель Кировского ро РГО
- Иван Рысин, Председатель Удмуртского ро РГО
- Игорь Кузнецов, Председатель Ученого Совета ро РГО в ЯНАО
- Сергей Ларин, Председатель Тюменского ро РГО
- Николай Назаров, Председатель Пермского ро РГО

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ».

Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Почтовый адрес редакции, издателя:

620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

тел. (343)295-61-27

E-mail: uralstalker@mail.ru **www.uralstalker.com**

Учредитель – ООО «Уральский следопыт».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по РФ

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218, выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Рукописи принимаются отпечатанными не менее 12 пт, по 60 знаков в строке, 28–30 строк на странице. Каждая страница рукописи должна быть подписана автором. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. В первую очередь рассматриваются рукописи, дополненные электронной версией (E-mail, CD, DVD). Автор несет ответственность за предоставление материалов и иллюстраций, обремененных правами третьих лиц.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле ТЕМА. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.

Материалы рубрики «Добрые попутчики «Уральского следопыта» публикуются на правах рекламы.

Уважаемые читатели, оформите подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com» вы можете через:
– Почтовые отделения Свердловской области, каталог МАП, подписной индекс 31646

– Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413

– Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе

– Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России

– Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего зарубежья

Путешествие по яшмовому поясу Южного Урала

Иллюстрации предоставлены автором

Не каждому дано полюбить и наслаждаться одной из стихий природы — камнем. А уж если кому случилось — то это надо на всю жизнь принимать как дар божий — особую божественную взаимную любовь природы к этому человеку.

Один из таких божественных камней — яшма. Уральская яшма. Кривят душой те, кто говорит, что любит этот камень. Нельзя относиться к яшме с высоким человеческим чувством без любви и к местам его рождения, а именно к Уралу. Этим и лесным дебрям с цепями мохнатых гор, и степнистым холмам, и равнинам Зауралья. Везде можно встретить выходы и россыпи цветной яшмы.

Сергей Колисниченко

▲ Печать. Яшма уйская.
Екатеринбург, 19 век

На своем месторождении яшма выглядит совсем не так, как в изде-лии или на коллекционной полочке. Путешественник, впервые попадая в такие места, будет скорее удивлен и озадачен — уж если встречена яшма, то ею будет усыпано все вокруг! И мелкой щебеночкой по ложкам и промоинкам, и крупными валунами и глыбами в один-два человеческих роста! А как прекрасны природные выходы — обнажения яшм! Обычно ярко-красные, с моховыми зелеными подушечками на полочках, в окружении горных лиственниц! Так и кажется, что именно здесь среди камней живут гигантские рогатые лоси, а туманным осенним утром прилетают собирать галечки огромные глухари с замшелыми от древности клювами! Вот таким мне видится Седой Урал.

Для путешествия по яшмам нет лучше погоды, как самая пасмурная и туманная, лучше с морозящим дождичком. Сидеть бы в такую погоду дома, в тепле и сухе и смотреть в окно... Но мы в походе!

Вот тут то и откроется уральский камень всеми цветами своей рисунчатой красоты! От цветowych переливов весенней радуги, оранжевых оттенков редких глубоководных корал-

▲ Чаша. Яшма аушкульская.
С.-Петербург. Музей ГГУ

лов, от спутано-пятнистого рисунка детского kaleйдоскопа до изящных цветowych мазков дрожащей легкой кисти по бежевому полотну... От яркого присутствия зарябит в глазах, с собой взять захочется кусочек этой природы — каждую щепочку: и эту, и эту...

Итак, погоду для путешествия мы выбрали, маршрут наметили. За 2-3 дня такого похода можно собрать уникальную коллекцию уральской яшмы.

Если мы начинаем свой яшмовый маршрут от города Миасса, то здесь, на знаменитой Мелентьевой горе, нас удивят обнажения яшмы, попадающиеся по восточному склону. Природные выходы яшмы сургучно-красных расцветок разбросаны среди мелколесья и открытых пространств и тянутся вместе с обнажениями зеленокаменных пород на юг и на север. Именно отсюда академик А. Е. Ферсман «рассчитал» длину яшмового пояса в 500 километров — до самого города Орска. Но мало

кому тогда, в начале XX века, было известно, что яшмовый пояс тянется и к северу от города Миасса — вдоль восточного склона Уральских гор на те же 500 километров!

Ближайшие к северу от Миасса месторождения находятся в окрестностях д. Ново-Андреевки — пестрые красно-коричневые с белыми удлиненными пятнышками-кудряшками; по реке Миасс к востоку от д. Саитово — огромная скала в сосновом лесу, сложенная черно-пепельными яшмами с широкополосным рисунком; на Золотой горе у города Карабаша множество отдельных яшмовых тел, сложенных темными синеватыми, зеленоватыми рисунчатыми разноцветными яшмами; в окрестностях п. Аргаяша зеленоватые полосчатые и красные яшмы — все это было открыто геологами в 1960-е годы.

Но нам на юг! Вдоль восточных хребтов Уральских гор мы движемся в Башкирию, до деревни Мулдакаево. Здесь, немного в стороне от селения, в березовом леске и по холмам лежат глыбы черно-синей яшмы. Это работы добытчиков от Екатеринбургской гранильной фабрики в XIX веке. Названная ранее как мулдакаевская, шалимовская и николаевская, она была излюбленной яшмой уральских камнерезов на протяжении многих десятилетий конца XIX и начала XX веков.

С дороги издали видна вершина горы Ауш-Тау. Округленная вершина идеально вписывается в окрестный пейзаж. Когда мы подъезжаем к са-

▼ Чаша резная. Уйская яшма.

мой деревне, то путников поражает красотой озеро Ауш-Куль, разлитое у подножия горы. Склоны горы стекают каменными курумами к его берегам. Ауш-Тау — святая гора. У западного подножия истекает святой родник с молочной водой.

Аушкульская яшма известна давно. Ее нашли еще в XVIII веке. Эта яшма наиболее широко применялась в изготовлении небольших резных чаш и ваз. Пейзажный рисунок на светло-бежевом фоне камня удивляет особой красотой, а порой даже реальным изяществом. По склонам горы в осыпях можно выбрать камень на любой вкус!

Едем дальше! Небольшой крюк вдоль реки Уй, и здесь, у д. Тунгатарова, на склонах холмов и за ними — небольшие обнажения и выходы марганцевой руды. Она кроме ценного металла в минералах псиломелане и пиролюзите содержит и яшмовые желваки с удивительными текстурами рисунка. Именно отсюда поступали для резьбы так называемые «ситчики» — петельчатые и фортификационные яшмы. Их собирали по склонам оврагов и холмов. Яшмы красного цвета не представляли здесь особой ценности. А вот среди них скрывалось чудо Урала — ситцевые

яшмы. Их пестрый рисунок возбуждал художника-камнереза на нетривиальные вещи. Лучший камень для резьбы! Мастера знали толк в работе над такими вещами: ажурные вазочки, блюда и тарелки с резным орнаментом — входили в особый ассортимент коллекций каменных изделий лучших музеев мира.

▲ Чаша. Кураминская яшма. Челябинск. 2011 г.

Если осмотреть окрестные холмы, то неумолимый путешественник откроет еще многие каменные тайны. Одна из них — неизвестные истории старинной копи зелено-серой

яшмы с сохранившимися недобрыми глыбами поделочного камня. Также поблизости деревни Курамино (несколько севернее Тунгатаровой) была открыта чудом уцелевшая до 1980-х годов жила с красной полосчато-кружевной яшмой, давшая более ста тонн великолепного поделочного камня.

Продвигаясь на юг по старому верхнеуральскому тракту остановимся у Ямского родника, что напротив деревни Старо-Муйнаково. Двести лет тому назад отсюда на подводах привозили в Екатеринбург яшму ленточного рисунка. Из «ямской» яшмы (так ее называли камнерезы) были сделаны известные парные вазы. Одна пара хранится в Эрмитаже г. Санкт-Петербурга, а другая — в Павловском дворце города Павлово. Сейчас это место стало широко известным для любителей уральского камня. Камень имел при замечательных свойствах большую востребованность. Даже его обрезки от крупных работ после использовались для наборных мозаичных столиков и панно.

Окрестности деревни Старо-Муйнаково очень богаты разнообразными яшмами. Это природный музей яшм под открытым небом. Сам Ямской родник истекает из скаль-

▼ Яшмовая жила на Кураминском месторождении

▼ Яшмовая игра цветов — заготовки для изделий

▲ Коллекция печатей из яшмы

ных выходов ало-красной яшмы. Все окрестные горы обогащены яшмовыми телами разной мощности — в них встречаются светло-зеленые массивные, тонколеночные кофейные, «железные», пятнистые и плейчатые яшмы. Многие места добычи яшмы содержат богатый каменный материал в отвалах. Здесь каждому найдется красивый кусочек для коллекции!

Недолгий путь на юг нас приведет еще к одному уникальному месторождению яшм на горе Бай-Султан. Вся она покрыта горными выработками недавнего прошлого. Марганцевые руды извлечены, а яшма осталась! Поблизости от карьеров грандиозные природные выходы мощной жилы красных яшм. Здесь до сих пор можно отыскать старинные шпуров для добычи больших монолитных камней. Камни шли на облицовочные плиты для полов и карнизов в дорогих архитектурных сооружениях. Здесь попадают яшмы красные однородные массивные, с ситцевым рисунком, с кварцевыми сеточками. Можно бесконечно любоваться природными скалами с цветным камнем в окрестности карьера.

Сафаровское месторождение яшм расположено на горках под названием Ин-Тау, Ильче-Тау и Калмакор. Здесь не велась добыча цветного камня в прошлые века. Яшму тогда просто собирали по склонам гор — она была высокого качества. Только в середине XX века геологи разведали коренные источники, в которых оказались несметные богатства — знаменитые ленточные яшмы! Такие яшмы хороши для объемных и округлых камнерезных работ с глубокими выборками. Тогда с виду простой ленточный рисунок превращается

в исключительные фантастические картины.

Продвигаясь ближе к Учалам, свернем направо на десяток километров — к озеру Калкан. Несведущему человеку здесь есть чем любоваться: дикой красотой панорамы озера с островом, горой на берегу, лиственным лесом с востока. А нам надо в лес. На склоны горы Сабинды. Здесь таится старинная выработка одного

из роскошнейших месторождений — калканской яшмы. Яшма Калкана стала известна с середины XVIII века. За 200 лет камнерезы превзошли себя в работе с этим камнем! Сколько вышло шедевров из-под резца мастеров! Цилиндрическая ваза Иосифа Боттома (Петергофская гранильная фабрика, 1776 год) была первой работой из этой яшмы. В числе поздних шедевров числится знаменитая овальная ваза калканской яшмы с резным рисунком виноградной лозы.

До следующих яшм проезжаем город Учаль по белорецкому тракту до деревни Уразова и дальше до Уразовского марганцевого карьера. Слева от дороги виднеются обширные отвалы с удлиненным карьером, которые содержат не менее знаменитые, чем предыдущие, осмотренные нами яшмы — уразовский мясной агат! Яшма-агатом зовется этот камень в из-

▲ Шкатулка круглая. Яшма ямская. Челябинск, 1993 г.

▼ Чаша. Яшма кошкульдинская. Гос. Эрмитаж

▼ Яшма. Блок с плейчатым рисунком. Вес 1 тонна. 2011 г. Ямское месторождение

▼ Элемент. Ваза резная.
Яшма калканская. Гос. Эрмитаж

делиях и интерьерах Екатерининского дворца в городе Пушкине (Ленинградская область). Панельные плиты, колонны выстроены из этого камня в середине XVIII века. В XIX веке яшма также была востребована камнерезами на нужды производства — для изготовления амфор и vaz. Округлые формы амфор придавали камню особый шик, подчеркивали его уникальную полировку, а камень в свою очередь в этих изделиях играл расцветкой и мелким калейдоскопным рисунком.

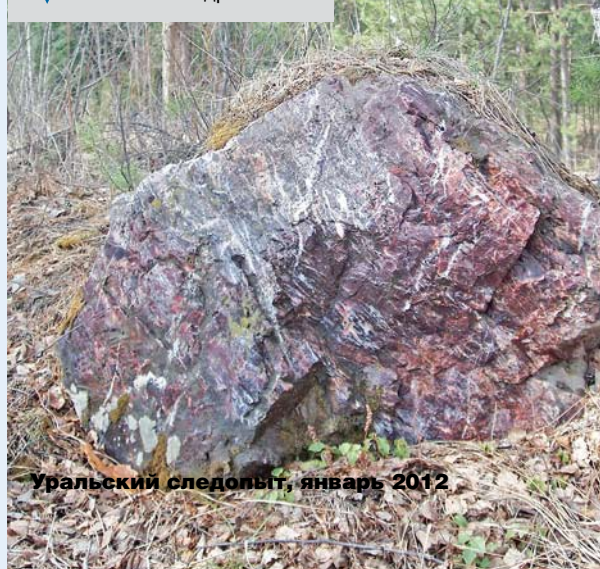
▼ Выходы юдашевской яшмы

▼ Чайный набор. Блюдо – иремельская яшма, чайная пара – казахчикканская яшма. Челябинск, 2008

▼ Яшма новоандреевская

Уральский следопыт, январь 2012

▲ Ваза. Яшма ташбулатовская. Челябинск, 2007

ный) камень — это про яшмы! Именно по склонам окрестных гор разведано несметное количество выходов превосходного цветного камня! Здесь нет определенных сортов яшмы — все на удачу. Каждое тело может содержать совсем необычные как расцветки, так и рисунки камня.

Яшма — камень-явление! Геологи все чаще встречаются на Южном Урале этот камень в очень необычной обстановке и в разных геологических условиях. Отмечены многочисленные обнажения древних (девонских) вулканических пород с признаками яшм. Это ярко-алые и красные яшмы в обнажениях по реке Увелке около

▼ Выходы яшмы. Окрестности д. Ташбулатово

города Красногорска. Алая яшма обнаружена в карьере медно-цинкового Александринского месторождения, где ее скопления по запасам претендуют на новое месторождение. Отмечены находки яшмы на новом Султановском медном месторождении.

По маршруту мы смогли посетить только классические знаменитые месторождения и проявления яшмы. Но если вы обладаете неутомимой натурой, если вашему духу хватает смелости на открытия — сверните в сторону. Пройдитесь по глубоким логам и пашням, склонам гор и вы будете вознаграждены уральской природой открытием своей яшмы. Ведь так много еще не найдено, не открыто и не исследовано! Недра ждут! **УС**

▲ Ваза. Яшма ташбулатовская. Челябинск, 2009

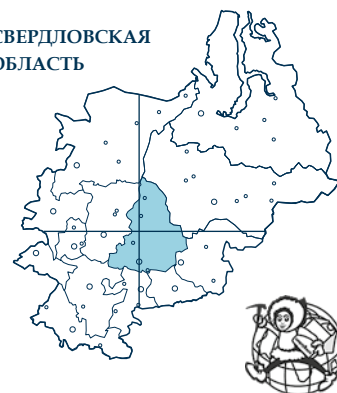
▲ Болясины для камина. Яшма ташбулатовская. Челябинск. 2009

▼ Яшма ташбулатовская

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Ориентирование по компасу в районе горы Качканар

Фото автора

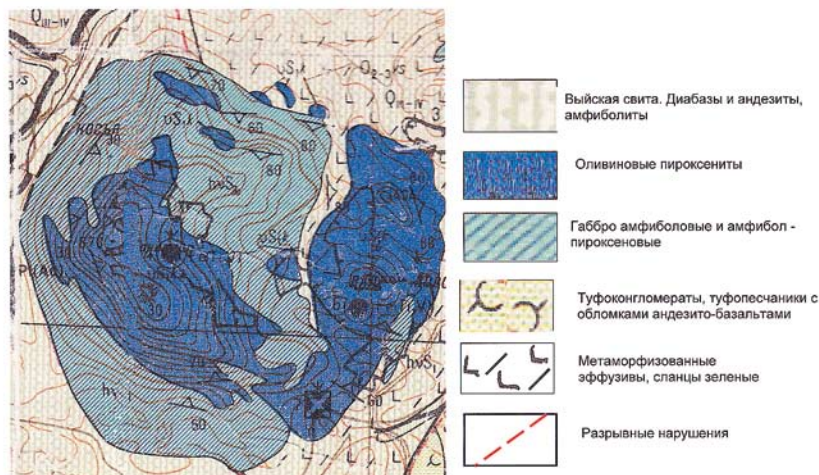
Встречный ветер

Кроме геопатогенных зон с загадочными явлениями, инопланетянами и разнообразной нечестью, в природе существуют реальные аномальные зоны, где интересно побывать и почувствовать на себе их влияние.

Приглашаем посетить одну из таких зон. Это самая интенсивная на Урале магнитная аномалия в районе горы Качканар.

Ирина Лобанова

КАЧКАНАРСКОЕ ТИТАНОМАГНЕТИТОВОЕ МЕСТОРОЖДЕНИЕ

▲ Геологическая карта горы Качканар

Гора Качканар на Среднем Урале — одно из привлекательных мест для любителей путешествий. Массив горы вытянут в меридиональном направлении и имеет две вершины: южную — 874,0 м и северную — 878,8 м. В районе горы органически сочетаются первозданная природа и уральский горнопромышленный ландшафт. В предвершинной части в окружении карликовой растительности множество живописных скальных останцев. У любителей фотографировать есть возможность создать свою коллекцию снимков останцев, увидев в скалах знакомые образы.

На склонах растет смешанный лес с участками кедровой тайги. Природа наделила гору и ее окрестности несметными богатствами. У подножия горы на протяжении почти 200 лет разрабатываются россыпи платины. В карьерах Качканарского горно-обогатительного комбината «Ванадий», примыкающих к горе с востока, добывается железованадиевая руда.

Популярность горы Качканар как туристического объекта из года в год возрастает, отчасти благодаря размещенному в скалистых отрогах северной вершины буддийскому мо-

настырю, где живут добрые, приветливые монахи.

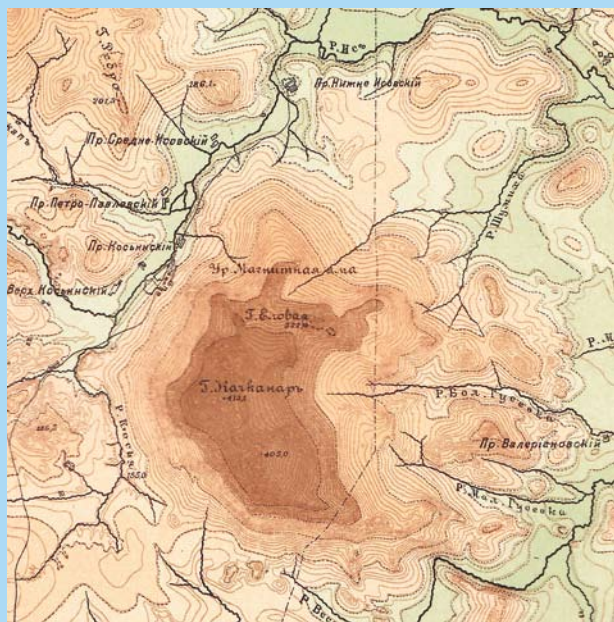
Гора Качканар и прилегающие к ней с востока Гусевы горы сложены магматическими породами Качканарского интрузивного массива, образовавшегося около 600 млн лет назад. Массив имеет округлую форму и размеры в поперечнике 10–11 км. Магнитное поле над массивом неоднородное, знакопеременное и в общем интенсивное положительное. Аномальные значения дельта Т достигают наивысших для Урала значений 3000–5000 нТл, иногда до 8000 нТл.

Качканарский массив слагают горные породы пироксениты и габбро. Пироксениты имеют буровато-черную окраску и кристаллически зернистое строение, состоят из пироксена и титаномagnetита. Титаномagnetит — магнитный минерал, способный притягивать мелкие стальные предметы и сильно влиять на стрелку компаса на близком расстоянии. Содержание ванадийсодержащего титаномagnetита в пироксенитах 10–20%. Пироксениты находятся в окружении горных пород под общим названием габбро. Эти породы имеют пеструю черно-белую окраску и состоят из пироксена, роговой обманки и плагиоклаза. Титаномagnetит в габбро содержится в меньших количествах и практически не влияет на стрелку компаса.

Склоны горы Качканар покрыты заросшими каменными осыпями —

▼ Западный карьер Качканарского ГОКа

▲ Гипсометрическая карта Исовского платиноносного района, 1913 год

курумником. В состав курумника входят мелкие обломки и глыбы пироксенита, которые сползают с вершины горы по склонам к ее основанию. Осыпи магнитных пироксе-

нитов, как и сами пироксениты, на вершине горы могут влиять на показания стрелки компаса.

Отработка Гусевогорского месторождения завершится. В ближайшее время начнется освоение собственно Качканарского месторождения. К сожалению, скальные останцы на вершине Качканара официально не являются памятником природы. Знаменитый «горбатый верблюд», давший название самой горе, и буддийский монастырь, расположенный рядом, попадают в зону горных работ и будут уничтожены, если никто не вступится в защиту этих достопримечательностей.

Для студентов Исовского геологоразведочного техникума гора Качканар является полигоном для проведения учебных практик. Первые в жизни маршруты здесь прокладывают будущие геологи, геофизики и маркшейдеры. Несмотря на кажущуюся доступность горы, расположенной в хорошо обжитом районе, путешественник может легко заблудиться. Для многих туристов, охотников, грибников компас остается основным средством ориентирования на местности – простым, надежным и дешевым прибором. Принято считать, что компас на Качканаре «не работает».

Первое упоминание о необыкновенно сильных «магнитах» горы Качканар мы находим в трудах академика П.С. Палласа в 1770 г. в труде «Путешествие по разным местам Российского государства». Профессор П.В. Еремеев в 1859 году указывает на невозможность пользования

▼ Несем дрова и продукты буддистам

▲ Буддистская ступа

компасом для определения элементов залегания горных пород.

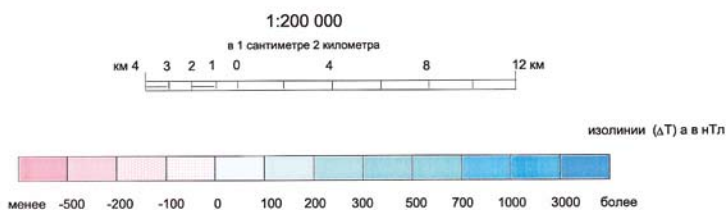
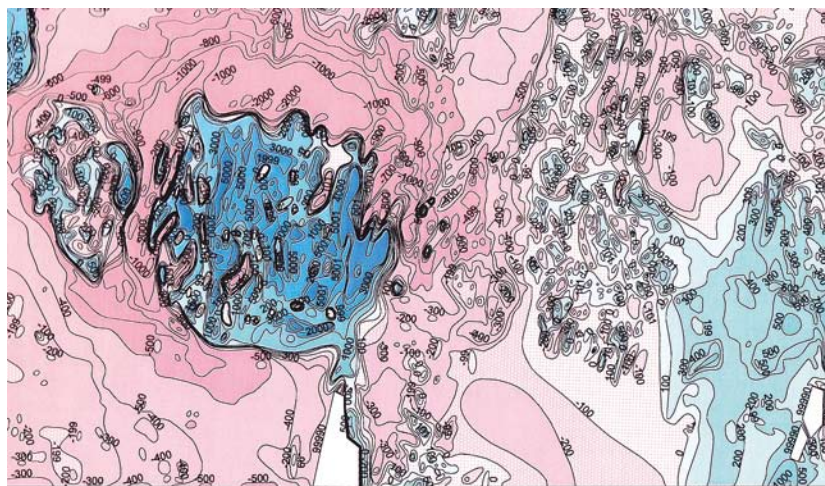
Серьезное планомерное геологическое изучение горы Качканар было

начато в 1946 году. Геологи сразу же столкнулись с проблемой — стрелка горного компаса при измерениях в некоторых случаях непредсказуемо

и сильно отклонялась от направления на север. Геологу В. А. Решитько, отвечавшему за геологическую съемку района горы Качканар, пришлось

▼ Монах Лук

▲ Карта аномального магнитного поля в районе горы Качканар
 ◀ Рудный пироксенит под микроскопом. Увеличение 6х. Черное — пироксен, белое — магнетит

переделать обычный компас в «солнечный» и разработать специально методику измерений, чтобы обеспечить точность определения азимутов при измерении элементов залегания и привязке обнажений.

Путешественнику-любителю компас нужен, чтобы двигаться в заданном направлении и не заблудиться. В этом случае ошибка определения азимута $\pm 10^\circ$ особого значения не имеет.

Мы задались целью выяснить, как работает компас в районе горы Качканар, и сформулировать рекомендации по использованию компаса для ориентирования в данной местности.

В процессе наших исследований решались следующие задачи:

1. *Определить величину магнитного склонения в различных точках массива горы Качканар.*
2. *Детально изучить воздействие магнитных пород качканарского массива на стрелку компаса.*

▼ Вид на поселок Косья с горы

▲ Геодезические измерения на вершине горы

Экспедиционные работы выполнялись в 2009–2011 годах. Измерения производились теодолитом с накладной буссолью, горным компасом и спутниковыми навигационными приемниками.

Не вдаваясь в детали выполненных работ, приведем их результаты:

- В районе горы Качканар имеются разрозненные аномальные участки местности, где компас не работает и где при смещении компаса на 1–2 метра стрелка может сильно изменить свои показания (до 90°). Аномальные участки, по нашим данным, имеют небольшой размер (до 30 метров в поперечнике). Суммарная площадь аномальных участков составляет около 30% площади качканарского массива.
- На 70% площади качканарского массива компас работает относительно «нормально», то есть ошибка в определении магнитного азимута составляет не более $\pm 10^\circ$.

Таким образом, на большей части площади качканарского пироксенит-габбрового массива компасом для приблизительного ориентирования пользоваться можно. Надо научиться выбирать место, где на стрелку компаса аномальное магнитное поле действует слабо.

Проверить, правильно ли работает компас, очень просто. Двигайтесь по прямой линии и постоянно наблюдайте за стрелкой. Если стрелка при движении по прямой линии показывает примерно один и тот же азимут на протяжении не менее 10 метров – компасу можно доверять. Если стрелка при движении по прямой линии меняет свои показания, место для ориентирования нужно сменить и снова проверить работу компаса. Двигаться с компасом надо на приметный ориентир и обязательно по прямой линии, а не петлять среди деревьев или камней. Компас держите как можно выше от поверхности земли и не приближайтесь к скальным стенкам и крупным глыбам.

Определив по компасу направление, нужно уметь его выдержать

при движении. В густом лесу или в сумерках человек буквально через 20–30 метров сбивается с пути, оставаясь уверенным, что он движется правильно. Компас в этом случае вызывает недоверие, которое психологически трудно преодолеть.

Чтобы не сбиваться с намеченного маршрута, рекомендуется сверять направление своего движения с направлением движения облаков, с направлением падения склона, с расположением дальнего ориентира и, главное, верить компасу, постоянно проверяя правильность его работы и корректируя свой маршрут. В противном случае в закрытой местности вы обречены ходить по кругу.

Район горы Качканар – отличный полигон для проведения тренировок и соревнований по ориентированию с помощью компаса.

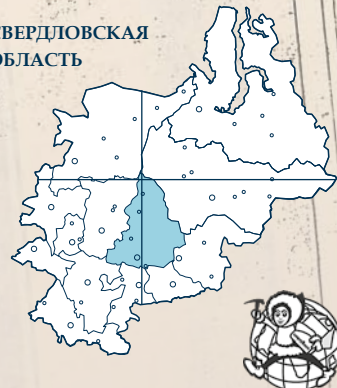
Счастливого пути на гору Качканар. Испытайте себя в аномальной зоне. 🗺

382

ФОТОТАБЛИЦА № 1.

Акту экспертизы № 199 от "16" апреля 1959 г.

Размышление над протоколами следствия

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Иллюстрации предоставлены автором

Вмешательство поисковиков

Физическое вмешательство поисковиков изменило картину места происшествия и не позволило предварительному следствию достоверно определить причину и обстоятельства побега дятловцев из палатки.

Поисковики, обнаружившие палатку на склоне высоты 1079 (в современном значении 1096) днем 26 февраля 1959 года, ледорубом, найденном ими тут же, нанесли палатке серьезные повреждения — затем они изъяли отдельные личные вещи, чтобы убедиться, что палатка принадлежит группе Дятлова. В том числе, они унесли с собой фляжку со спиртом, а утром на следующий день, вероятно, она была возвращена обратно в палатку, но уже пустой. Это предположение следует из показаний

прокурора г. Ивделя В. Темпалова, утверждавшего, что 27 февраля он обнаружил в палатке пустую фляжку со спиртным запахом, что дало ему повод заявить — туристы выпили и закусили «корейкой» непосредственно перед трагедией, после чего покинули палатку. Вторая фляжка содержала остатки замерзшего какао.

Утверждение прокурора г. Ивделя о том, что он нашел в палатке фляжку с «запахом из-под спирта», вызывает недоумение, которое по мере знакомства с материалами дела перерастает в уверенность — «не все так просто» в этом уникальном образчике «упущенных возможностей» приблизиться к истине.

О том, что люди поспешно покинули палатку по какой-то объективной причине, можно судить по повреждениям палатки, однако

Валерий Кудрявцев

Юрист, окончил МГУ, работал длительное время в прокуратуре Московской области и РСФСР следователем. В 90-е и 2000 годы принимал участие в различных проектах, связанных с долговыми автономными путешествиями в труднодоступные места России, в том числе с переходом через Берингов пролив на автомобиле, участвовал в организации перелета на дельтаплане Сахалин — Магадан — Берингов пролив. Принимал участие в съемках различных документальных фильмов, включая исследование феномена в г. Дальнегорске.

проведенная криминалистическая экспертиза ответила всего лишь на два однотипных вопроса:

«1. Имеются ли разрезы палатки группы Дятлова?»

2. Если имеются разрезы, то сделаны ли они с внутренней стороны или с наружной?»

И ни слова о разрывах в заключении экспертизы:

«В туристической палатке группы Дятлова на правом скосе полотна, образующего крышу, три поврежденных длиной примерно 32, 39 и 42 см ... возникли как результат воздействия каким-то острым орудием (ножом), т.е. являются разрезами. Все указанные разрезы нанесены с внутренней стороны палатки».

Бездействие предварительного следствия в отношении выяснения деталей, связанных с:

- выходом людей из палатки столь радикальным способом, да еще на собственную гибель в ночь с 01 на 02 февраля,
- обстоятельствами обнаружения палатки и нанесения ей дополнительных повреждений,
- изъятием вещей с места происшествия 26 и 27 февраля 1959 года привело к явной неполноте расследования уголовного дела.

Из допросов свидетелей выясняется, что разные группы поисковиков проникали в палатку и в процессе осмотра хаотично разбрасывали множество вещей по всей ее площади, нарушая их первоначальное местоположение. Позже (поверх разбросанных вещей) обнаружилась лыжная палка со срезанной верхушкой и надрезанной в нескольких местах.

Одна из групп поисковиков во главе с Г. Атманаки посетила место установки палатки 27 февраля и ... продолжила практику изменения картины места происшествия, вплоть до начала ее осмотра 28 февраля прокурором Темпаловым. Как минимум, они вынули без разрешения следствия три пары лыж из-под палатки и передали их военнослужащим Моисееву и Мостовому, чтобы им было легче передвигаться по склону, а также для пометки тел, обнаруженных на склоне.

О тотальном сохранении следов, принадлежащих группе Дятлова, никто из поисковиков даже не задумывался.

В свою очередь, следствие не «привязало» порезанную палку к стояку, который ранее удерживал палатку в рабочем положении на противоположной стороне от входа, хотя в деле имелись показания

поисковиков Чернышова и Лебедева, которые утверждали, что палатка держалась на двух «колах» и у нее естественно просела середина от «надутого снега» поверх крыши.

Известный исследователь Е. Буянов назвал «порезанную» палку «сломанной» в нескольких местах от воздействия схода снега. Как и в случае с «пустой» фляжкой, подобный вывод наводит на печальные размышления и вызывает сомнение в адекватности некоторых более поздних идей и версий. Любая интерпретация тех или иных фактов не должна выходить за рамки, установленные самими фактами. Единственным критерием здесь являются показания свидетелей.

Отсутствие интереса к объективным деталям предмета расследования, как правило, приводит либо к неправильным выводам, либо к неполноте расследования

Конфликт интересов между поисковой операцией и задачами предварительного следствия

Таким образом, еще до составления протокола осмотра палатки в ее зоне бесконтрольно побывало не менее двух десятков поисковиков и практически каждый из них оставил здесь свои следы.

Яркий пример состояния хаоса, возникшего у палатки 26 и 27 февраля, мы находим в показаниях поисковика Г. Атманаки от 7–8 апреля, протокол допроса которого составлен так, что невозможно понять, свои ли действия у палатки 27 февраля или чужие от 26 февраля он описывает в нем.

К моменту допроса Г. Атманаки прошло более одного месяца — даже непрофессионалу понятно, что увиденные на месте происшествия детали так долго не «живут»!

Подобные действия, изменяющие картину места происшествия, к сожалению, характерны не только для поведения неопытных молодых людей, добровольно взваливших на себя функцию поиска погибших товарищей. Предварительное следствие должен был заинтересовать обломок лыжи, найденный ниже палатки, чтобы «разделить» действия поисковиков и самих дятловцев, но и это не было выполнено, а отсутствие интереса к объективным деталям предмета расследования, как правило, приво-

дит либо к неправильным выводам, либо к неполноте расследования.

Из протокола допроса Г. Атманаки: *«Поднимаясь вверх, обнаружили следы, идущие вниз и принадлежащие, как потом выяснилось, погибшей группе. Несколько пар других следов принадлежали участникам поисковых групп, побывавших здесь накануне. Никаких других следов, а также предметов на этом участке не обнаружено, кроме рулона киноплёнки метрах в 15 ниже палатки, который выкатился оттуда во время предварительного осмотра палатки накануне».*

Строго говоря, в этой истории тесно переплелись принципы проведения спасательной поисковой

операции и предварительного следствия, отчето ощущито пострадали интересы последнего.

Вот что написал в протоколе допроса прокурор г. Ивделя В.И. Темпалов: *«Я проинструктировал работников института и дал указание, что если обнаружат хотя бы что-нибудь о нахождении студентов в каком-либо месте, немедленно сообщить мне. 27 февраля 1959 г. мне сообщили, что обнаружен один труп на горе 1079 и найдена палатка студентов-туристов. Я немедленно вылетел на вертолете на высоту 1079».*

Тем временем, еще до появления прокурора В.И. Темпалова на место происшествия прилетела группа В. Карелина с проводниками и собаками. Вновь прибывшая группа разделилась — поисковики Г. Атманаки и Б. Борисов вместе с проводниками Моисеевым и Мостовым поднялись к палатке в сопровождении людей из группы Б. Слобцова.

По прибытии на место происшествия 27 февраля В. Темпалов сосредоточился на описании тел для протокола, а палатку он осмотрел только на следующий день — 28 февраля, и уже после того, как около нее и в ней побывали поисковики, в том числе с собаками — они оставили не только множество собственных следов около нее, но и проникли внутрь и изъяли без разрешения с ме-

Есть несколько принципиальных обстоятельств — они подчеркивают процесс поспешного выхода из палатки и ухода людей в свой последний путь по склону вниз

ста происшествия вещественные доказательства. Тем не менее, прокурор В. Темпалов дал показания, которые не способствовали установлению истины по делу: «*Без меня к палатке никто не подходил и следов около палатки не наших не было*».

В то же время еще 27 февраля В. Темпалов приобщает к протоколу осмотра места происшествия выданные ему вещественные доказательства, изъятые поисковиками из палатки 26 и 27 февраля: «*К настоящему протоколу приобщаются документы и ценности, которые были предъявлены участниками нашего отряда и взятые из палатки пропавшей группы Дятлова...*».

Всего было выдано и приобщено предметов и документов более 20 наименований, не считая изъятых поисковиками 26 февраля вещей и документов, в том числе был приобщен и дневник З. Колмогоровой — к нему мы позже вернемся, чтобы обратить внимание на упущенные возможности и на обстоятельства обнаружения тела девушки уже на склоне упомянутой высоты.

Масштаб вмешательства поисковиков за два дня поражает и впечатляет. К сожалению, поисковики не удовлетворились изъятими вещами и документами, но существенно

изменили фактическую картину места происшествия.

Есть несколько принципиальных обстоятельств — они подчеркивают процесс поспешного выхода из палатки и ухода людей в свой последний путь по склону вниз.

Брошенные носильные вещи

Поисковик Б. Слобцов заметил оброненные носильные вещи в непосредственной близости от палатки и всего в полуметре — метре от нее — это шапочки, тапочки и другие «мелкие предметы». Несколько позже Е. Масленников (руководитель поискового отряда на месте происшествия) тоже говорил про эти вещи, но добавил к ним меховую куртку Дятлова и какую-то штормовку — с его слов, эти вещи обнаружили уже в 10–15 метрах от палатки. Ни Иванов, ни Темпалов не обратили внимания на противоречия в показаниях Б. Слобцова и Е. Масленникова, связанного и с местом обнаружения «потерянных» носильных вещей, и с перечнем этих вещей. Показания Б. Слобцова имеют несомненный приоритет по сравнению с более поздними утверждениями Е. Масленникова, который палатку не обнаружил и 26 февраля находился в г. Ивделе.

И больше нигде в уголовном деле нет упоминания об этих вещах, а они могли бы объяснить то, что происходило в палатке и около нее.

Таким образом, и шапочки, и тапочки, и «другие мелкие предметы» коррелируются с установленным фактом наличия разрезов ската палатки от ножа, а значит с выходом через разрезы людей.

Эти потерянные на выходе и в дальнейшем неустраиваемые вещи подчеркивают экстренность (поспешность) действий дятловцев и высокую скорость, с которой они стремились выйти наружу.

Повреждения палатки

Скат имел повреждения — разрезы выполнены с помощью ножа — «*все указанные разрезы нанесены с внутренней стороны палатки*».

Вывод старшего эксперта — криминалиста Г.Е. Чуркиной дает возможность понять важное обстоятельство — разрезы сделаны исключительно изнутри, но не снаружи, что характеризует стремление туристов выйти из палатки с довольно большой скоростью, на которую можно рассчитывать при таких условиях — без промедления, без дополнительных затрат на сборы, поиск теплой одежды и инструмента, необходимого для автономного пребывания вне палатки — единственного приемлемого укрытия при неблагоприятной природной среде с низкой отрицательной температурой.

При внимательном исследовании обстоятельств, связанных с разрезами, нельзя не обратить внимание на замкнутый короткий разрез длиной 32 сантиметра — он, как и длинный разрез (89 см), находился практически на одной вертикальной линии рядом с выходом — входом, а это означает, что оба разреза выполнены одним и тем же человеком с помощью ножа. Для него сохранилась реальная возможность самостоятельно и без особых усилий выйти из палатки через выход без нанесения ей повреждений, однако он предпочел перемещаться от выхода в глубину палатки вдоль длинного разреза, следом за движением ножа. Причем с достаточной степенью уверенности можно утверждать, что этот человек покинул палатку через сделанный им же разрез в боковой плоскости ската палатки. Подобное поведение выглядело бы нелогичным и странным, если бы в палатке не было других людей. Похоже на то, что разрез делался и для них в том числе.

Отсутствие входящих снаружи разрезов говорит не о забывчивости людей по отношению к одежде и инструменту внутри палатки, а скорее о стремительном и безостановочном ее покидании.

Безусловно, им всем было не до инструмента — так необходимых в лесу двуручной пилы и топора, поскольку они находились в состоянии внезапного испуга и очень похоже, что это состояние застигло их врасплох.

«Потеря» носильных вещей у палатки дает нам возможность «увидеть», как люди стремительно и безостановочно покидают палатку и ее зону.

Поскольку многие из дятловцев были обнаружены без шапочек, то уместно напомнить, у кого не было головных уборов — у И. Дятлова, А. Коллеватова, Ю. Кривонищенко и Ю. Дорошенко.

У остальных — З. Колмогоровой, Л. Дубининой, Н. Тибо-Бриньоля, А. Золотарева и Р. Слободина шапочки были надеты. У З. Колмогоровой было две шерстяные шапочки, одна из которых была подвязана под подбородком с внешней стороны. И она была одной из тех двоих, кому принадлежали тапочки, потерянные у палатки.

Шапочки она не могла потерять, а вот тапочки вполне. Те, кто потерял головные уборы, мог уронить их только в движении, при том, стремительном, потому, что уже не хватало времени их подобрать. Следовательно, нельзя исключать, что именно на выходе и при пересечении брезентовой стенки палатки люди торопились.

Итак, «потеря» носильных вещей может свидетельствовать о высокой скорости покидания палатки через разрез.

Внутри палатки, которую туристы покинули главным образом через длинный разрез, сохранились различные вещи, одежда, обувь и инструмент.

А учитывая безостановочный (поспешный) и безвозвратный уход туристов на длинное расстояние к лесу без обуви, телогреек и даже без головных уборов, без перчаток или варежек, без инструмента для разведения костра в лесу, все эти установленные предварительным следствием обстоятельства должны были повлечь за собой вывод предварительного следствия о высокой скорости покидания палатки.

К ним я бы отнес наличие следов на снегу.

Из допрошенных поисковиков ни один не указывал на следы, которые возвращались бы обратно к палатке или шли по направлению к ней. Все они были ориентированы строго к лесу и вниз от палатки или из ее зоны. Правда в непосредственной близости от палатки возникла «ветровая» тень — слепая зона, которая и скрыла все следы, за исключением небольших носильных вещей, обнаруженных Б. Слобцовым.

Следы просматривались хорошо, и на одном из фотоснимков можно отметить, что они «стремительно» пересекаются.

Вот что говорил по этому факту прокурор г. Ивделя В. Темпалов: «...на склоне я обнаружил 8 пар следов людей, которые тщательно рассмотрел, но они были деформированы ввиду ветров и колебаний темпера-

туры. Девятого следа установить мне не удалось и его не было. Следы мною сфотографированы. Они шли вниз от палатки. Следы показали мне, что люди шли нормальным шагом вниз с горы».

Е. Масленников: «В том, что группа сознательно уходила от палатки, нет сомнений. Мы обнаружили следы почти всей группы. Обстоятельства оставления палатки, причем порез ее для меня необъяснимы».

«Вопрос: Следы скольких человек Вы обнаружили на склоне высоты 1079 под палаткой?

Ответ: Следы видны на ограниченном участке склона под палаткой, причем только в одном месте — все сразу, до и после этого — различаются след от 3 до 5 человек, а то и менее. 8 пар следов, 9-я пара была спорной, т.к. следы «набежали» друг на друга. Я склонен считать, что здесь были все 9 пар следов, этого же мнения

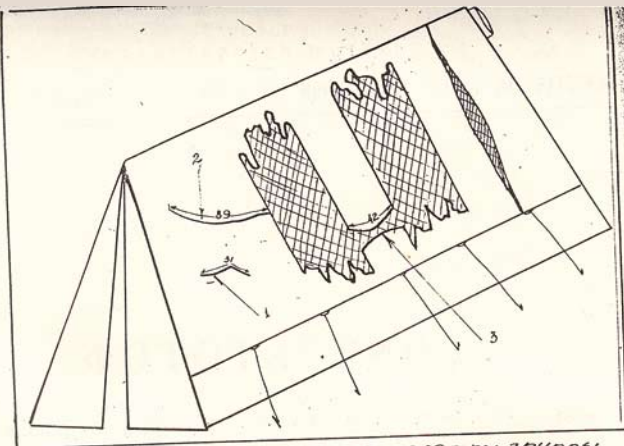

Фото к1. Примерная схема палатки группы Дятлова. Заштрихованы отсутствующие доски ткани. Разрезы отмечены красными стрелками. Разрывы отмечены не все.

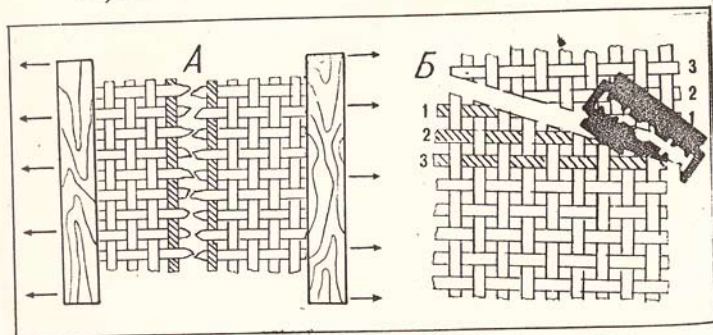

Фото к2. Схема разрыва и разреза тканых изделий. а-разрыв, б-разрез.

Следы на снегу

Есть ли еще какие-либо «говорящие» признаки?

придерживались и другие товарищи по поискам».

Ценными являются показания автора двух статей вашего журнала С. Согрин: «Ниже палатки на снежном склоне видны следы, причем несколько цепочек. Это говорит, что группа бежала из палатки и что катиться по склону не могла. Если полагать, что кто-то вышел из палатки и по какой-то причине скатился вниз, то он бы пролетел не более 10–20 метров. В этом случае всегда, при самом сильном ветре, была реальная возможность вернуться в палатку.

Вернуться же в палатку от кедра, который расположен в 1,5 км вниз по склону, без обуви невозможно даже самому здоровому человеку».

Вновь обратимся к показаниям Е. Масленникова: «**Вопрос:** Каковы по вашему мнению причины гибели группы Дятлова?»

Ответ: Я считаю, что причиной гибели было какое-то чрезвычайное обстоятельство, которое заставило группу считать нахождение в палатке более опасным, чем в штормовой ветер полудетскими ночевать на снегу. В том, что груп-

па сознательно уходила от палатки, нет сомнений. Мы обнаружили следы почти всей группы. Обстоятельства оставления палатки, причем порез ее для меня необъяснимы».

Из показаний капитана Чернышова: «Так же, как и все, я не могу понять причины оставления палатки группой. Что-то заставило их спешно покинуть палатку, причем так спешно, что для этого пришлось некоторым даже выходить не через дверь, а через разрез, который для этого кто-то сделал. Люди шли в одних носках, Слободин шел в одном валенке, но все же шли от палатки. Может быть, их подгонял ветер, но он их не катил по снегу – в этом случае следов бы не осталось».

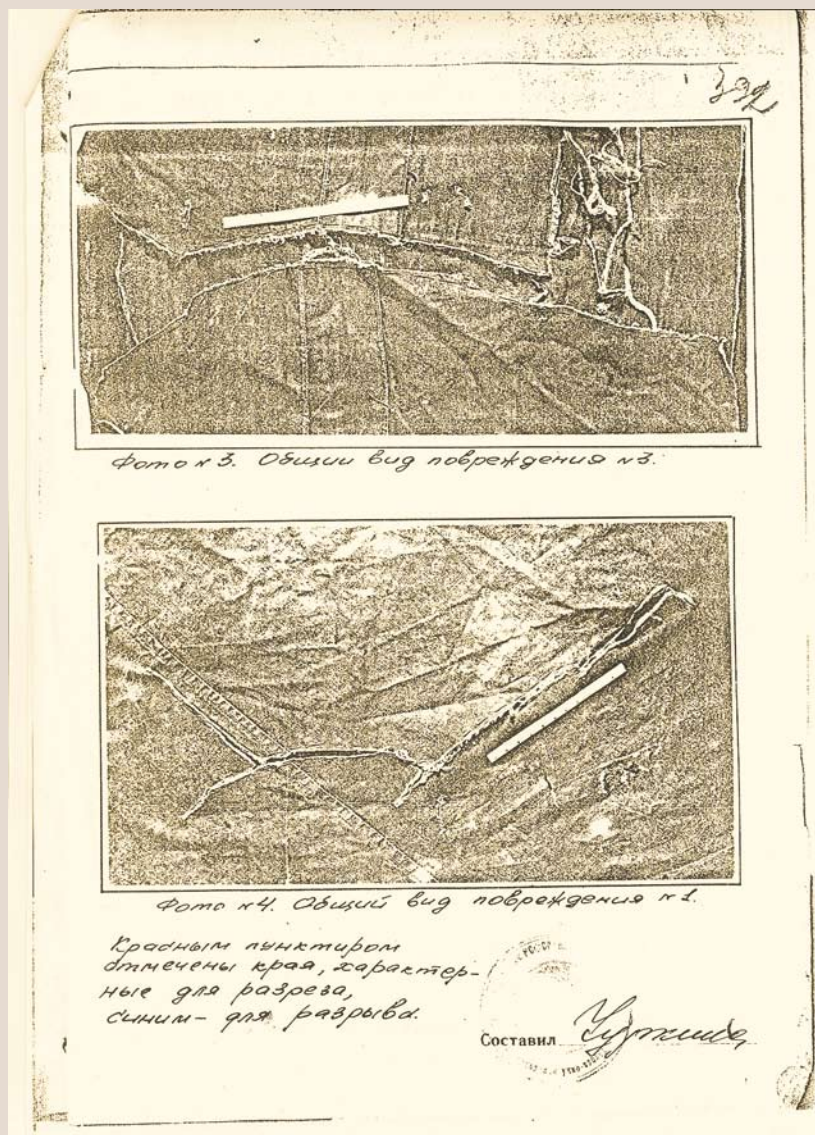
При осмотре палатки создавалось впечатление, что туристы организованно оставляли палатку. Палатка Дятлова была расположена на северо-восточном склоне горы «1079», а склон спускался и переходил в лощину. Склон представлял собой неровное понижение, пересекаемое поперек несколькими каменными грядками, идущими параллельно».

Начиная от палатки в 30–40 метрах обнаружены явные, хорошо различимые следы ног людей. Следы тянулись параллельными цепочками близко друг к другу, как бы люди шли держась друг за друга. Цепочки следов тянулись как бы двумя направлениями – 6 или 7 пар следов мы насчитали от палатки вниз в лощину, а левее их, метрах в 20, или еще 2 пары следов. Затем эти следы (2 и 7 пар) метров через 30–40 сошлись вместе и больше не расходились».

Чернышов обратил внимание на наличие двух пар следов в 20 метрах от линии движения основной группы. Причем отмечено, что две пары следов сходятся с отметки в 30 метров от палатки и соединяются с остальными следами в 60–80 метрах от нее».

Подобная траектория следов свидетельствует, что обе группы (2 + 7) находились в разных местах друг от друга в момент возникновения опасности в зоне палатки и практически одновременно стартовали вниз – одна основная группа двигалась от палатки, а вторая стартовала на значительном расстоянии от нее. Неисключено, что эти двое людей также вышли из палатки и сразу устремились вниз по дуге, что не имеет принципиального значения, поскольку при любом сценарии все участники двигались стремительно от палатки вниз, не пытаясь задержаться для оказания помощи раненым, как утверж-

Что-то заставило их спешно покинуть палатку, причем так спешно, что для этого пришлось некоторым даже выходить не через дверь, а через разрез, который для этого кто-то сделал

дает в своем исследовании Е. Буянов, имея в виду травмирование людей внутри палатки от гипотетического схода снега: «Обвал импульсивно придавил и вызвал тяжелые травмы трех участников у дальнего края палатки...» (Уральский следопыт, январь, 2009 г.).

Все следы не имели признаков возврата людей обратно к палатке с момента выхода из нее даже с очень короткого расстояния и однозначно «прочитывались» как уходящие к лесу от зоны, в которой находилась палатка ниже отрога высоты 1079. Вот почему любые утверждения о потере ориентации вблизи этой зоны выглядят несостоятельно.

На мой взгляд, все суждения в отношении следов предварительное следствие должно было суммировать, добрать недостающее и сделать однозначный вывод не только о внезапности, побудившей людей экстренно покинуть палатку через разрез, но и о дпящемся процессе опасного воздействия за пределами палатки, в результате которого они ушли к лесу безвозвратно и без остановок (за исключением вынужденных) на склоне — таков лейтмотив показаний поисковиков в материалах уголовного дела, а также некоторых более поздних воспоминаний.

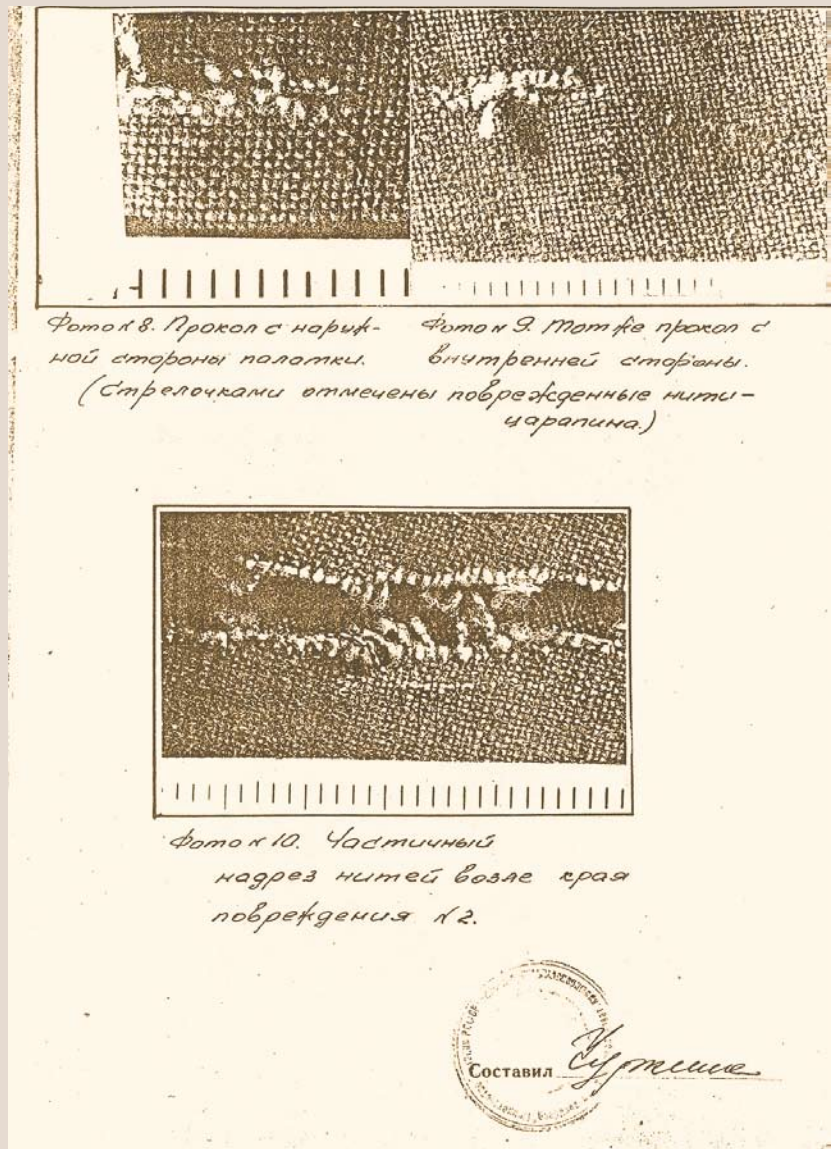
Палатка устояла

В. Лебедев и А. Чернышов говорили про просевшую середину между двумя колами: В. Лебедев — «Середина палатки провалилась».

А. Чернышов: «На первый взгляд палатка представлялась занесенной снегом, но когда мы рассмотрели ее, то увидели, что палатка со стороны входа держалась на центральном кольшике и была хорошо укреплена веревками. Другой ее край тоже держался на коле, но т.к. середина палатки была завалена снегом, а скаты палатки с наветренной стороны были сильно разорваны, то край опустился и оказался под снегом. В палатку засунуться было невозможно, т.к. вся она была занесена снегом, и как были расположены вещи, удалось рассмотреть только при откапывании ее. Палатка была установлена капитально. На снегу была подготовлена ровная площадка, на снег положены лыжи скользящей поверхностью вверх, на них уже лежало дно палатки».

Фонарик на крыше, ледоруб и лыжи снаружи палатки

Отдельного внимания заслуживает факт обнаружения фонарика на палатке, пары лыж и ледоруба

рядом с ней в открытом доступе, как свидетельство упущенных возможностей при отходе людей к лесу. Кстати говоря, ледоруб и фонарик Б. Слобцов и М. Шаравин переместили в свой базовый лагерь и наряду с другими вещами продемонстрировали своим товарищам по поиску. Вот характерное заявление В. Брусницына, допрошенного 15 мая: «В лагерь ими были принесены ... куртка Слободина, ледоруб, который был воткнут рядом с палаткой, фонарь, найденный у палатки, и флагу спирта».

Б. Слобцов: «Вокруг палатки в снегу стояли лыжные палки и запасные лыжи — 1 пара. Снег на палатке был толщиной 15–20 см, было видно, что снег на палатку надут, был твердый. Около палатки рядом со входом в снег был воткнут ледоруб, на палатке, на снегу лежал фонарь карманный, китайский, который, как установили впоследствии, принадлежал Дятлову. Не понятно было то, что под фонарем был снег

примерно 5–10 см толщиной, над фонариком снега не было, по бокам был немного присыпан снегом. Фонарик взял я первым и обнаружил, что он не был включен. Когда включил я, то зажегся свет».

Все эти вещи — фонарик, лыжи, ледоруб находились снаружи палатки, однако при выходе и отступлении к лесу они не были взяты.

Несогласие с тезисом С. Согрин

С. Согрин в своей реконструкции событий на склоне высоты 1079 не рассматривает внесенные поисковиками изменения в картину места происшествия, что не позволяет достоверно знать о происходящих событиях на этой высоте в ночь с 1 на 2 февраля 1959 года. С. Согрин («Уральский Следопыт», №12, 2010 год) сосредоточился на утверждении, что **вся группа в полном составе** достигла зоны Кедр, расположенной на расстоянии приблизительно в полтора

километра от брошенной палатки. Но это утверждение С. Согрина может быть ошибочным, поскольку есть основания говорить о «потере» Рустема Слободина на склоне, который так и не сумел добраться до Кедр и погиб в одиночестве.

Р. Слободин

В карманах верхней одежды Р. Слободина обнаружались письма на бумажной основе, бумажные деньги, паспорт, полная коробка спичек, перочинный ножик, неостребованные стельки под свитером на груди и никаких признаков его пребывания у Кедр вместе со всеми.

Обнаружение и последующий обычный осмотр поисковиками тела состоялись без участия прокурорских работников — не был составлен процессуальный документ — протокол осмотра места происшествия, а в процессе перемещения тела в Ивдель была утеряна шапочка с его головы — она отчетливо видна на фотоснимках. Судмедэкспертиза отметила черепно-мозговую травму у Р. Слободина, но предварительное следствие не смогло определить механизм ее возникновения. Между тем даже Л.Н. Иванов придерживался точки зрения, что Р. Слободин возвращался на склон от Кедр и шел он к палатке.

У Р. Слободина, например, нашли:

- 2 войлочные стельки от ботинок (на груди между свитером и ковбойкой)

В ковбойке находились:

- паспорт
- 310 руб. (100, 4x50,10)
- авторучка с чернилами

В карманах лыжных брюк судмедэксперт Б. Возрожденный обнаружил:

- коробку с 43 спичками;
- перочинный нож на длинной веревочке;
- расческу в футляре;
- две веревочки;
- карандаш;
- х/б носок.

В тренировочных брюках лезало письмо профкома.

Замечу, что Р. Слободин покинул палатку в одном валенке, а на ногах у него было надето по четыре пары носков, не считая стелек. И, как видно, еще один (девятый) носок у него был с собой в кармане.

При нем находилось много бумаги, пласмассовая расческа и полный коробок спичек — и все это богатство на фоне пустых карманов других Дятловцев не было использовано.

Ни следствие, ни поисковики не связали между собой содержимое карманов одежды Р. Слободина, и это при том, что внизу у Кедр шло самое настоящее сражение с ночным холодом за выживание. Тем не менее, был сделан явно ошибочный вывод о движении Р. Слободина наверх к палатке от Кедр, в то время, как многие детали указывают на то, что он до Кедр вместе со всеми не дошел и погиб при спуске от палатки.

З. Колмогорова

«Потеря» вещей у палатки, фонарика в 100 или в 450 метрах вниз от палатки, «потеря» Р. Слободина ниже З. Колмогоровой, но выше И. Дятлова, наводят на мысль не только об экстренном и безостановочном побеге группы из (от) палатки, но и заставляют очень внимательно присмотреться к обстоятельствам «потери» З. Колмогоровой при движении сверху вниз от палатки, но не наоборот — при движении обратно к палатке.

Из показаний поисковика Г. Атаманаки известно, что она была обнаружена с помощью служебной собаки — овчарки Альмы на прямой линии — палатка — фонарик — Колмогорова — Слободин примерно в 700 метрах от палатки, в то время как некоторые поисковики отмечали, что следы людей от палатки просматривались на расстоянии в 800 метров. В радиограммах указано расстояние в один километр.

Из материалов дела следует, что более всего пострадало лицо девушки, на нем имелись многочисленные точечные, в том числе округлые ссадины с кровоизлиянием в толщу кожи — она вполне могла избежать подобных повреждений, если бы воспользовалась лицевой маской, хранившейся у нее на груди под свитером. Но она не одела ее, по всей видимости, из-за дефицита времени при спуске от палатки вниз. А это может означать, что и З. Колмогорова не дошла до зоны Кедр.

Тезис С. Согрина о том, что до Кедр группа дошла в полном составе, в подобной интерпретации нуждается в существенной корректировке и объяснении возникших противоречий.

Поисковик М. Аксельрод обратил внимание на обрывок свитера в зоне

Кедр, и это обстоятельство повлекло за собой утверждение о пребывании З. Колмогоровой внизу у костра, так как у свитера, одетого на ней, оказался оборван обшлаг рукава. Однако, по моим данным, исходя из визуального исследования ее одежды на фотографиях, это утверждение представляется ошибочным, поскольку обшлаг не оторвался, а всего лишь оказался не до конца оборван. В этом можно убедиться, едва взглянув на свитер, в котором З. Колмогорова была обнаружена на склоне — оборванный обшлаг рукава на месте и по цвету отличался от куска свитера, найденного в зоне Кедр у костра.

Вот как описывает В.И. Темпалов местонахождение З. Колмогоровой на склоне: «Можно предположить то, что Колмогорова согласно расположению тела старалась не карабкаться в гору, а удерживаться на месте».

Отмечая обстоятельства обнаружения местоположения З. Колмогоровой на склоне, следует вновь обратиться к некоторым особенностям поиска туристов и вмешательства поисковиков в сложившуюся картину происшествия.

Известно, что В. Темпалов приобщил вещи дятловцев к протоколу осмотра места происшествия от 27 февраля, включая личный дневник Зинаиды Колмогоровой. Но приобщая его, В. Темпалов обязан был зафиксировать в протоколе, кто именно передал его, чтобы иметь возможность хотя бы позже уточнить обстоятельства обнаружения дневника.

Но это не было сделано.

Между тем место нахождения дневника могло иметь существенное значение для успешного расследования уголовного дела.

Из судебно-медицинского исследования известно, что нижние спортивные брюки девушки имели два внутренних кармана, причем правый карман был вывернут наружу, и я полагаю, что в этом кармане З. Колмогорова хранила свой личный дневник размером 8 x 12 см.

При таких небольших размерах записная книжка могла легко поместиться во внутреннем кармане брюк и всегда быть доступной для девушки, которая активно им пользовалась на промежуточных стоянках — есть несколько фотоснимков, убедительно доказывающих использование дневника даже в процессе движения по маршруту на лыжах. В этом же кармане хранилась расче-

ска. И, кстати сказать, она осталась на месте, в кармане, а вот дневник могли изъять поисковики, чтобы по записям в нем получить необходимую информацию для понимания обстоятельств трагедии.

Позже, когда эта необходимость отпала, дневник отдали В. Темпалову.

В том случае, если дневник находился у З. Колмогоровой во внутреннем кармане брюк, то довольно уверенно можно предположить, что его хозяйка так же, как и Р. Слободин, не дошла вместе со всеми к зоне Кедр и «потерялась» на склоне (иначе записная книжка была бы использована для разведения костра). В пользу этого суждения говорит и факт обнаружения фонарика на склоне, на выходе группы с третьей каменной гряды.

Фонарик на склоне

Сведения об этом фонарике мы находим не только на схеме Е. Масленникова, но и в его радиограмме в Ивдель. «Потеря» крайне необходимого фонарика в условиях спуска к лесу через каменные гряды и его неостребованность (фонарик был найден в зажженном состоянии, а значит, был обронен и еще какое-то время продолжал светить) наводят на мысль о чрезвычайном происшествии в районе третьей каменной гряды, во время которого и были причинены тяжелейшие травмы.

Из показаний Г. Атманаки: «Последующие два дня (7–8 марта) были посвящены заканчиванию работ в районе ручья, одновременно группа в пять человек, оснащенная лавинными зондами, прошла овраг в 50 м за кедром, обследовав участок протяженностью в 300 м. Никаких результатов это не дало, кроме того, что метрах в 100 ниже палатки был найден электрический фонарик во включенном состоянии с выгоревшей батарейкой, принадлежавший кому-то из участников погибшей группы».

Сигнальный костер

Потеря двух членов группы на склоне вынуждала уцелевших, не травмированных (Дятлов, Кривонищенко, Дорошенко и Колеватов) развести сигнальный костер в просматриваемом издали «ветродуйном» месте у Кедр (поздний рассказ поисковика Шаравина), и вынуждало И. Дятлова уйти наверх для поиска Р. Слободина и З. Колмогоровой практически сразу же после эвакуации раненых (Дубинина, Тибо – Бриньоль, Золотарев) в «безмолвную» зону ручья.

В этот момент А. Колеватов поделился с Дятловым своей меховой безрукавкой.

Очевидно, что И. Дятлов ушел спасать оставшихся на склоне З. Колмогорову и Р. Слободина еще до гибели Ю. Кривонищенко и Ю. Дорошенко, в противном случае он смог бы воспользоваться хотя бы носками последних, часть из которых была разбросана у костра.

Таким образом, люди стремительно вышли через разрез, теряя мелкие носильные вещи непосредственно у палатки и не имея возможности их подобрать. Двигаясь безостановочно и без каких-либо признаков возврата основная группа (6–7 человек) воссоединилась с двумя туристами в 60–80 метрах от палатки, затем в зоне третьей каменной гряды получены тяжелые травмы, вероятно, там же потерян зажженный фонарик, ниже были «потеряны» З. Колмогорова и Р. Слободин. **УК**

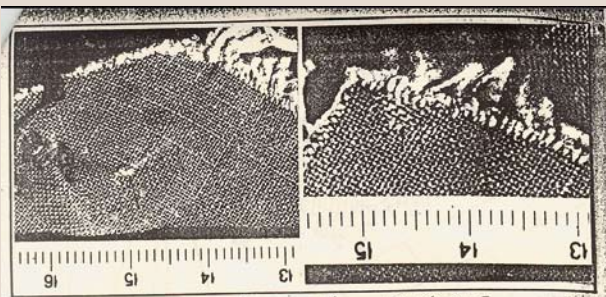

Фото №5. Царапина в уголке повреждения н.з.

Фото №6. Соскоб красителя с нити ткани.

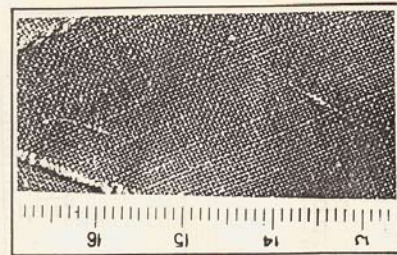

Фото №7. Две царапины возле края повреждения н.з.

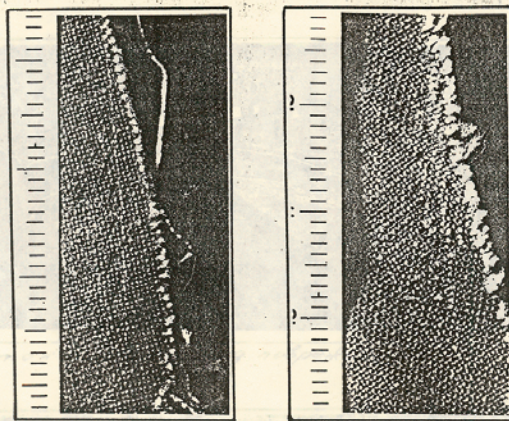

Фото №10 и 11. Царапины и доскобы красителя с нити.

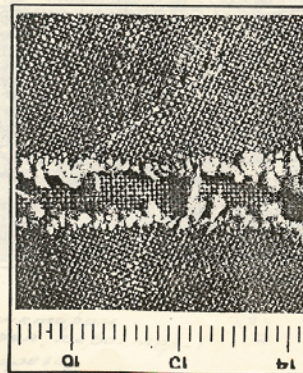

Фото №12. Царапина.

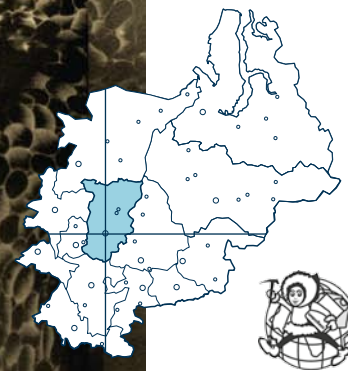
Составил

Обсуждение статьи — на форуме:
www.uralstalker.com

▲ Семья Алиных. Харбин. 1935 г.

ПЕРМСКИЙ
КРАЙ

Сергей Согрин

Родился в 1937 году в Шанхае (Китай). Когда ему было 10 лет, семья вернулась в Россию, в Свердловск. Закончил Уральский политехнический институт по специальности металлургические печи. В «Уральском следопыте» печатался его очерк с изложением версии гибели группы туристов И. Дятлова. Настоящая публикация подготовлена автором на основе архивов семьи чердынской купеческой династии Алиных-больших. Живет в г. Усть-Лабинске Краснодарского края.

Алины: трагедия рода. Вечные изгнанники

Иллюстрации предоставлены автором

Печорский край спустя годы

Позвольте мне здесь отвлечься от тех давних событий и перенести читателя во вторую половину 50-х годов, когда я был молод, учился в Уральском политехническом институте, увлекался зимними путешествиями по Уралу. Так мне удалось пройти по древнему Сибиряковскому тракту, побывать на Печоре, спуститься по Государевой дороге на Вишеру.

Тогда я даже не подозревал, что здесь каждый год ходили с товаром зимними обозами и на баржах мои деды и прадеды.

Впечатление от этих путешествий и всего увиденного было сложным. С одной стороны, природа и богатейший край оставили неизгладимое и по сей день впечатление. А с другой — было какое-то ощущение мертвящей тишины. Осознание и пони-

▲ Избушка в тайге, 1956 г.

▲ Без оленей нет жизни на севере, 1957 г.

мание этого произошло много позже, когда я узнал, что здесь было раньше, как кипела жизнь. А теперь это забытый Богом край.

Обещанной райской жизни после искоренения буржуев и кровопийцев-купцов не наступило. Пришло полное запустение. То, чем люди жили, их промысел стал никому не нужен и не востребован. Люди лишились своей привычной работы, в которой были большими умельцами. Белку били в глаз, чтоб не портить шкурку. Выживали, кто как мог.

Но самое страшное, что постигло народы Севера, — это поголовная целенаправленная их алкоголизация, в чем мы воочию убедились. Во всех убогих магазинах края мы видели одну и ту же картину. Полки, заби-

тые «огненной водой» в виде бутылок чистого спирта и по весьма низкой цене. Правда, везде было свежее мясо оленины. Но это уж свое, местное. Без оленей нет жизни — это и транспорт, и пища, и одежда, и жилище, и многое другое. Более или менее регулярно завозили хлеб. Вот и весь ассортимент.

А когда мы спустились в 1957 г. по Государевой дороге на Вишеру в пос. Велс, то попали на раннюю в тот год Масленицу. Не хотелось еще мотать на лыжах более сотни километров до Красновишерска, тем более, что «завтра туда должен пойти обоз. Есть нечего, все спиртное кончилось», — убеждали местные жители. Ждать обоза нам пришлось дней пять, пока во всех дворах не осталось и капли самогонки.

С приходом новой власти весь Печорский край превратили в «Архипелаг ГУЛАГ». Повсюду мы в своих походах наткнулись в тайге на голые вырубki, обнесенные колочей проволокой, с бараками в центре, кото-

рые и человеческим жильем было трудно назвать.

В те студенческие годы очень популярны были эковские песни, которые мы задорно горланили, не очень то задумываясь над их содержанием и тем, какая в них звучала боль и трагедия целого поколения.

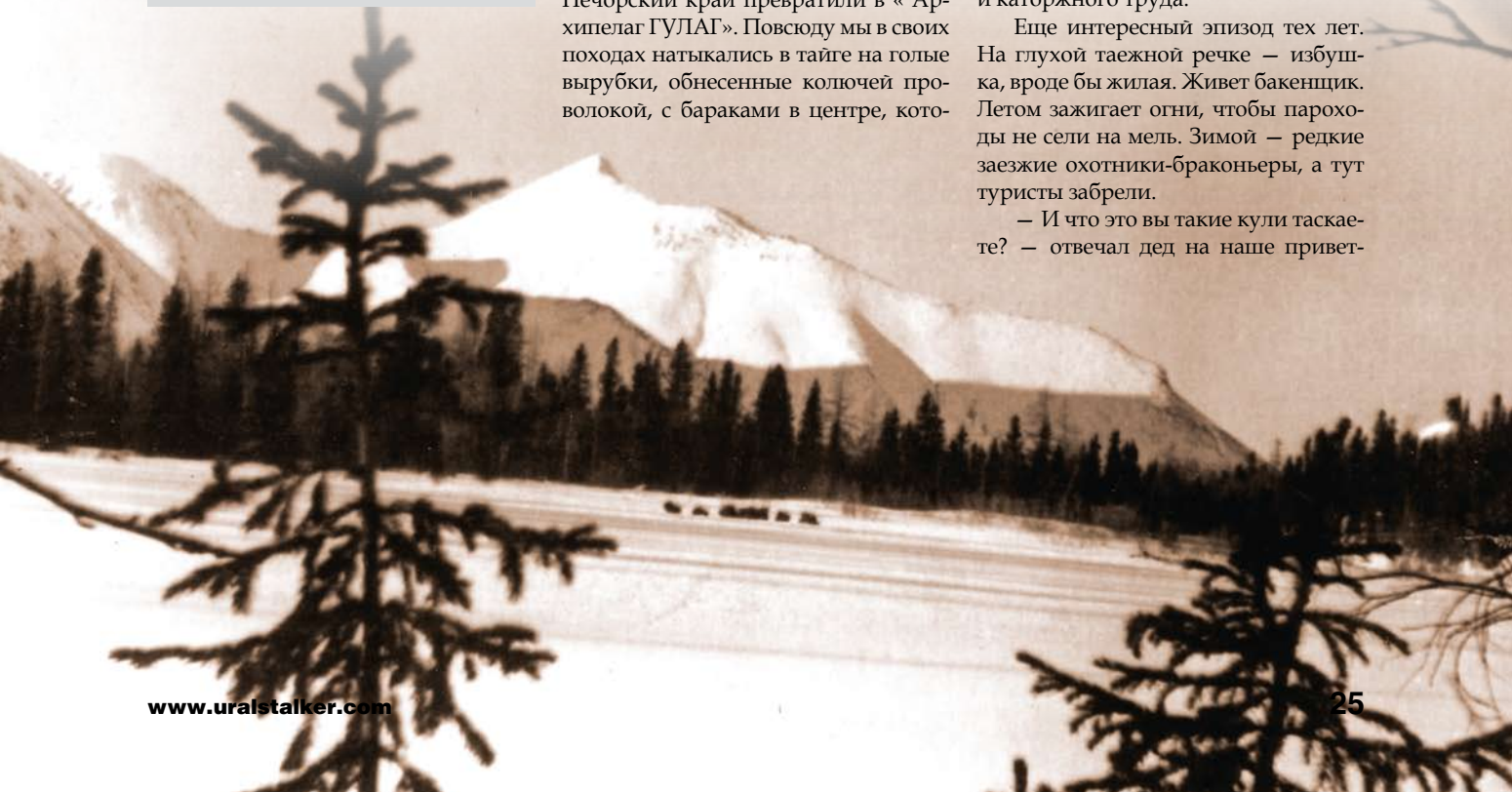
*Там в океан бежит Печора,
Там всюду ледяные горы,
Там стужа люта в декабре,
Не хорошо зимой в тундре...*

Только глядя на эти бараки, покинутые совсем недавно после смерти Сталина, удивлялись, как в них можно было выжить в 50-градусные морозы Севера. Стали понимать, сколько безысходности было вложено в слова этих песен людьми, обреченными на гибель от цинги, холода и каторжного труда.

Еще интересный эпизод тех лет. На глухой таежной речке — избушка, вроде бы жилая. Живет бакенщик. Летом зажигает огни, чтобы пароходы не сели на мель. Зимой — редкие заезжие охотники-браконьеры, а тут туристы забрели.

— И что это вы такие кули таскаете? — отвечал дед на наше привет-

▼ Приполярный Урал, 1957 г.

ствии. — Хорошие деньги, наверное, платят?

В доме по-староверски чисто, в среднем углу под образами — лампада и два портрета.

— Дед, кто это у тебя тут?

— Мил человек, Николаю II я присягал на верность Отечеству, а этот — ныне здравствующий.

— Да его уж пару лет как нет.

— Царство ему небесное. А кто же теперь?

— Хрущев, ныне здравствующий, — отвечали мы ему в тон.

Засуетился дед. Снять Сталина? А где же взять этого Хруща?

— Вот в старое время было проще. Чердынские купцы нас всем снабжали, а теперь никому не нужны. Был такой Алин, саженного роста мужик, не зря его звали большим. Все, что закажешь, привезет, а жене и детям гостинцев гору. Вон ружье стоит — алиновское. Хороший был человек. Никогда не обижал, платил за пушное сполна. Где он теперь? Жив ли?

На чужбине

Из дневника А. Д.Алиной:

«Хоронили мы Н.П. уже на четвертый день. Лицо было как в старое доброе время, спокойное, ясное...

Как все здесь трудно было устроить, я даже не могла себе представить. Спасибо великое хозяйке...

Судил Господь вдовство мне. И новое бремя на плечи мои. Не успели похоронить Н.П., как Петя и Маруся заболели сыпным тифом и теперь в больнице.

Матерь Божия, сохрани их мне и сбереги Васю и Наташу; и силы пошли всем перенести, только бы, только всем нам вернуться домой живыми. Матерь Божия, все упование мое на тебя возлагаю, под твой покров себя и деток отдаю, на тебя надеюсь и уповаю.

...29.XII неожиданно уж и негданно сегодня увидела С.А. Лебедеву. Едут во Владивосток в своем вагоне, звали нас, но не судил Господь — детки в больнице. В Иркутске восстание, но, слава Богу, все прошло для них

благополучно. Проводила Лебедевых, и опять камень на сердце...

Петю уже выписали. Язык у него на Рождество и руку парализовало. Худ до неузнаваемости. Марусю обещали завтра домой...

Вот и Новый 1920 год, что он нам даст? Будет ли желанный покой в родной стороне или же все будем изгнанниками на чужбине? Может, и нам надо будет бежать отсюда. Слухи всякие, худые и утешительные. Чему верить?»

К началу 1920 г. поезд, с золотым запасом в 408 млн руб., который сопровождал Колчак, на ст. Нижнеудинск перешел под охрану чехов. Они пошли на сделку с большевиками, захватившими власть в Иркутске, что те беспрепятственно пропустят чешские эшелоны во Владивосток в обмен на золото и Колчака. Правда, большевики 40 млн не досчитались.

К Иркутску в начале февраля подходила армия Войцеховского, сменившего умершего ген. Каппеля. (Тело Владимира Оскаровича Каппеля было вывезено верными солдатами в Харбин и захоронено у стен Иверской (Офицерской) церкви. Сооружен памятник. С приходом к власти хунвейбинов памятник снесли, как и почти все православные церкви, а их было не менее двух десятков. В наше время покаяния В. О. Каппеля перезахоронили в Москве на кладбище Донского монастыря, восстановили памятник с терновым венком.) Большевики боялись взятия Иркутска и решили без суда избавиться от Колчака.

7 февраля 1920 г. А. В. Колчака вместе с премьер-министром В. П. Пепеляевым на окраине Иркутска расстреляли и спустили в подготовленную накануне прорубь.

Так от руки палача (красноармейца С. Чудновского) погиб верный сын Отечества, патриот, ученый, полярный исследователь, преобразователь Российского флота, главнокомандующий Черноморским флотом, стратег и прекрасный оратор, умевший краткой образной речью увлекать за собой людей, адмирал А. В. Колчак.

В Чите стало ясно, что железная дорога на Владивосток блокирована чешскими эшелонами, за ними придут красные. Остался один путь — на юг, на пограничную станцию Маньчжурия, и далее по КВЖД (Китайская восточная железная дорога), которую строили и обслуживали русские по соглашению с Китаем.

Как прошла этот путь Анфия Даниловна с детьми, записей не сохранилось.

▼ Адмирал А. В. Колчак

«14 апреля. Вот уже 4-й день Великого праздника, и встретили мы его далеко-далеко от Родины в чужом Харбине. Были в церкви, да все чуждо нам здесь! Сегодня нас посетил священник, и мы приобщились к празднику...

Тяжело жить вдали одинокими, тяжело видеть детей, лишенными всего, а дать им большие удобства — средства уже истощаются, надо продавать вещи, а их обесценивают. Тяжело это все и страшно. Долго ли мыкаться придется нам, хватит ли силы, хватит ли средств?

Помоги мне, Матерь Божия, деток воспитать, сделать из них человека. Удастся ли нам восстановить и сохранить дело? Надо воздвигнуть из пепла бывшее здание, хватит ли сил, хватит ли умения и будет ли что? Никто, как Бог, и добрые люди, при помощи их и выйдет. Только бы домой, домой».

Благодетель

Неожиданно объявился тот добрый, вернее, добропорядочный человек. К сожалению, нет возможности сейчас установить имя и фамилию этого чердынца. Но А.Д. получила от него письмо примерно следующего содержания:

«Глубокоуважаемая Анфия Даниловна!

С прискорбием узнал о безвременной кончине Н.П., человека глубоко порядочного, широкой души. Скорблю вместе с Вами. Работать и общаться с ним было для меня большим счастьем.

Возможно, Вы знаете, что незадолго до печальных событий Н.П. отправил меня с большой партией товара. Мне удалось это все очень удачно продать. Но вернуться в Чердынь я уже не смог. Там бесчинствовали бунтари. Теперь, когда я нашел Вас и узнал, что Вы бедствуете с малыми детьми, то считаю своим долгом перед Богом и памятью Н.П. вернуть Вам этот долг. Деньги удалось сохранить и вложить в дело, с которого намерен Вам назначить ежемесячный пенсион».

Эта помощь и продаваемые драгоценности позволили купить маленький домик, завести хозяйство, отдать детей в гимназию учиться.

Где-то в середине 30-х годов этот благодетель сообщил, что дела у него пошли плохо, и с глубокими извине-

◀ Нехитрое хозяйство Анфии Даниловны: куры, гуси, утки, коза

▲ Кафедральный Свято-Николаевский храм Харбина, фото В. Алина

▼ Дом Алиных в Харбине

▲ Наташа Алина — копия Анфия Даниловна в молодости

ниями прекратил посылать деньги, которые регулярно отправлял почти 15 лет.

Дети по окончании учебы не пошли в Харбинский русский политехнический институт (он готовил инженерные кадры для КВЖД). Девочкам как-то было не принято поступать на технические специальности, хотя Наташа, окончив гимназию с золотой медалью, вполне могла продолжить учебу. Она характером была в отца, а внешне — копия Анфии Даниловны в молодости.

Маоршань

В эти годы жизнь стала налаживаться. Боль потерь притупилась. Культура Китая была необычной, чужой, но интересной, с богатой историей.

Завелись новые знакомства. Стали выезжать в сказочно красивый уголок природы — Маоршань. Дети росли. Старший сын Петр устроился на работу в представительство «Дженерал Моторс», стал специалистом по запасным частям этой фирмы. Василий увлекся естественными науками, вступил в Общество изучения Маньчжурского края. У общества был свой музей, свои энтузиасты. Помимо изучения истории края и публикаций научных статей и очерков, занимался очень сложным разделом нумизматики — древними китайскими монетами.

Но главным его увлечением на всю жизнь стали бабочки. Он мог часами сидеть над куколкой бабочки и фиксировать на пленку каждый этап ее превращения. На основе этих исследований появились научные труды. Собрана богатейшая коллекция бабочек этого региона.

Предложил ее в дар Московскому университету. Пришел отказ. «Ваша коллекция интереса не представляет». Зато европейские научные учреждения охотно приняли предложение. А через некоторое время пришло сообщение, что среди присланных экземпляров обнаружен совершенно новый вид, который назван его именем. Поступили заказы на новые коллекции.

Так Василий Николаевич Алин стал известным ученым, не имея никакого специального образования, ни ученых степеней и званий.

Дочери в поисках «счастья» отправилась в г. Шанхай, куда устремилось очень много русских молодых людей.

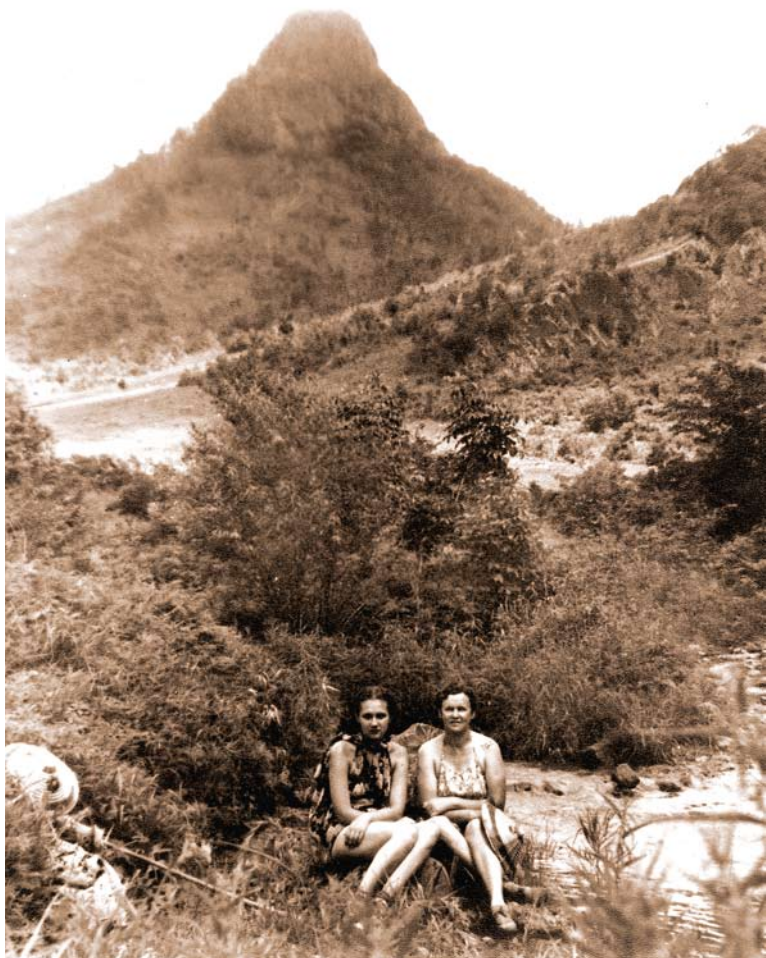
Тоска по дому

Тоска по дому, по Чердыни и родному Уралу не покидает Анфию Даниловну и пронизывает все ее дневники.

«Господь все еще велит быть на чужбине, когда Премилосердный над нами смилуется и откроет путь домой?! Только этой надеждой и живем, и существуем. Только бы домой, домой!»

«Временами так тоскует душа, что бросила бы все и ушла бы туда, на родимый Урал. Хоть бы Ржевины и Токаревы были здесь, все же было бы легче, а то одни со всеми думами и горестями».

▼ Маоршань. На горизонте сопка Сахарная голова. Справа Мария

Последнее известие о брате А. Ржевине было в письме Н.П. из Тюмени. «Ржевиных здесь вчера видел на пристани. Их не поймешь, едут они или остаются. Живут где-то на квартире».

Так в круговороте событий исчезли Ржевины.

«... Где-то теплится уголек надежды, что не так уж долго здесь жить по чужим углам, авось и домой!»

«Что там ждет? Господь его знает. А все же хоть на развалины, только бы туда, где люди родные, где милый край!»

В 1949 году тональность дневника изменилась.

«Вот сколько лет на чужбине, так жизнь сложилась. Тогда все думалось — попадем домой, а теперь и надежды нет, да и не надо этого. Там совсем другая жизнь, другие люди с взглядами, совсем нам непонятными, а мы с Луны для них. Уж очень материальность там, а для души только физкультура...»

Но вот ко всему пережитому и новое прибавилось. Горе мне: девочки оказались там. (Дочери Мария и Наталья в 1947 г. из Шанхая уехали в СССР). Ничего не получаю от них несколько лет. (В годы войны Маньчжурия была отрезана от центральных районов Китая японской интервенцией). Душа так мечется, ум придумывает невозможные вещи, а сердце болит даже физически.»

Особенно А.Д. переживает за младшую дочь, которая, уезжая из Харбина, оставила у матери свой цветок.

«И цветок Наташи совсем завял, все еле-еле рос, а на днях и посох. Плохо! Как бы и она так же не посохла.»

Боже мой, сколько пережито за эти годы. Спаси, Царица Небесная!»

И тем не менее мысли снова возвращаются к Родине.

«Вот уже 1956 г. — все еще на чужбине.»

Дочь А.Д. Мария, уехав в Шанхай, вышла замуж в 1936 году за Николая Михайловича Согрина — уроженца г. Кунгура. А за ней и младшая дочь Наталья — за Александра Николаевича Хагемейера. Он — из обрусевших немцев, в 20-е годы сумел бежать из Владивостока от репрессий и расстрелов.

В 30-е годы в Шанхае собралась многотысячная диаспора русских. Многомиллионный город, иностранные концессии всем давали работу.

Война болью отозвалась в сердцах русских. Помогали, как могли. Жен-

щины вязали носки, свитера, шили рукавицы, одежду, закупали продукты и отправляли посылки на фронт.

Но были и такие (в меньшинстве), кто затаил обиду на Отечество, и в 1947 г. корабль с русскими отплыл в Сан-Франциско.

Надвигалась китайская революция. Иностранцы чувствовали конец своего влияния и начали собираться домой.

В 1947 г. Советское консульство в Шанхае объявило, что желающие русские могут получить советское гражданство и вернуться на родину. Ликованию не было конца. Многотысячные очереди у консульства ждали приема желающих вернуться.

Встреча с родиной

(По воспоминаниям М.Н. Согриной).

Пять рейсов совершил корабль «Ильич» из Шанхая в Находку, увозя каждый раз до 1000 человек. После 1949 г. русских в Шанхае практически не осталось, последние, около 6 тысяч человек, выехали на Филиппины и расселились кто в Америке, Австралии, а кто и в других странах.

Минует Цусиму. Звучит гимн героям: «Врагу не сдастся наш гордый «Варяг...» Команда в парадной форме, салюты. Гордость заполняет сердца...

Находка. Встреча с родной землей. Слезы, кто-то падает на колени, целует землю...

Встречают люди в военной форме и провожают в глубь поселка. Длинные бараки, вросшие в землю, обнесены проволокой. Рядом такие же бараки. Пленные японцы с недоумением наблюдают за процессией. Кого ведут?

Во всю длину барачков с двух сторон двухъярусные нары и больше

▲ После венчания.
Н.М. Согрин и М.Н. Согрина

ничего. Мужчины разгружают вещи с корабля. Таможенный досмотр. Отбирают сомнительные книги, журналы — агитация против Советской власти.

▼ А.Д. Алина. Тоска по дому

▲ А.Д. Алина с сыном Василием у своего дома в Сан-Пауло

Денег нет. Что-то есть на пропитание из взятых запасов. Через несколько дней подгоняют товарный состав. Октябрь 1947 г. Зима уже вступает в свои права. Надо грузиться. Куда? Мужчины сооружают в торцах вагонов в два ряда нары, в центре вагона в полу у одной стены выпливают дырку, вешают занавеску. Пункт назначения — Свердловск.

Как можно, чем попало, затыкают дыры в стенах вагонов. Сибирь, снега,

морозы — 20–30 градусов. Маленькая железная печка в центре вагона тепла почти не дает, а только усиливает образование инея и льда на стенах. Людей много, испарения, леденящая влажность в вагоне.

На станциях состав стоит подолгу, иной раз и сутками. Местные жители предлагают вареную картошку и прочую еду. Денег нет. Они охотно берут в обмен вещи. Кофточка — три картошки, юбка — еще три.

Все эти тяготы — ничто по сравнению с проплывающими пейзажами заснеженных родных просторов. Вот и Байкал. Сказка неопишуемая!

На станциях предлагают омуля. Деликатес!

Сыну Сергею 10 лет. Сегодня ночью шапка, в которой он спал, примерзла к стене вагона. Как бы не заболел.

В конце ноября состав загоняют на самые дальние пути Свердловска. Что делать дальше? Никто ничего не знает. В консульстве обещали прием, размещение, работу. Тишина — никому не нужны. Вот так встреча!

Появляются знакомые, что приехали сюда раньше. Сообщают, что на вокза-

ле есть эвакупункт, куда следует обратиться. Но они ничего не решают. Могут предложить только список предприятий, где можно справиться о трудоустройстве.

Мужчины бросаются в город в поисках работы и жилья. Где-то через неделю муж приносит радостную весть: приняли бухгалтером в киностудию. Коллектив доброжелательный, интеллигентный. А иные руководители боялись принимать на работу «иностранцев», каковыми нас считали.

Теперь будут карточки на хлеб, а то на рынке с рук булка стоит 700–800 руб. при окладе мужа 800 руб. Наконец-то можно покинуть холодный вагон. Жилье нашли на окраине города в избенке, где в центре русская печь, за которой приютились хозяева, дед с бабкой. Нам отдали горницу. С нами еще и отец мужа.

С января отменили карточки, поменяли деньги. Сын пошел в школу. Радуетса снегу, санкам, на которых привозит из леса с родника воду. Появились новые знакомые. К нам, приезжим, повышенный интерес, особенно интеллигенции.

Стала налаживаться жизнь. Но все равно, чтоб выжить, потихоньку продавали вещи. Казалось, все наладится, и вдруг...

«А вы знаете, ночью забрали Антонова. Жена с двумя детьми не знает, что делать.

А накануне исчез Пуляевский. У него дочь Зина 12 лет одна осталась».

Так по пресловутой 58 статье исчезало мужское население из числа приезжих. Наша семья чудом уцелела — не подошла очередь.

Во второй половине 50-х всех реабилитировали за отсутствием состава преступлений, но живыми вернулись единицы.

Так Родина встретила своих сынов. Вот такие были тяжелые времена «светлого будущего». Все это пришлось пережить. Дай Бог, чтобы этого никогда не повторилось.

Все эти годы нас с Наташей мучил вопрос: как мамочка с братьями в Харбине? Письма бесследно исчезали. И вдруг из Харбина — письмо. С победой революции и приходом Советской власти в Харбине голодают. Мы с Наташей, как могли, собрали продуктовые посылки...

Упущенная возможность

Харбин. 1954 год. На Пасхальном богослужении выступил представитель советских граждан с заявлением, что все россияне могут уехать в СССР

▼ Могила А.Д. Алиной в Сан-Пауло

на освоение целинных земель Казахстана. Желавших набралось несколько тысяч.

Для Алиных стал вопрос: что делать? Во-первых, приглашают не домой. Во-вторых, приняли за чистую монету предложение ехать на работу в колхоз. Долго обсуждали. А. Д. же за 70, Петя — инвалид, после болезни не гнется рука в локте, Вася не от мира сего, ученый, да и им уже 50 стукнуло. Для братьев принципиальным было, что коммунисты разрушили церкви, отрицая многовековую русскую культуру и мораль.

Какие они работники в колхозе! И ошиблись. Приезжих на границе встретили представители колхозов и страшно удивились, когда вместо трактористов и комбайнеров увидели непонятно кого. Тем не менее, погрузили их в товарные вагоны и доставили в подготовленное жилье.

И пошли отказные письма по инстанциям. Зачем колхозу содержать дармоедов, ничего не умеющих в сельском хозяйстве.

Почти все потихоньку перекочевали в города Сибири и Урала. «Упустили возможность», — горевала А. Д. Теперь — только по индивидуальной визе и приглашению родственников с гарантией о предоставлении жилья. А девочки сами живут на съемных квартирах.

Вечные изгнанники

Китайцы твердят: «Китай для китайцев. Убирайтесь!» Голодно! И вдруг они оказались востребованными в Австралии и Бразилии. Международный Красный Крест взял на себя перевозку людей. Два корабля: один — в Сидней, другой — в Сантос увозят последних русских из Харбина. О том, что Харбин некогда был русским городом, напоминают лишь опустевшие православные церкви.

«Господь, укрепляй людей перед новым испытанием. Вот мы и оказались по милости Пречистой в Бразилии, а многие и в других странах. Да будет Воля Господня!» — этими словами заканчивается дневник А. Д. в 1957 году.

Так Алины оказались в Сан-Пауло. Получили работу, обещанные подъемные, купили дом. Быстрее всех освоился Василий. К знаниям китайского, английского, немецкого, латинского быстро добавил и португальский язык. И опять в свободное время — путешествия, бабочки... Сколько их в Бразилии! Рай для энтомолога! Пишет научные статьи о путешествиях по Бразилии.

▲ М.Н. Согрина в Сан-Пауло, 1973 г.

В 1973 году Мария Николаевна едет в Сан-Пауло на полгода повидать маму и братьев, после 40 лет разлуки.

В 1975 г. А. Д. Алина в возрасте 96 лет умирает.

Братья остаются одни. Получают достойную пенсию. Жизнь прошла, наступила старость, есть накопления. Для кого и для чего все это? «Что деньги, когда нет Родины, нет семьи», — пишет в письме Василий. Жизнь Петра и Василия сложилась так, что остались холостяками, нет наследников.

В 1980 г. умирает Петр, а в Свердловске не стало Наташи, детей у нее тоже не было. Василий пишет сестре Марии письма, просит кого-нибудь приехать. На свидание к двоюродному деду в 1990 г. едет внук Петр. Стар и млад нашли общий язык, пронились взаимной любовью. Петр выполняет заветную мечту деда и передает в Московский университет коллекцию бабочек, но уже бразильских.

Научные интересы Василия, несмотря на возраст, не ослабевают.

Из письма 1993 г. к сестре Марии: *«... Из-за болезненного состояния не экскурсирую. Слабость, не твердо стою на ногах. У меня оживленная переписка с доцентом Пермского университета. Он историк. Уроженец края, который очень любит. Он интересуется жизнью старого купечества. Все спрашивает о старой Чердыни и нашей жизни. В трех заметках в газетах было сообщение о мне и передача по радио о моих научных интересах. Население интересуется нашей семьей и вспоминает».*

В 1995 г. Василий умирает. А Марии Николаевне еще раз пришлось пережить участь беженки. Сына Сергея пригласили на работу в Таджикистан, куда и она уехала после смерти мужа. А с развалом Союза все оказались беженцами. Переехали в Калининградскую область, бывшую Пруссию, где она и скончалась в возрасте 91 года в 1999 году.

На ней закончилась многовековая чердынская династия Алиных. Правнук М. Н. (как и ее отец тоже Николай Петрович, но только Согрин) постигает премудрости банковского дела в Краснодаре.

Может быть, в нем проявится характер и деловые качества его прапрадеда Николая Петровича Алина. **УС**

▲ Братья Алины в саду своего дома, 1978 г.

Ночное «ЧП»

Иллюстрации подготовил Эдуард Гильман

Чтобы ты улыбнулся, мой строгий, взыскующий читатель, рассказ начну с головокружок. Их где-то вычитывал и постоянно озвучивал всей команде во время рейса радист-весельчак Роман Зорин. Как говорят, «доставал» своими загадками всех. Но это были веселые минуты. В тот день, о котором далее речь, будто бы он спросил:

— Как зовется птица, которая добывает золото?

— Рома, да это же сорока-воровка!

— А вот и нет!

— А птица заморская?

— Не, российская.

— Где живет?

— Ну, колись! Что за птица?!

— Скучно с вами. Это — курочка Ряба!

Шутка подняла всем настроение.

— Ну ладно, ребята, повеселились и в путь, — подвел итог старший.

В тот памятный октябрьский день 1963 года небо грозило вылить

на Москву хороший ушат сырости. С утра было пасмурно, небо тоскливо серое, хотя еще высокое, и видимость в пределах нормы, Гидромет давал «добро», поэтому аэропорты столицы принимали практически все рейсы с пассажирами, которые, наверняка, куда-то торопились. После полудня из Кольцово тоже прибыл самолет. Обратный рейс по расписанию ему предстоял поздним вечером. Несмотря на разрисованное хмарью небо, погода все еще стояла летная. Это радовало. В назначенный час в порту по громкой связи объявили посадку на рейс, вылетающий в Свердловск. Загрузили багаж. Пассажиры заняли свои места. Застегнули привязные ремни.

Теперь назовем экипаж, который днем доставил в столицу 90 пассажиров. Это командир воздушного судна Виктор Лобанов, второй пилот Борис Чирков, штурман Александр Семенов, бортрадист Роман Зорин,

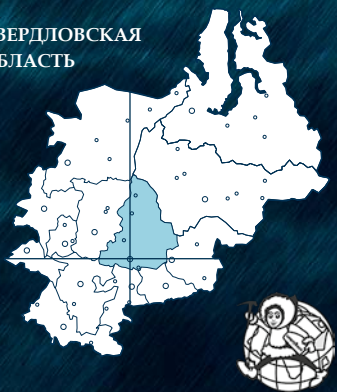

Инна Гладкова

Тележурналист, автор публицистических рассказов и эссе об истории Урала. Лауреат премии губернатора Свердловской области 2001 года за телесериал «Екатеринбургские тайны». Автор многих очерков в нашем журнале. В тандеме с ней работает ее супруг — **Эдуард Гильман**. Он — и первый дотошный читатель, и ответчик за иллюстративный ряд. Ныне супруги живут в Германии.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

бортрадиист-инструктор Николай Пеньженин и бортмеханик Леонид Соломатов — сейчас им предстоял ночной полет. И снова машина шла с полной загрузкой. Настроение было нормальное. Командир еще раз проверил погоду по трассе:

— Густая облачность? Понятно: «Снова ночь нелетная даже для луны!». А Кольцово? Ага, родина принимает?! Тогда порядок!

Быстро, что дается многолетним опытом, они провели предстартовую проверку. Диспетчер Шереметьева разрешил запуск двигателей. Взрели, как и положено: по очереди — сначала мотор номер два, потом «третий», за ними «первый» и «четвертый». Затем командир вынул к стартовой зебре, точно по осевой линии полосы развернул машину. На штурвале нажал кнопку радиопередатчика:

— Шереметьево, борт 75410 про-сит взлет!

В ответ услышал:

— Взлет разрешаю!

— Ну, значит, поехали!

Самолет уверенно пробежал по взлетной дорожке, набрал скорость и взмыл вверх. Уже спустя несколько минут «прошил» густую облачность, за которой засветилось бездонное звездное небо с молодой луной, и лег на заданный курс — на Восток. Серая вата облаков почти сразу же прочно заслонила мерцающие кострища встречных больших и малых ночных городов. Машина хорошо слушалась руля.

— Наш командир нынче, слышали, стихами заговорил, — заметил кто-то.

— А я и пропеть их могу, — про-басил дружелюбно Лобанов. — Это песня полярных летчиков. Шибко душевная. Друг из Тикси привез. Кто, когда написал, не известно. Возможно, народная. Запомнил пока один куплет:

*— Эту песню грустную
позабить пора нам,
Наглухо моторы
и сердца зачехлены.
Снова тянет с берега
снегом и туманом,
Снова ночь нелетная
даже для луны.*

— Ночь «не очень — того» и сегодня, — подал голос бортмеханик. — А песню поет весь Север: летчики, полярники, моряки, геологи. Была б гитара. Такие песни, как молитва, щиплют душу.

— Леня, все еще болеешь Севером?

— Экзамен прошел соответственный. В краю холода другая шкала ценностей: братство, как на фронте. И вообще Заполярье особый край. Только туда залетает и выводит потомство редкая по красоте птица стерх, по-другому — белый журавль. В Арктику из Северной Америки в мае возвращаются тучи белых гусей. Во красота! А медведи? Тоже ведь чудо. Какие белые! Сверху хорошо видно. У них роддом на острове Врангеля. В Заполярье даже «Бальзам Шостаковского» не от язвы пьют, на нем работает полярная авиация: отличная смазка: при сорока не мерзнет.

Командир знал все про каждого. Бортмеханик Леонид Иванович Соломатов был у него на особом счету. Потому что тоже фронтовик: два года воевал в составе бомбардировочной авиации первого Украинского фронта. Затем полеты на ЛИ-2. У него был уже опыт работы на машинах конструктора Илпошина — летал

на ИЛ-12. А год назад Соломатов окончил в Ульяновске школу ВПП — высшей предполетной подготовки и был зачислен бортмехаником в экипаж ИЛ-18. Хорошо вписался в коллектив.

Но душой экипажа, конечно же, был сам Виктор Дмитриевич Лобанов. За плечами война, истребительная авиация. Боевыми подвигами хвастать не любил, иконостас боевых наград редко демонстрировал, разве что по очень большим праздникам, но человеком был коммуникабельным, веселым, специалистом классным, да и команда подобралась под стать — люди надежные, небом испытанные, заряженные оптимизмом.

— Командир! А правду говорят, что только летчики-истребители знают, как на потолок садится муха? Из пике? Или — в переворот?

— Следи-ка ты за приборами, остряк! Приземлимся, тогда покажу.

Вообще это был обычный для экипажа очередной рейс. В то время четырехмоторный ИЛ-18 считался гордостью отечественного гражданского флота, и это был действительно по тем понятиям прекрасный самолет, в эксплуатации находился около пяти лет, хотя на стадии освоения какие-то нелады с моторами у него все-таки случались. Сначала самолету установили пробный ресурс полетов — он должен был выработать только 200 часов, а потом, когда просчитали надежность машины, увеличили его в 60 раз.

Вернемся в кабину самолета 75410. Время, как и положено ему, крутило стрелки. Часы показали уже 23:50. Рация перешла на частоту Казани. Высота 8500 метров. Земля и здесь была закрыта толстым слоем дождя. До дома осталось полшуги. Ничто осложнений не предвещало.

Экипаж занят был своей обычной полетной работой. Постоянно кто-нибудь выходил в салон проверить, все ли там в порядке. В те поры во время рейса пассажиров не кормили. Не тревожил их и монотонный гул моторов, все спокойно спали.

Вспоминает бортмеханик Соломатов:

— Хотя в салоне было все нормально, вдруг вижу, как из двери кабины мне сигналил инструктор слежения. Быстро подхожу и слышу шепот:

— У нас пожар! Горит «второй» двигатель!

У этого ИЛа, напомним, двигателей было четыре. Отказ одного — это серьезнейшее ЧП, но не катастрофа. Во время тренировок на тренажерах

▲ Бортмеханик Леонид Соломатов

летчики постоянно создают себе подобные экстремальные ситуации. А в полете есть четкие инструкции — каждая строка написана не чернилами, написана кровью. Действовать по ним следовало незамедлительно. И приказ прозвучал:

— Срочно включить систему пожаротушения на двигатель номер два! Земле — передать сигнал бедствия!

И счет пошел на томительные секунды. Вдохнули, когда система сработала! Возгорание ликвидировано! С аварийного самолета на центральный диспетчерский пульт Аэрофлота в Москву командир корабля четко доложил ситуацию. А оттуда уже сигнал тревоги молнией «побежал» по цепочке. Документально известно, что срочно было поднято конструкторское бюро разработчика самолета Сергея Владимировича Илюшина. За считанные минуты весь «илушинский мозг» обязан был выдать четкие инструкции экипажу: почему могло произойти возгорание и как действовать дальше!

Прошло долгих десять минут, ответа не было, а с самолетом вдруг снова беда: опять завывла сирена: еще один двигатель горит! Командир срочно отправляет в салон радиста, посмотреть, видят ли пожар пассажиры? В те минуты самолет шел, задевая верхние облака, но в просветах

появлялась Луна. Ее проблески, как показалось радисту, были похожи на отсветы огня. Но главное — сирена резала уши! Значит, уже второй из четырех моторов в огне. Лобанов снова командует включить систему пожаротушения! Опять она сработала. Грозное табло погасло.

Но в чем причина пожара? А если вдруг новый очаг? Представьте себе драматизм событий: при возникновении пожара на высоте у экипажа может не остаться времени для спасения пассажиров и машины. Самолет, к сожалению, горит очень быстро. Решение должно быть правильным. Его должен принять командир — Виктор Дмитриевич Лобанов, в прошлом отважный летчик-истребитель. Но там он рисковал один, а здесь в салоне 90 спящих пассажиров и шесть человек экипажа. По факту надо снижаться для экстренной посадки. Но Казань по метеословиям закрыта. За бортом темень, стена дождя, видимости никакой. И другие посадочные посты закрыты. Выпускать шасси? А куда на посадку? На заведомую гибель?..

Время 00:07 минут. Борт самолета ИЛ-18. В салоне над пассажирами грозно витает беда, хотя они безмятежно спят. И только один (его кресло было рядом с кабиной пилотов) что-то услышал и понял, что дело совсем дрянь. Летел он из Москвы в Свердловск на юбилей друга. В качестве презента вез бутылку марочного коньяка. Хватило мужества шума не поднимать. И чтобы заглушить тревогу, потянулся к бутылке — не пропадать же добру!..

С тех пор прошло почти полвека. Где теперь тот бесстрашный экипаж во главе с пилотом первого класса Виктором Дмитриевичем Лобановым? Ветераны Кольцово на это вам грустно ответят:

— Они взлетели выше всех!

Прошло долгих десять минут, ответа не было, а с самолетом вдруг снова беда: опять завывла сирена: еще один двигатель горит!

Встретиться посчастливилось только с Леонидом Ивановичем Соломатовым. В год того ЧП ему было 39 лет. У него уже была семья, трое детей. Что он чувствовал в те роковые минуты? Вспоминает:

— Особого страха не было, паники среди членов экипажа тоже никакой. Все было предельно сосредоточены. Все четко выполняли приказы командира. Складывать крылья было рано.

00:10 минут. Наконец заговорила Москва. Сообщение из КБ Илюшина: «Экстренное сообщение на борт аварийного самолета: у вас ложная сработка электросистемы!»

Заметим, была глубокая ночь, но специалисты нашли причину. И выдали командиру корабля Лобанову четкую инструкцию: «Двигатели не выключать! У вас в цепи сигнализации произошло замыкание (вероятно в проводку попала влага), пожара в самолете нет!»

Ну вот: пожара не было и нет! Кажется, все обошлось. Да как бы не так! И что значит: «двигатели не выключать», если они уже остановлены? Значит, сложности будут. И еще какие драматические! До свердловского Кольцово больше часа лета. Тяжелую машину с людьми несут теперь два из четырех моторов. Залитые огнетушителями два других двигателя запускать в воздухе мало сказать — «опасно», а взрывоопасно. Тогда Виктор Дмитриевич Лобанов командует

промахнуться, когда все худшее, казалось, уже позади.

Летчик ас, и его команда не промахнулись. Машина плавно коснулась бетонной дорожки, погасила скорость и привычно подрулила к зданию аэровокзала. Тут же тихо с аэродрома отбыла, поднятая по тревоге, спасательная техника и спасатели: врачи скорой помощи и пожарные, с волнением ждавшие аварийный борт.

В то время мужество экипажа в чрезвычайном полете никем отмечено не было. Ни правительственных наград, ни приказов поощрения, ни просто хвалебных сообщений в прессе. То было время, когда люди должны были думать, что все у нас в стране хорошо и с самолетами никаких неприятностей не бывает. А того, что пережил экипаж за час того аварийного ночного рейса, и как грамотно он действовал — такого в практике аэропорта Кольцово старожилы не припомнят и сегодня.

▲ Создатель музея И.П. Катенев

В то время мужество экипажа в чрезвычайном полете никем отмечено не было. Ни правительственных наград, ни приказов поощрения, ни просто хвалебных сообщений в прессе

на снижение: с восьми с половиной до пяти тысяч метров, то есть на более благоприятный для оставшихся двигателей режим полета. Теперь аварийный самолет идет вслепую, сквозь черные тучи, видимости никакой, все тайно молятся: «Только бы не подвели приборы!»

Постоянно Ил-18 просит Землю «обеспечивать ему воздушный коридор и посадку в аэропорту Кольцово». Но зловредная погода и тут подгадила! К этому времени наш аэропорт глухо закрылся по метеоусловиям. Однако командир твердо решил: «Садиться будем дома! Земля! Помогайте!»

С неба, как назло, с новой силой рухнул дождь. Но и это еще не все. Когда самолет шел на снижение, из генераторов, которые должны были обеспечивать необходимый обогрев двигателей, винтов, работал только один — резервный. Им пытались отогреть и обледеневшие стекла кабины: вслепую самолет не посадишь, а тут еще на полосе почти не видно сигнальных огней. Но как

Сейчас мы живем уже в другой стране, все-таки должное воздают профессионалам высокого класса. Вспомним сентябрь 2010 года. Тогда у ТУ-154, выполнявшего рейс из города Мирный в Москву, отказали системы управления, навигации и радиосвязь, самолет совершил аварийную посадку в тайге, получив незначительные повреждения, 72 пассажира отделались легким испугом. Эксперты назвали произошедшее чудом, оно сразу вошло в историю отечественных авиаперевозок. Двум пилотам присвоили звание Героя России, остальные члены экипажа и бортпроводники награждены орденами.

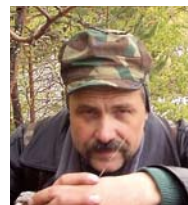
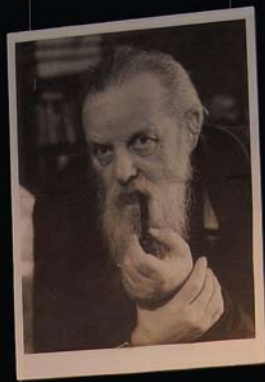
Наши уральцы в историю отечественных авиаперевозок, увы, не вошли. Не выпало им ни славы, ни наград. Однако этому «особому случаю» был посвящен отдельный раздел замечательного музея аэропорта Кольцово. И посетителям об этом рассказывали. На отдельном стенде можно было увидеть фотографии всего экипажа. Только все это в прошлом. Кто-то «из ве-

домства высокого полета» решил: кому наша история сегодня нужна? И одним росчерком пера помещение, которое занимал музей в Доме культуры «Авиатор», от экспонатов освободили: архивы, документы, макеты, планшеты, личные вещи, исторические фотографии, аудио- и видеопленки и еще много чего из уникального — все утеряно или уничтожено. Эту потерю теперь не восполнит никто. Словом, три года назад ликвидировали по существу уникальный музей уральской авиации, десятилетиями по крупицам собиравшийся летчиком и историком по призванию Игорем Павловичем Катеневым.

Готовя эту и другие публикации по истории уральской авиации, мы сним обшарили подвалы здания Дома культуры, куда могли просто свалить уникальные архивы. Но никаких следов. А как хотелось приложить к этому рассказу, в частности, хотя бы снимок 1963 года, где был представлен весь экипаж В.Д. Лобанова.

Игоря Павловича уже нет, он тоже «взлетел выше всех». При последней нашей встрече он подарил мне несколько собранных им уникальных документов и дневники со своими бесценными историческими заметками. На одной из страниц я прочла, что пассажиры в том чрезвычайном ночном авиапутешествии вообще не ощутили дискомфорта. После приземления все спокойно отравились по домам досматривать счастливые сны. Только того, что осушил бутылку коньяка, с алкогольным отравлением увезли в больницу. А когда он пришел в себя, увидев палату, медсестер, врачей, спросил:

— Что ли я один спасся? **УС**

Алексей Молчанов

Окончил факультет журналистики УрГУ, работал в пресс-службе ГУВД Свердловской области, газете «Уральский рабочий», телевизионной и радиовещательной компании. Печатался во многих журналах и газетах. Дипломант и призер журналистских конкурсов. Давний автор нашего журнала. Преподает в детской школе искусств №6 Екатеринбурга.

«Земной поклон, спасибо русское Бажову!»

27 января 1944 года. 65-летие Павла Петровича Бажова.

В его доме с утра вывесили веселую поздравительную газету «Бажедомка». На праздничный стол водрузили шампанское в корыте, набитом снегом. На носилках внесли огромный торт, в виде книги «Малахитовая шкатулка».

Из Тагила привезли в подарок корову...

Век XXI-й. Скромный по теперешним временам дом-музей уральского сказочника по-прежнему остается своеобразной «Меккой» для писательского и читательского люда, свет его окон и тепло очага не угасают. Ежегодно в день рождения писателя в Камер-

ном театре вручается литературная премия имени П.П. Бажова, учрежденная Екатеринбургским отделением Общероссийской организации «Союз писателей России» (Председатель правления Е.П. Касимов) и ООО «Уралдрагмет-холдинг» (Генераль-

ный директор Н.И. Тимофеев). Это выливается в большой литературный праздник.

В 1999 году, когда отмечалось 120-летие со дня рождения писателя, премия обрела нынешних учредителей и всероссийский статус. На конкурсной основе присуждается до пяти Премий имени Павла Петровича Бажова по номинациям: проза, поэзия, детская литература, публицистика.

«В каждой области России есть Губернаторская премия, — размышляет лауреат премии 2002 года в номинации «Публицистика» (книга «Камень. Пещера. Гора») Майя Никулина. — Она дается за заслуги в области искусства. В то время как бажовская — именно литературная премия. Ее материальная составляющая незначительна — 15 тысяч рублей, но велик моральный статус. Она отмечает твои заслуги перед этим краем, землей. Немного я знаю в мире регионов, которые были бы отмечены пребыванием человека, который столько сделал для культуры этого места. Это как Гомер для Греции. Для православных людей Павел Бажов своей «Малахитовой шкатулкой» сделал древнюю память финно-угорцев нашей кровной, родной, и мы ее приняли. Прочтите все предисловия к книгам, изданным в советские годы: «Сказы о мастерстве уральских рабочих, эксплуатируемых и оскорбленных». А там не только об этом. «Малахитовая шкатулка» — не просто литература, но глобальное жизнеустройство для тех, кто здесь живет. И еще очень ценно, он оставил нам моральный закон: человек не будет счастлив отдельно от своих корней. Бажов доказал, что горная цивилизация существовала. Говорят, если хочешь знать, что такое Урал, почитай «Малахитовую шкатулку». Своим бытием Бажов показал, как надо сосуществовать с людьми. Он, будучи депутатом Верховного Совета, лауреатом Сталинской премии, жил скромно, как большинство в те годы: в доме без удобств, но в аккуратно прибранном, с занавесочками «ришелье» на окнах, сажал картошку, которой кормил свою семью. Его уважают до сих пор. А на Урале это дорогого стоит. До кончины Павла Петровича никаких публичных похорон не было. И только это был такой первый случай, когда зимой три квартала стояла очередь — пришли проститься. Моя книга «Камень, пещера, гора» издавалась несколько раз. Получила как-то письмо от 90-летней женщины из потомственной уральской семьи: «Я прожила так долго,

чтобы, наконец, услышать, что кто-то сказал об этой земле то, что лежит в глубине души».

«Премия эта дорога мне тем, что она — наша, уральская, — говорит ее лауреат 2000 года в номинации «Публицистика» (сборник очерков «Кумиры сцены») журналист и театральный критик Юлия Матафонова. — Тему родного края мы должны разрабатывать. Немало краеведческих книг написано наукообразно. Свои очерки я писала популярным языком, строго следуя уникальным документам, с которыми познакомилась в архивах. Что меня поражает? Когда знакомилась с темами различных научных конференций, это просто золотое дно. Интереснейший материал — никто не знает о них. С конца 70-х годов я читаю в Уральском университете курс истории театра, и меня огорчает, что студенты мало слышаны об истории культуры. Но нельзя их в этом винить, если им ничего не объясняли в школе и не рассказывали дома».

«Само по себе имя Павла Петровича Бажова для меня сакрально, — говорит лауреат премии 2002 года (серия литературных портретов) писатель Андрей Комлев. — Его сказы (кроме сочинений о немцах, написанных в годы войны, это, разумеется, конъюнктура и политический заказ) — одновременно этнография и высшей пробы литература. Я смотрю мультфильм «Серебряное копытце», и он меня завораживает. Какая сила! Бажов всю жизнь помогал людям. Хотелось бы, чтобы произведения, удостоенные этой премии, были общезначимы. И еще одно пожелание: читать все произведения каждому члену жюри в полном объеме».

«Эта премия — одна из самых престижных и авторитетных не только в Екатеринбурге, на Урале, но и в России, — считает ее лауреат 2004 года (книга избранной прозы «Монастырская роща»), член Союзов писателей и архитекторов России Владимир Блинов. — Бажов — наш уральский символ, бренд. Устойчивость премии его имени обусловлена тем, что Николай Тимофеев, проявив в свое время инициативу, финансово поддерживает премию, сам ревностно относится к выдвинутым претендентам и очень ею дорожит. Считаю необходимым, чтобы оргкомитет и жюри выявляли кандидатов, не только надеясь на произвольный приток от тех, кто знает об этом конкурсе. В свое время по моей инициативе на бажовскую премию

был представлен Валентин Курбатов, известный литературовед и критик из Пскова. И все поддержали эту кандидатуру. Приезд Курбатова стал культурным событием. Большой вклад в русскую литературу и поэзию внес наш земляк Владимир Дагуров, который также мог бы быть претендентом. На всю Россию звучит имя прозаика Веры Галактионовой, все журналы в Москве ее знают. Это была бы и поддержка творчества писателей, ее выдвижение еще больше подняло бы авторитет премии. У меня есть пожелание по формированию и принципам работы жюри: оно должно быть очень нейтрально-объективно к претендентам. Надо отгородиться от субъективных пристрастий и попытаться мыслить не как писатель, а как читатель. Только талантливый читатель может увидеть то, что подчас ускользает от профессионала. Меня порадовало то, что в прошлом году в номинации «поэзия» были отмечены два автора, совершенно противоположные по своим устремлениям и стилистике: тонкий лирик Герман Иванов и Евгения Изварина, которая пишет ассоциативные, авангардные стихи».

«Литературных премий в России много: около 200, — резюмирует член Союза писателей России, лауреат Государственной премии республики Коми, поэт и критик, председатель жюри Всероссийской литературной Премии имени Бажова Андрей Расторгуев. — Наша развивается именно содержательно. Компетентное жюри, в составе которого крепкие профессионалы, судит по высокому счету: уровень мышления автора, литературные, художественные достоинства. Обычно работаем так: все книги по первому кругу раздаются членам жюри. Мы доверяем друг другу. Если тот, кто прочел книгу, говорит: «Нет, к сожалению, она во второй тур не проходит», так тому и быть. А если же он дает «добро», это произведение во втором туре уже читают все. В этом году Раздвинулся рубеж приема. Это немного затруднило работу жюри. Потому что надо прочитать большое количество книг в более сжатое время: от 40 до 50 по разным номинациям, поступивших из Москвы, Челябинска, Перми, Уфы, Екатеринбурга, Краснодара, Кемерово, Нижнего Тагила, Верхней Салды, Оренбурга. Всероссийская литературная премия имени Бажова является одной из качественных, честных. Она достойна того, чтобы ей оказывали поддержку те, кто принимает решения в Екатеринбурге и Свердловской области». **УС**

«Он награжден каким-то вечным детством...»

Иллюстрации предоставлены автором

В галерее «Окно» ЦКИИ «Верх-Исетский» в ноябре прошла персональная выставка известного екатеринбургского художника и педагога Роальда Валерьевича Капτικού, давнего друга и автора нашего журнала. Не сходя с места, можно было вдохнуть запахи леса и далеких гор, ощутить ветер дальних странствий и приключений.

Роальд Валерьевич с детства почувствовал призвание быть художником. Закончил Свердловское художественное училище и Московский полиграфический институт. Закончил на «отлично» — что уже само по себе «знак качества». Он лирик, подмечающий и живописующий разные настроения и состояния природы и человека. Он словно бы знает о нашей жизни нечто важное, главное, ради чего и стоит жить. Находит это нечто среди гор и долин, в городском парке, когда чародейка-осень покрывает золотом деревья и тихо, ласково пригревает солнце. Находит там, где устремляют в небо купола храмов нашей многострадальной Родины — они часто стоят поруганными святыннями. Его мудрая кисть вдыхает жизнь и в эти старинные постройки, пробуждая в нас сострадание и раскаяние, чувство сопричастности к истории и традициям. А ему довелось увидеть и Соловецкие острова, и Закарпатье, и Сибирь — везде находил гармонию и искрящуюся радость, которой спешил поделиться с другими.

— Живопись для меня — это отдушина, дверь, ведущая в мир гармонии и созвучия, — говорит художник. — Когда долго не пишу, начинаю себя плохо чувствовать. Мне важно самовыразиться. Учился на великих примерах Туржанского, Коровина, Левитана. Традиции реалистической школы оберегают от каких-то грубых ошибок, несуразностей, но одновременно мешают раскрепоститься, увидеть божественное разнообразие нашего мира. Говорят, «знание — сила, а незнание — свобода». Это, конечно, шутка, но в каждой шутке... Я рад, что востребован, мне интересен сам процесс жизни.

В детстве он пережил Великую Отечественную, время лишений, голода и холода, а вместе с тем необывало народного воодушевления и подъема. У него есть очень теплая по звучанию картина «В лихую годину. Воспоминания детства». Ночь. Мать сидит за шитьем, а на кровати спит мальчик... В те годы велосипед, доступный сейчас каждому мальчишке, был чем-то ирреальным, фанта-

Федор Морозов

Слева внизу — «Зимние сумерки». Справа, сверху вниз: «Велосипедное счастье», «Далекая осень», «Золотой листопад. Голубая метель» ▶

стическим — как на картине «Велосипедное счастье»...

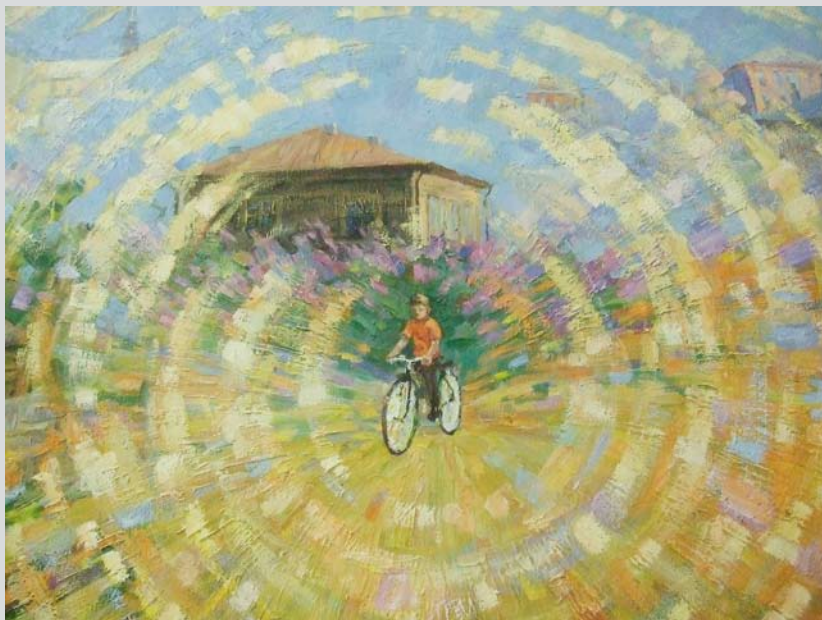
Художник пробовал себя во многих ипостасях: как дизайнер, преподаватель и оформитель. Работал художественным редактором в «ВНЕШТОРГИЗДАТЕ», в газете «На смену!» (диплом Союза журналистов за визуальное решение газеты), сотрудничал со Средне-Уральским книжным издательством, Торгово-промышленной палатой... Оставил след пера и кисти в «Уральском следопыте» (1970–1999) — и тоже был награжден дипломом. И поэтому его имя в нашем большом городе известно многим, кто благодарен ему за душевную чуткость, профессионализм и доброту, которая притягивает к спасительному огоньку, излучаемому душой вдохновенного человека, будь он художник, поэт, писатель или влюбленный. И такой человек зовет всех к покорению новых вершин и осуществлению мечтаний, пониманию важности красоты и соразмерности Мироздания.

Выставка Роальда Каптикова порадовала многих. Посетили ее художники и преподаватели — друзья Роальда Валерьевича: Альберт Туманов, доцент кафедры физкультуры Уральского федерального университета Валерий Шлыков и другие.

*«О счастье мы всегда
лишь вспоминаем.
А счастье всюду.
Может быть, оно
Вот этот сад осенний за сараем
И чистый воздух,
льющийся в окно...»*

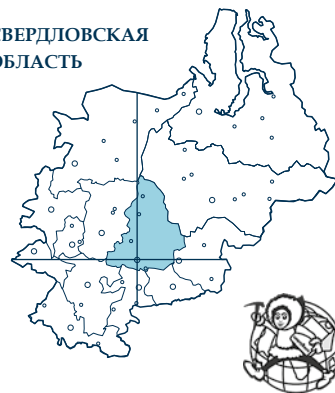
Эти бунинские строки художник процитировал в конце нашей беседы и добавил:

— А почему бы нам не быть счастливыми прямо здесь и сейчас? **УС**

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Владимир Голдин

◀ Братья Кий, Хорив, Щек
и их сестра Лыбедь

«ВЕЛЕСОВА КНИГА» Сергея Тимухина

Иллюстрации предоставлены автором

С середины 90-х годов XX столетия, когда в читающей среде появилась «Книга Велеса» в переводе А.И. Асова, внимание к ней не ослабевает. А страсти научные и литературные, напротив, разгораются. Одни не признают «Велесову книгу», считая ее подделкой. Другие, напротив, видят в ней глубокий источник для познания нашей истории, поскольку до сих пор нет ответа на вопрос: «откуда Русская земля стала есть».

Не будем в данный момент вдаваться в эту дискуссию. «Книга Велеса» есть, она живет и будет жить, пока существует интерес людей к истории своего государства. А раз так, то и споры-диспуты вокруг нее тоже будут, как они идут до сегодняшнего дня вокруг «Повести временных лет» и «Слова о полку Игореве».

Наш разговор одругом. Поэт, доктор технических наук, профессор Уральского горного университета Сергей Тимухин впервые осуществил поэтический перевод «Книги Велеса». Переводчик, как видим, не новичок в науке. Более того: не новичок и в работе с древними источниками — он автор двух переложений «Слова о полку Игореве». Семь лет посвятил Сергей Андреевич поэтическому переложению «Книги Велеса», и это время не прошло напрасно ни для литературы, ни для людей, интересующихся историей отечества.

В трудах и битвах зарождалась и росла Русь. Напасти валились на славян: природные катаклизмы, завистливые соседи... Приходилось отступать, менять место жительства, побеждать и проигрывать битвы.

*И Бог наш, Велес, помогал,
Нам звездный путь держать
Он наших праотцев учил
Пахать и сеять, жать
И чтить Богов учили нас
Путем водили Прави.
От темных сил хранили нас
И берегли от Нави.
И так мы шли, растили хлеб —
Поляне и древляне
И славу пели мы Богам,
И потому — славяне.*

В повседневных заботах развивалось и крепло славянское племя, на демократических, как сказали бы современники, принципах строило отношения между людьми:

▲ Перун. Реконструкция статуи из храма Ретры. V-XI вв. н. э.

▲ Хорс-Радогост из храма Ретры

▲ Ярила (весенний)

ЗНАКИ ВЕДИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

На вече мы судили всех:
И люд простой и кто глава,
Чтоб не страдала без вины
Людская голова.

Но после битв с хазарами положение меняется:

И вот старейшины, князья
Вдруг садят недалече
Своих и внуков, и сынов
Против решений вече.

Любое разобщение ослабляет общую силу — славяне поняли это после раздела князей Кисека и Яруна...

Поэтическим калейдоскопом проходят перед читателем войны с готами и гуннами, битвы русов

на Ближнем Востоке, в Вавилоне, Ассирии и Египте. Войны с Грецией в Причерноморье. В дружбе с мечом и оралом прошли русичи невзгоды карпатских исходов, не теряя своего лица, сохраняя обычаи и богов. Поскольку:

«Ведь в Греции не боги.
Их не бывает там.
У них стоят повсюду
Лишь статуи мужам.
А мы имеем имя Славы!
Оно нам вписано в анналы
Железом вражьи, их мечами,
А не хвалебными речами».

В былинном повествовании, через поэтическое преломление Сергея Тимохина внедряется в наше сознание

жизнь наших древних предков — с XX столетия до нашей эры по IX век нашей эры. Этих былины не найдешь в учебниках истории отечества, тем интересней заглянуть вглубь веков через поэтическую версию Сергея Тимохина.

«Книга Велеса» глубоко патристична, а некоторые ее мысли актуальны и по сей день.

Так бейся, Русская земля!
Обороняй сама себя!
Да так, чтоб не было причины
Страдать от всякой там кручины.
Нельзя чтоб нас охомутили,
Чтоб возом править нам не дали.
Нельзя, чтоб Русь везла телегу,
Чужих владык лелея негу. **УГ**

Жизнь на орбите гения

Фото из семейного архива Т.Клычковой

Екатерина Николаевна Сахарова... Внучка сибиряка из слободы Кяхты, участника первых русских торговых караванов в Китай. Первая жена Николая Ивановича Вавилова — блистательного ученого, истинного бриллианта российской научной мысли. Об руку с ним она провела практически всю свою жизнь, за вычетом детства и отрочества. Сначала — в качестве сокурсницы, затем любимой девушки, потом жены, а после развода — друга. Нынче почти встретились на календаре их 125-летние юбилеи.

Сведения, что мы почерпнули о Екатерине Сахаровой из разных книг, написанных о Н. И. Вавилове, не блещут разнообразием. Возникает образ женщины умной, образованной, но не красивой, излишне сдержанной, педантичной, да к тому же с тяжелым характером. Рядом с ней общительный и открытый всему миру Вавилов чувствовал себя, как минимум, стесненно. Такой стереотип сложился.

Но ведь очаровался же он Екатериной в юности, увлекся всерьез, именно с ней связывал свои планы на будущее в семейной и научной жизни. Ей доверял свои юношеские сомнения, ей писал письма-размышления, у нее многому учился, благодарно принимал ее помощь в овладении языками. Поначалу и она разделяла его увлечение агрономией. Была у них совместная полугодовая практика на Полтавском Опытном поле, длительная поездка в Европу, где он стажировался... Да и после распада семьи остались между ними ровные дружеские отношения, взаимная любовь к сыну. Отец писал ему письма из своих путешествий, брал с собой в зарубежные поездки

и экспедиции, а иногда на лето — в свою новую семью в город Пушкин. Она не препятствовала.

Большая часть материалов, сохранившихся в архивном фонде Екатерины Николаевны, — дневники, в которых почти ничего личного: только цитаты из книг, которые она читала или переводила, многочисленные конспекты статей, дагы, стихотворения... А за многообещающей записью «Автобиография «Наша и моя жизнь» (1904–1946)» — всего лишь открытка, на обороте которой столбец с годами, и напротив каждого — одно-два, лишь изредка несколько слов... И все-таки попытаемся пройти по вехам ее жизни.

Екатерина родилась в семье крупного коммерсанта. Ее родители — Николай Гаврилович Сахаров и Надежда Николаевна (ур. Сафонова) — поженились в начале восьмидесятых годов 19-го века. В семье родилось три дочери. Екатерина была старшей. Вера моложе ее на два года, Надежда — на 11 лет. Отец — по понятиям сегодняшнего дня был топ-менеджером — управляющим московскими предприятиями из-

Маргарита Вишнякова

Родилась в Перми. Окончила Пермский гос. университет. Доктор биологических наук. Автор более 150 научных работ, посвященных генетическим ресурсам растений. Имеет множество научно-популярных статей и публикаций в СМИ. Научная деятельность связана с Всероссийским институтом растениеводства им. Н. И. Вавилова. Автор книг о соратниках Вавилова Е. И. Барулиной и Г. Д. Карпеченко. Живет в Санкт-Петербурге.

Татьяна Клычкова

Внучка младшей из сестер Сахаровых — Надежды. Ныне пом. руководителя Управляющей компании ООО «Русэлпром» (г. Москва). В соавторстве с М. Вишняковой написала очерк о Е. Н. Сахаровой-Вавиловой (СПб., 2011).

вестного промышленника Ивана Федоровича Токмакова, выходя из Сибири, из торговой слободы Кяхты Забайкальской области. Кяхта, впоследствии город, долгие годы была главным центром русско-китайской торговли. А Токмаков — совладельцем первых русских чайных фабрик в Китае. Около века именно Кяхта снабжала чаем всю Россию, его и называли кяхтинским. Родом из того же Забайкалья были и оба деда сестер Сахаровых. Один из них — Николай Сафонов — по подрядам военного ведомства поставлял из Сибири в Приморье продовольствие и фураж для лошадей. Его жена Мария Николаевна (в девичестве Шарапова) много сделала для воспитания Екатерины.

Мария Николаевна рано овдовела, осталась с четырьмя детьми и невыполненными подрядами мужа Дальневосточному интендантству. Одевшись в мужское платье, сама стала плавать на баржах по Амуру, доставляя товары. Ее знали по всему Амуру и называли «американкой» — за самостоятельность и деловитость. В семье считалось, что Катя Сахарова унаследовала от бабушки много черт характера.

Выполнив все подряды, Мария Сафонова решила переехать в Петербург, чтобы дать образование детям. Старшая дочь Надежда Николаевна — будущая мать сестер Сахаровых, к тому времени окончила в Иркутске закрытый институт для девиц. Из Читы они отправились на лошадях на Урал, в Екатеринбург. Потом водным путем добрались до Нижнего Новгорода, а оттуда по железной дороге до Москвы и Петербурга. Дочери окончили курсы педагогов-воспитателей. Бабушка-«американка» до самой смерти жила в семье своей дочери.

Она с детства постановила для себя: «работать как можно больше, чтобы кончить гимназию как можно лучше, а потом идти и работать для общего блага, для народа»

Семья жила в центре Москвы в тихом Ермолаевском переулке в старинном особняке, стоящем в глубине дворов. В доме был полный достаток. Девочек нарядно одевали, шили платья из тканей, привезенных из Китая. Кухарка, горничная и дворник избавляли от бытовых сложностей. Бонна обучала языкам и манерам. Однако жизненная цель Екатерины — работа для народа — достаточно рано определила ее самоограничение. Уже в юности она одевалась без воланов и рюшей в подобию мужских костюмов или строгие юбки и блузки. Никаких шляп, тюрбанов, перьев — исключительно кепи.

Она с детства постановила для себя: «работать как можно больше, чтобы кончить гимназию как можно лучше, а потом идти и работать для общего блага, для народа». Ей после смерти родителей пришлось взять на себя ответственность за сестер, младшая из которых была еще ребенком.

Юность сестер пришлось на годы революционных волнений, русско-японской войны. Трудно было не поддаваться буйству политических веяний. Екатерина участвовала в политических кружках, сочувствовала большевикам.

▲ Июль 1888. Мария Сафонова с внучкой Катей Сахаровой
Сестры Сахаровы Вера, Надежда и Екатерина

Закончив гимназию, Екатерина поступила на историко-филологическое отделение Высших курсов, но ровно через год оставила курсы и стала вольнослушательницей в Московском сельскохозяйственном институте, по старой памяти называемом «Петровкой». Как раз в 1906 году в Петровку начали принимать вольнослушательницами женщин со средним образованием. Екатерина поступила на тот же курс, куда был принят неведомый ей пока Николай Вавилов.

Он был выходцем из той же купеческой среды, что и Катя. Его увлекала биология, которую преподавали в университете. Но туда не брали выпускников коммерческого училища, которое он окончил по воле отца. Впоследствии «волну», забросившую его в Петровку, он назовет «счастливым случаем».

По воспоминаниям самого Н.И. Вавилова: «... Это была пора, когда в академии было 300 студентов, знавших друг друга, когда вся академия от профессоров до студентов была большой дружной семьей. То была пора кружков любителей естествознания, общественной агрономии, дополнявших и без того прекрасную школу. Студент ловил идеи у профессуры и сам быстро превращался в исследователя».

На курсе Николай и Екатерина выделились сразу. Она, отличаясь вдумчивостью, начитанностью, аналитическим умом и незаурядными способностями, приобрела репутацию «одной из даровитых слушательниц — звезды Петровки». Интересовалась философией, организацией

науки, экономикой. Писала стихи, переводила классиков зарубежной литературы.

Он — увлеченный, эрудированный, генератор идей, замечательный организатор, умевший собрать вокруг себя последователей, неприменный заводила дискуссий, бесед, экскурсий — уже на первом курсе стал заместителем председателя кружка любителей естествознания, сыгравшем большую роль в научной подготовке студентов и его собственном выборе специальности.

Конечно же, будучи на одном курсе, они не могли не обратить внимания друг на друга. И влюбленность не заставила себя ждать. Уже через пару лет после знакомства они не мыслили жизни друг без друга. Чудом сохранившиеся у родственников черновики писем Екатерины к Николаю передают весь трепет молодой души, одержимой любовью и безоглядным растрвоением в этом чувстве. В декабре 1908 года она пишет: «Коля, Коля, я тебя люблю,

▲ Катя Сахарова, 15 лет, 1901 г.

Не знаю, так ли ты это ощущаешь, но ведь когда мы вместе, мы живем, словно во сне, в котором все возможно, и из ничего творим чудеса... Так ведь?»

мне б хотелось, чтобы мы стали друг другу так близки, чтоб могли впредь все, что происходит в душе, знать все: и хорошее, и плохое, и радостное, и горькое... Не знаю, так ли ты это ощущаешь, но ведь когда мы вместе, мы живем, словно во сне, в котором все возможно, и из ничего творим чудеса... Так ведь?»

Но уже тогда она понимала, что обрекла себя на непростое чувство к простому человеку. К 1910 году он почти определился в своем желании заняться агрономией. Они едут на практику на Полтавское Опытное поле — один из форпостов агрономии того времени. Эта практика сыграла судьбоносную роль в жизни Н.И. Вавилова. По его словам, именно на Полтавском поле он получил «... импульс для всей дальнейшей работы, ... веру в агрономическую науку».

Но этого не случилось с Екатериной. Она, стараясь следовать своим юношеским идеалам и будучи рядом с человеком, никого не оставлявшим равнодушным к своим интересам, по-видимому, честно пыталась увлечься агрономией. Не связанная сроками экзаменов, окончив Петровку раньше Николая, она в 1911 году «работала практикантом в Московском уездном земстве, но не была утверждена администрацией. В 1912 году работала уездным агрономом в Лихвинском уездном земстве Калуж-

▼ Страничка из альбома Е.Н.Сахаровой — Олег Вавилов

ской губернии, но тоже не получила утверждения». В одном из жизнеописаний Н.И. Вавилова эти «неутверждения» объясняются недовольством администрации революционными увлечениями Екатерины Николаевны. Но вряд ли столь мятежна была она в качестве агронома. Возможно, не привыкли еще на местах к женщинам-агрономам, как, впрочем, и к женщинам-врачам, которых не было прежде. Ведь Екатерина Николаевна была одной из первых агрономов. А, возможно, был в оценке ее агрономической деятельности и объективный момент. Не была Екатерина по сути своей земским агрономом. Работу в деревне понимала лишь как исполнение некоего общественного долга.

В институте Екатерину Николаевну больше увлекала экономика, и недаром она была любимой ученицей известного эрудита А.Ф. Фортунатова — профессора и заведующего кафедрой сельскохозяйственной экономики и статистики, кумира студентов, легенды Петровки.

Быть любимой ученицей личности такого масштаба — значит, как минимум, соответствовать ей. Именно анализ экономики, развития и специфики сельского хозяйства за рубежом и в хозяйствах России привлекали Екатерину Николаевну и во время учебы, и позднее. Вслед за учителем она будет писать, но по большей части переводить, анализировать и реферировать работы о состоянии мирового животноводства, производства сельскохозяйственной продукции в разных странах, организации аграрного образования и т.п.

Поженились они в 1912-м. Сначала все было красиво. В 1913 году ему предлагают стажировку в лабораториях Германии, Франции и, главное, у «отца генетики» Уильяма Бэтсона в Мертоне — предместье Лондона. Это было большой удачей для молодого ученого. Генетика тогда только зарождалась, и Бэтсон в ней был самым признанным и авторитетным ученым.

Супруги едут в Европу вместе. Он в ту пору еще не очень хорошо знал английский язык. Она же наряду с немецким и французским владела им свободно. Да и вообще, с Катей ему было надежно во всех отношениях. Будучи на год старше, она, по сути, была ему «старшим другом», у которого не стыдно спросить совета, которому можно задать вопрос, не стесняясь своей некомпетентности. Эта тяга к людям, у которых можно многому научиться, осталась с ним на всю

жизнь. Впоследствии свои научные впечатления об этой поездке она изложит в статье «Крестьянское хозяйство в Англии».

Казалось бы, налаженная жизнь в родительском доме, хорошая работа, перспектива блестящей карьеры. Но он не доволен. Ему кажется недостаточно масштабной его работа в Петровке. Им к этому времени уже собрана большая коллекция растений и особенно пшеницы из Персии, Средней Азии и с Памира. Для ее изучения нужны были площади и помощники. В Петровской академии их не было. Ящики, коробки и мешочки с семенами ему по большей части приходилось хранить дома — во флигеле родительского дома на Средней Пресне.

В поисках более широкого жизненного пространства и, по-видимому, большей самостоятельности он подает документы на конкурс сразу в два ВУЗа: в Воронежский сельскохозяйственный институт и Саратовский университет, и в обоих его утверждают в должности. Зная ее неодобрение этой затее, он, практически не советуясь с ней, по некотором размышлении решает ехать на работу в центр земледельческого Юго-Востока — столицу пшеничного края Саратов. Там он планирует развернуть большие эксперименты.

▲ Удостоверение Сахаровой Веры Николаевны, 1915 год

Не этот ли его поступок положил начало хроническому раздражению, недовольству Екатерины? Мальчишеством, авантюризмом казались ей многие его предприятия. Не убеждали ее и разговоры о номадизме — кочевничестве как образе жизни. Он считал, что унаследовал от отца инстинкт номадизма, правда, выраженный в гораздо большей степени.

Осенью 1917-го года он уезжает в Саратов один. Она остается в Москве с его матерью в доме его родителей. Он часто наезжает в столицу по делам. Дома бывает урывками, но в важные для семьи моменты — он рядом с Екатериной. Был он рядом с ней и в ноябре 1918 года, когда Екатерина Николаевна родила сына — Олега.

▼ Сестры Сахаровы

▲ Н.И.Вавилов и Олег, 1925 год

В Москве к тому времени перебои с продовольствием, водой и отоплением приобрели катастрофические размеры. Город перестал походить на столицу. Заледеневшие дома, темнота на улицах, отсутствие трамваев, разобранные заборы и даже мостики через каналы, спиленные телеграфные столбы, а в парках столетние деревья, — такой была Москва в 1918 году. Галопировала инфляция. Прилавки магазинов стремительно пустели.

В феврале 1919 года, пожалуй, самого страшного из послереволюционных лет, он привозит Екатерину с трехмесячным сыном в неведомый ей Саратов. Здесь тоже царил голод и разруха, свирепствовали мятежи и сыпняк, со всех сторон подступали фронты гражданской войны. Помещения учебных заведений отдавали под лазареты для раненых. В столовой сельскохозяйственных курсов — каша-затируха. Помещения не отапливались — пять, от силы девять градусов тепла дома и в университете были привычной температурой. На дрова было разобрано все, что можно, вплоть до университетского забора.

Она чувствовала себя здесь словно в заточении. Находясь практически все время один на один с ребенком в маленькой тесной квартире, она, наверное, многократно раскаивалась в своем решении поехать с ним. Как должно быть, раздражал ее быт, к которому она не была приучена. После многих лет жизни в родительском доме, где царил безупречный порядок, обеспечиваемый горничной, кухаркой, дворником, — стирка пеленок, готовка похлебки из пшена с вяленой воблой...

В Саратове у Н.И. Вавилова, конечно же, были некоторые профессорские привилегии, например, ему изредка было положено несколько поленьев дров. Однако из положенного пайка, как он напишет в анкете, «фактически кроме фунта хлеба, ничего не получал». Фунт хлеба в день на троих... Электричество постоянно отключали, приходилось обходиться керосиновыми лампами при жесточайшей экономии керосина. Большинство довольствовалось копилками вроде лампадок, не позволявших читать темными вечерами. Это обстоятельство было для Екатерины трагедией.

Муж вечно пропадал на работе, задерживаясь там допоздна. Летом он вообще уезжал на хутор Опшюков, за восемь километров от Саратова вверх по Волге, где ему удалось выхлопотать земельный участок для полевых работ. Его жизнь была насыщена наукой, преподавательской деятельностью, тысячами организационных и общественных дел, и они с Олегом были далеко не на первом месте.

В 1920 году он блистательно проводит 3-й Всероссийский съезд селекционеров, подготовке к которому отдал много времени и сил. На съезде после доклада о Гомологических рядах его провозглашают Менделеевым в биологии, участники съезда пишут письмо в Совнарком о величайшем открытии в биологии. Саратовский исполком принял постановление о всемерном содействии профессору Н.И. Вавилову в его дальнейшей работе. Умом она понимает масштаб его достижений, но вряд ли они радуют ее так же, как 12 лет назад, когда она предвосхищала его великую миссию — то, что ему предстоит расширить границы знания.

Екатерину уже ничего не вдохновляет. Усталость не только от быта — от бездуховности, скудости и замкнутости собственной жизни рядом с человеком, переполненным впечатлениями, идеями, деяниями, общением. К тому же, именно в это время в его сердце созрела новая любовь, пока еще глубоко скрываемая даже от самого себя.

Но так получилось, что он был и остался единственным нужным ей мужчиной. Она с неослабным вниманием наблюдала за его работой, успехами, экспедициями, обозначая ими вехи «нашей и моей жизни»

У него был широкий круг общения не только среди ученых. Было множество помощниц — студенток, которые делали посевы, вели наблюдения, проводили анализы. По его зову приехали в Саратов его бывшие слушательницы с Голицынских курсов, сотрудницы из Петроградского Бюро... Они жили все вместе на хуторе, работали от зари до темна, недоедали, боялись приближающегося к Саратову фронта, систематических обстрелов окрестностей. Но они были вместе. По вечерам устраивали веселые чаепития, сочиняли песенки про своего молодого профессора, влюблялись в него.

Иногда он брал на хутор ее и Олега. Но ее раздражало их единение, в котором она чувствовала себя инородным телом. Ей не вполне понятен был их фанатизм, эта одержимость работой, жизнь в неотапливаемых и осенью становившихся промозглыми бараках при постоянной угрозе немедленной эвакуации. В полуверсте от их участка рыли окопы и ставили заграждения.

В начале года внезапно от сыпного тифа умер Р.Э. Регель, заместителем которого по Отделу прикладной ботаники и селекции в Петрограде Н.И. Вавилов числился официально. Поэтому 13 сентября 1920 года его выбрали новым заведующим Отделом.

Большая часть его сотрудников выразила желание ехать с ним в холодный и неведомый им город. Он взял пятнадцать человек. Те, кто не ехал, устроили ему трогательное прощание с ужином, со стенгазетой на кафедре. Пили морковный чай и говорили теплые, прочувствованные слова.

Екатерина Николаевна категорически отказалась ехать в Петроград, более того, она отказалась уезжать из Саратова. Она вдруг оформилась на работу — день в день с его увольнением. Это был нервный срыв, протест, продиктованный духом противоречия. Возможно, она хотела продемонстрировать, что вправе сама распоряжаться своей жизнью,

а не следовать за ним, номадом, повсюду, куда зовут его обстоятельства... Возможно, это был вызов его новой любви.

Однако сразу после оформления в первых числах марта он все же увез ее из Саратова в Москву. Оставив жену и сына в родительском доме, Николай Иванович уехал к месту новой работы один.

В Москве на Средней Пресне Екатерина обосновалась навсегда. Ей, по-видимому, было комфортно здесь на тихой, почти провинциальной улице, поросшей ромашкой с одно- и двухэтажными домами, спрятанными в сады и полисаднички. Ей было уютно и покойно с его матерью Александрой Михайловной — почти неграмотной, простой, но чрезвычайно правильной женщиной.

Отъезд из Саратова и разезд означали окончательное охлаждение отношений и его моральное право с головой отдаться новому чувству.

Внешне их отношения были ровными, дружескими. После Саратова они формально оставались мужем и женой еще долгие шесть лет. Но во время пребывания в Москве, в родительском доме, где он останавливался всегда, никогда не помышляя о гостиницах, взгляд его постоянно скользил мимо нее, останавливаясь лишь на Олеге. Он избегал объяснений с женой, оттягивая разрыв, мучаясь раздвоенностью своей жизни, но и не подавая надежды на новое сближение.

Екатерина Николаевна по-прежнему помогала ему с переводами. В 1923 году она перевела, а он отредактировал книгу известного английского ученого Р. А. Грегори «Открытия: цели и значение науки», вышедшую в издательстве Сабашниковых. Он помогал ей, организовывая

договоры на переводы с издательствами. Это были сугубо деловые отношения, в которых он воспринимал ее лишь как партнера.

В 1926 году она согласилась на формальный развод, оставив себе право носить его фамилию.

Но так получилось, что он был и остался единственным нужным ей мужчиной. Она с неослабным вниманием наблюдала за его работой, успехами, экспедициями, обозначая ими вехи «нашей и моей жизни».

Ей по-прежнему оставались дороги общение с ним и знаки его

внимания. Не об этом ли свидетельствует нарисованный ею — сбереженный, увековеченный — букет сирени, подаренный им через несколько лет после расставания, в 1929 году? Прозвительная акварель с не менее пронзительной лаконичной надписью: «Сирень принес Н. И. Вавилов». Она на всю жизнь осталась если не рядом, то подле него, на его орбите, в его гравитационном поле.

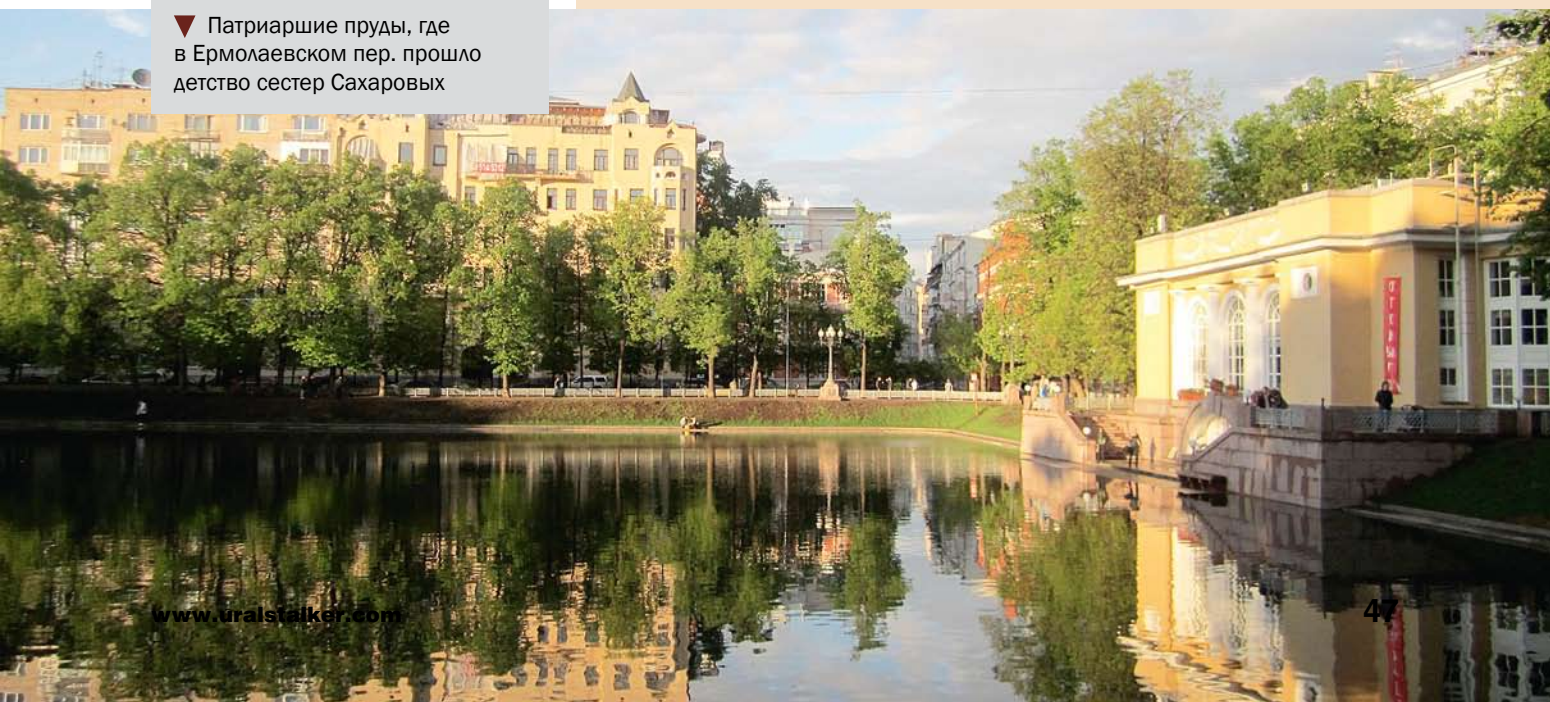
Умерла Екатерина Николаевна Вавилова в Москве в 1963 году на 78-м году жизни. ❧

Их сын Олег после школы окончил физический факультет МГУ. Работал в Физическом институте Академии наук (ФИАН), которым руководил брат Николая Ивановича — Сергей Иванович Вавилов. Темой его исследований была энергия космических лучей, что требовало навыков альпинизма для походов в горы. В конце декабря 1945 года он блестяще защитил в ФИАНе диссертацию на степень кандидата физико-математических наук: «Переходные эффекты мягкой компоненты космических лучей и гамма-лучей». Современники считают, что у Олега были прекрасные научные перспективы.

После ареста и исчезновения отца Олег настойчиво занимался его розыском. Он добивался в НКВД разрешения на свидание с ним, а в июле 1943 года первым, несмотря на завесу секретности, узнал о его кончине и сообщил об этом телеграммой дяде — Сергею Ивановичу. После защиты кандидатской диссертации Олег решил отдохнуть в горах и уехал в отпуск на Домбай с группой аспирантов и профессоров МГУ. Из этой поездки он не вернулся.

В наше время появилось много публикаций, посвященных расследованиям причин гибели Олега. Юрий Николаевич Вавилов (сын Н. И. Вавилова от второго брака) приложил немало усилий, чтобы восстановить истинную картину гибели старшего брата: был ли это несчастный случай или его убили по заданию НКВД. Очевидно второе. Олег Вавилов не раз открыто высказывался в том духе, что Т. Д. Лысенко — убийца его отца, не скрывал этого своего убеждения, что, конечно, было известно компетентным органам. Тщательно спланированное и безупречно исполненное убийство в горах, далеко от столицы, нетрудно было представить как несчастный случай.

▼ Патриаршие пруды, где в Ермолаевском пер. прошло детство сестер Сахаровых

УРАЛЬСКИЙ **снегоним**
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегоним**
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегоним**
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегоним**
www.uralstalker.com

Караван-фестиваль на реке Чусовой

Караванный

вал

28.04 – 10.05

2012 г.

подробности на сайте: www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегоним**
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегоним**
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегоним**
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегоним**
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегоним**
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегоним**
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
www.uralstalker.com

январь 2012

Аэлита

50

Законы Вселенной

МАРИЯ ЕМА
Salve, Соня! (рассказ) **50**

АРКАДИЙ МАРГУЛИС,
ВИТАЛИЙ КАПЛАН
Кибер-Крипта **56**

ЮРИЙ ИВАНОВ
Резонанс **65**

ВЛАДИМИР МОЛОТИЛОВ
То, что вокруг **70**

75

Координаты чудес

АЛЕКСЕЙ ЗЫРЯНОВ
Взаимы у Бога **75**

79

Повод для улыбки

ДЕНИС КУПРИЯНОВ
Против лома нет приема **79**

Мария Ема

Salve, Соня! (рассказ)

Соня была длинная, неуклюжая, вечно взъерошенная и такая веснушчатая, словно солнце сыпануло щедро пригоршню рыжих пятнышек и вдогонку облило закатной краской. Оттого волосы Сони были красно-рыжими, особого оттенка, что от природы достается лишь единицам. На бледном Сонином лице щурились подслеповато глаза, кажущиеся из-за яркости локонов блекло-голубыми. Серая больничная рубашка на два размера больше едва держалась на худом теле и постоянно сползала с острых плеч. Зеленый байковый халат отлично сочетался с красными волосами, пластмассовые шлепки уныло шаркали по длинному серому коридору. Шварк-шварк — шестьдесят пять шагов из одного конца в другой, шестьдесят пять — из дальнего в ближний, шестьдесят пять справа налево — как хочешь, так и считай.

Иногда она останавливалась, словно натыкалась на невидимую стену и протягивала руки к чему-то, одной ей видимому. И утроба ныла, словно оттуда вынули кусок теплой плоти. Маленькие груди напрягались, соски щипали невидимые пальцы. Но она была пуста и проклята, как труп кормящей суки, сбитой машиной по пути к своим щенкам. И душа заходила в тоске, которую нельзя было ни озвучивать, ни отражать на лице. Последнее Соне не всегда удавалось. И тогда крепкие мужики в униформе, по мановению тонкой, украшенной золотыми цацками, руки медсестры, тащили Соню в процедурную. Игла входила в вену жалом скорпиона. Черный яд разливался по жилам, скручивая костлявое тело. И чей-то голос шептал настойчиво, навязчиво, неотвратимо: забудь, забудь, забудь, забудьзабудьзабудь...

Она боялась скорпиона. Иногда удавалось вырваться, убежать. Длинные ноги неслись по-ланьи, теряли тапки.

Мария Ема (псевдоним)

Родилась в 1972 г. р. Окончила Историко-архивный институт (ныне РГГУ), замужем, живет в Москве. Публиковалась с 1998 г. в газете «Тайная власть» и в приложении «Супер-триллер» под псевдонимом Мария Игнатова (рассказы «Голубое сияние», «Шарлатан», «Демон ночи», «Подвал»).

Шестьдесят пять шагов превращались в несколько, она зажмуривалась — там, в конце коридора вместо зеленой стены с серым прямоугольником пластиковой двери расцветал огненным бутонем выход из тоннеля. Выход, за которым ждал ее ангел, смешно размахивая крошечными ручками и ножками. Ветер свистел в ушах, она не слышала окрика санитаров. Она летела на свет не для того, чтобы стореть... и ударялась всем телом... и падала на пол с лицом, залитым кровью. И ее подбирали, словно тряпку, закидывали на каталку, пристегивали ремнями и везли к скорпионам. На металлическом, привинченном к полу столике они ожидали ее: черный, желтый, зеленый. Они были голодны, подпрыгивали в нетерпении, били жирно блестящими хвостами, хватывались друг с другом, иногда смешивая цвета.

Она не могла забыть. Никак. Черный скорпион был рад ей, но не помогал, и тогда нежная кожа на висках горела кругами от электродов. И Соня кричала и рычала, выгибалась дугой, лишалась воздуха и задыхалась. Игольчатая боль впивалась в мозг, заставляла ныть и дрожать зубы, кровь текла из носа на серую

рубашку. Когда процедура заканчивалась — рубашку меняли. Здесь любили чистоту и аккуратность. Во всем.

— Какие сны тебе снятся? — ласково спрашивал округлый бородач в белом халате, поглаживая Соню по голове чуткими пальцами палача.

— Не помню. Не знаю.

— Дети снятся?

— Нет. Да. Не знаю.

— Тебе надо научиться отвечать — нет. Только «нет». И больше ничего. Был ли у тебя ребенок?

— Да. Нет. Не помню.

— Ты должна отвечать — нет. Только «нет». Ты помнишь роды? У тебя были роды?

Молчит. Взгляд в сторону.

«Я хочу... Я чего-то хочу... Теплый комок на животе. Слизкий, сине-багровый. Я подумала — это мои кишки. Я испугалась, идиотка! А «кишки» кашлянули и запищали. Так жалобно. Так торжествующе. Так ново...».

— Ннн-е-е-т!

— Хорошо. Сегодня хорошо. Иди, Соня. Завтра продолжим.

«Шварк-шварк. Чего же я хочу?.. Господи, я забываю то, о чем думала минуту назад. Но я помню теплый комок. Я держала его на руках... кажется. Потом болели груди, прибывающая жизнь жгла их огнем изнутри. Собственное тело было каменным — странное ощущение — жило само по себе. Почему его забрали, моего ангела? Почему ампутировали кусок меня? Какое они имели право? Зачем это сделали?».

На ночь палату заливал мертвенный синий свет. Свет дня умирал и покрывался трупными пятнами — это Соня так представляла себе. На самом деле, санитары заглядывали в палаты в любое время суток, и пациенты должны были быть всегда, как на ладони.

— Вы у меня на ладони, как у Бога! — смеялся иногда ласковый бородач, пребывая в добром настроении. — И сегодня я вас, сукины дети, не прихлопну!

К Соне сон приходил редко. Таблетку, что приносила медсестра с цацками или другая — смешливая, похожая на барашка, Соня научилась языком приклеивать к небу за зубами. И когда ее просили открыть рот, чтобы проверить наличие таблетки, она делала это быстро. А потом прятала таблетку под матрас, чтобы при случае слить в клозет. Наверное, зря это делала. Наверное, надо было спать и видеть прекрасные сны, обещанные белой горошиной принцессе больничного матраса. Но ночью больницу затопляла тишина. И тогда из заполненных темнотой углов одиночной палаты выступали странные видения, теснились перед открытыми неспящими глазами... Вот она ведет за руку девочку с золотыми волосами. На ножках белые гольфики с помпончиками и красные туфельки. И осенние листья падают им под ноги лепестками роз. Воздух чист и прозрачен, и ласкают ноздри печальные запахи тлена и засыпающей земли. А вот прелестная юная девушка читает книгу, сидя на ручке ее кресла. Покачивает совершенной рукой в такт рифме, фарфоровая кожа источает сияние и аромат медовых яблок... Сонино сердце замирает от счастья. И в квартирах соседей наступает мир. Обиды забыты. Ссоры прекращены. Недомолвки высказаны. А на город опускается ранняя тьма, которой никто не страшится. Люди выходят на улицы и смотрят на третью четверть луны. И где-то далеко раздается последний выстрел на Земле. Ибо больше их не случится. Никогда. Война умерла. Скончалась скоростно в тот день и в ту минуту, когда сине-багрового человечка достали из ее, Сониного, лона, и он вдохнул затхлый воздух этого мира.

Мокрая подушка. Мокрая каждую ночь. Сколько слез сокрыто в человеке? Ведь столько воды не выпить, не впитать кожей из воздуха!

Она даже не успела дать малышке имя...

И другие тени выступают из углов, шевелящиеся тени, болезненные, залитые кровью...

...Стеклопанные стены родблока. Страшный террариум, где под яркими лампами корчится душа, от которой отделился маленький кусочек. И он растет, обретает самостоятельность. Это потеря навсегда: не удержать в себе рвущуюся на свободу жизнь... Скинуть засовы, отворить врата — Боже мой, как больно их отворять! Толкать, толкать, толкать застрявшую в плоти душу. Не смей удерживать — ты уже сама по себе? Нет. Есть тонкая нить — от сердца к сердцу. От души к душе. И нить эта никогда не порвется...

Прозрачная маска легла на лицо, и плач стал недосягаемо далек. Сгусток тепла отняли от тела, оставив лишь ту, невидимую, ниточку.

— Что будет с ней? Устранят? Обставят, как смерть во время родов?..

— Приказа не было. Ее поместят в спецлечебницу под наблюдение. А ЭТО будут изучать... Сила ЕГО велика — возможно, мы могли бы использовать ее для нашей пользы.

И легкий аромат медовых яблок постепенно забывается. Но почему так ноет живот? «Потому что ты потеряла часть себя!» — шепчет невидимый кто-то. — «И тебе надо найти это! Неважно, что будет с тобой. Ты неважна. Важно другое. Вспомни! Имя твое значит — Мудрость. Реши для себя — что спасет мир? Реши для себя — что твои оковы?».

«Говорить «нет». Не забуду. Нет. У меня не было ребенка. Нет. Я никогда не рожала. Нет. Мне не снятся дети. Мои оковы... Не больница! Нет. Другое. Завтра. Завтра».

— Как наше настроение? Бледненькая ты! — жалостливо говорит бородач на утреннем обходе.

Умело запрокидывает ее голову, смотрит зрачки. Ерошит огненные волосы. Бормочет детскую песенку: «Рыжий, рыжий, конопатый, я убью тебя лопатой...».

Кричит куда-то в коридор:

— Оль, она загрожена?

— С утра нет еще, — на пороге появляется ангел смерти.

Неумолимый, суровый, ярко покрашенный. Цапки позвякивают. Соне видятся шевелящиеся сердца, напизанные на золотые цепочки. Вдуваются, опадают. Кровь сочится по изящному плетению, капля за каплей. Самое крайнее, еще живое — не ее ли?

— Сделай. И капельницу с глюкозой. Что-то она бледная и вялая. Как бы ни померла! С нас головы снимут.

Соню выгоняют в коридор. Безразлично опустив голову, она сидит на банкетке у двери в кабинет. Стены и пол кривятся, словно издеваются над ней. Из-под двери выдувает белый дымок. Что это? Слова? Она может слышать глазами?

— Почему они просто не прикончат ее? — шепот медсестры. — Она уже животное.

— Он еще помнящее животное! — поправляет бородач. — А им нужно просто животное. Не спрашивай — зачем? Меня не посвящали. Может быть, оттого, что ребенок еще жив?

— Как они вообще ЭТО обнаружили?

— Наблюдали чудесные явления. Цветы... Исцеления... Аромат разливался в воздухе... Кто-то донес, военные заинтересовались, взяли в оборот. Когда провели серию тестов, поняли, что дело не в ней, а в том, что она носит во чреве. Они изучают ЭТО до сих пор и не могут прийти к единому мнению.

...Нечем дышать. Нет воздуха. Кончился в легких, кончился в сфере плавающего сознания, кончился в коридоре. Нет воздуха во всем мире! Нужна боль. Очень нужна. «Господи, дай мне силы! Господи, дай мне боли! Она жива, Господи! Они не убили ее!».

Острым резцом рвет внутренности, в ушах гудят колокола. По ком? Соня страшно кричит и падает на пол и бьется в судорогах. Умелые руки хватают ее. Умело прижимают к каталке. Умело переключают

на кушетку. Она затихает. Только вращает глазами, словно лошадь, которую ведут на убой...

— Вот черт! — расстроено говорит бородач. — Как чувствовал, что будет приступ! Загружайте ее.

Черный скорпион ползет по руке, расслабленно помахивает хвостом. Но расслабленность обманчива. Удар. Укол. Яд пропитывает кровь. Наступает тьма. Ей нельзя во тьму. Ей надо сделать... надо сделать что? Воздух есть, но его мало. Соня задыхается, на тощейшее проступает по-мужски очерченный острый кадык и синие, отчаянно вздувшиеся вены. Тело обмякает.

— В палату?

— Нет, пускай полежит здесь. Если надо будет — догрузим. А сейчас перекур.

— А она?

— Да ничего с ней не случится! Ближайшие десять минут труп будет живее.

«По-ше-ве-лить паль-цем. Как тяжело. Надо открыть глаза. Я растворяюсь, я исчезаю. Нельзя. Надо открыть. С потолка свисает паутина, пульсирует, вытягивает отростки к моей голове. Рано еще. Не время. Я тянусь трясущимися пальцами к скорпионам на столике. Смешать черного с зеленым. Зеленого с желтым. Где-то должен быть шприц-двадцатка. Только не вставать. Упаду. Судороги близко. Меня уже рвет и крутит изнутри. Как тяжело дышать! Не хватает... не хватает... Где-то там моя девочка. Маленькая. Плачет одна. Я приду. Сейчас, мой ангел. Сейчас...».

Адская смесь в шприце едва не дымится. Если ее не убьет формула, это сделает объем. Размер имеет значение!

Задыхаясь, Соня всаживает шприц в плечо и вводит все двадцать кубиков. И воздух перестает быть нужен. Ей надо торопиться. Они вернутся через несколько минут... Стоп! Торопиться не надо. Между ней и лежа-

щим на кушетке телом уже нет ничего общего. Качающееся на золотой цепочке сердце опало и потемнело.

Соня с удивлением оглядывает себя и смеется. Громко, без страха. Серебряная паутина слышит ее смех, готова принять, прогнать по сияющим тоннелям собственной памяти, привести в средоточие... чего?

— Прости! — шепчет Соня. — Я пока не могу.

Смеясь, она давит ладонью скорпионов на нержавеющей столике. Слегкостью отрывает сам столик от пола и швыряет в стену. Ломает металлическую штангу капельницы. Минует запертую дверь, не оглянувшись на то, что оставляет на кушетке... Нет. Нехорошо так. Возвращается, гладит огненные волосы. Проводит пальцами по еще теплым векам, закрывая глаза. Целует в лоб. Прощай, Соня!

Сознание ясно, как никогда. И никогда в ней не было неумолимости, теперь наполняющей тело, как гелий — воздушный шарик.

В ординаторской открыты окна. Весенний ветер врывается внутрь птичьими криками, бликами солнца, шумом машин, разгоняет вонючий дым. Решетки на окнах не помеха ни звукам, ни свету.

Рано лысеющая голова бородатого. Соне становится смешно — такая окладистая густая борода, ни единого седого волоса. И глубокие залысины на лбу. И серая тонзура на макушке. Тонзура иезуита. «Что ж, любимец Господа нашего, святой отец Торквемада, я войду в центр отметины лет твоих, ввинчусь в макушку, как веретено в пальцах Ананке. Я стану неумолимой, как мойры, и жестокой, как Тласолтеотль, я запущу огненные косы своего любопытства в твой мозг, как Юмын удар, и узнаю... Имя есть! Я найду его. По красному следу... Хитросплетения разноцветных мыслей пронизывают мир миллиардами капилляров — так вот оно какое, информационное поле Земли!».

Мгновенное усилие. Застарелый страх души. «Они хорошо поработали над тобой, девочка! — шепчет голос. — Но не бойся решеток. Более они ничто для

тебя!». И Соня выскальзывает наружу, а в спину несутся удивленные возгласы и топот санитаров в коридоре. В процедурной раздаётся вскрик перепуганного бородача. И ледяная рука страха перед государственной карой душит его горло и остужает жар сердца. Удар. Удар. Паузаааааа. Глухое жужжание запускаемого кардиостимулятора. Поздно.

По красному следу она спешит римской волчицей. И пускай у нее всего один щенок, она найдет его. Опасна разъяренная мудрость, но самка, у которой отняли детеныша, опасна смертельно! Белые клыки впиваются в следующую голову. Чиновник высокого ранга на мгновение застывает в кожаном кресле своего кабинета. Время, что ли, остановилось? Что-то мелькнуло перед глазами, вызвало сумятицу в мыслях и исчезло. Голова разболелась, ох, опять давление! Нащупывает флакончик с таблетками, наливает воду. Сердце не выдерживает напора сторонней ярости. Слабеющая рука разливает жидкость ртутной лужицей по столу. Чиновник падает в нее лицом.

Армейский чин в длинном черном авто едет с секретного объекта. Он инспектирует его каждую неделю, и каждый раз удивляется сам себе. Потомственный военный, боевой офицер, ему частенько случалось убивать людей. Он давно забыл, что такое совесть. Он никогда не знал, что такое страх. Никогда до момента посещения бункера номер двенадцать. Там, в трех километрах под землей, в огороженном энергетической сферой и всеми возможными степенями защиты пластиковом кубе, лежит в белом мягком манеже голенький младенец. Механические руки кормят и поят его, ибо люди не могут зайти внутрь, не опасаясь за свою жизнь. ОНО растет, и растет его сила. И если раньше находящиеся рядом с НИМ справлялись, то последние несколько месяцев происходит страшное. Трое офицеров, из тех, кто вначале имел доступ к телу, покончили с собой.

Он тоже был рядом, но, слава богу, пока держится! Ведь он находился в непосредственной близости лишь, когда в прозрачном кювезе ЭТО перемещали в бронированную машину. Не сдержал любопытства — на мгновение заглянул внутрь, разглядел сморщенное личико непередаваемого цвета, узкие глаза, разверстый открывающийся в плаче ротик. Он только готовил операцию, следил за рождением и перевозкой ЭТОГО в бункер. И посмеивался, отдавая приказы: не верил в силу маленького существа. Пока не ощутил на себе... Пока в его душу не закралось подозрение в собственных принципах. Вот что самое страшное! Если военные начнут сомневаться в правильности отданных приказов — что случится? Анархия. Конец всему. Ведь война — то, что создает государства. То, что сплывает людей, развивает науку. Если люди перестанут убивать — кем они станут? Куда скатятся? Здесь, в дорого пахнущем кожей и кубинским табаком салоне, он может признаться себе, что боится этого ребенка. Боится, чума его побери! И страх этот настолько силен, что он готов отдать приказ нажать на кнопку. Красную кнопку, находящуюся в бункере номер одиннадцать. Номер двенадцатый, превращающийся в пар — вот его мечта!

Но что это? Они стоят вдоль дороги, смотрят на него пустыми глазами! Вот эта девочка в проеме окна в деревне, сожженной напалмом его взвода. Горела и падала наружу, тоненько крича. Крик не стихал. «Да когда же она заткнется!» — сказал сержант и выпустил в нее длинную очередь. И она заткнулась.

Вот этого они пытались. Долго. Зачем? Он не мог сейчас вспомнить. Он помнил, что собственноручно порвал ему лицо, воткнув штык за щеку.

Вот эту женщину...

Их десятки... сотни...

Внутри что-то лопнуло. Голова вмиг опустела, словно все мысли выкачали мощным насосом. В трубе черного коллектора сознания было пусто. И оттуда воняло. Боже мой, какой мертвечиной пахло оттуда! А ЭТИ уже тянули руки. Что он мог им сказать? Губам было непривычно. Сердце перехватило болью... сожаления?

— Простите! — прошептал он и принялся скрюченными пальцами рвать китель на груди. И обмяк, долго хрипя. «Господи, да когда же я заткнусь?». Хрип умолк.

А Соня серебряной звездой летела дальше. Туда, откуда приехала машина. Бетонные своды, стальные перекрытия. Кости гигантского динозавра, поглотившего кусочек ее плоти. Больно, внутри что-то рвется. Это плач. Плач ребенка, для которого мир одинок без родного тепла рядом. «Я уже близко, маленькая моя! Я спешу к тебе!».

Удар. Темнота. Почему? В центре прозрачной елочной игрушки, подвешенной в пустоте, светится золотистая фигурка ангела. Ангельское личико кривится плачем. И никого нет рядом. Лишь холодные манипуляторы взблескивают безжизненным светом под потолком — время кормежки еще не пришло, пленки стерильно чисты, иной команды нет.

Соня разгоняется и снова бьется, как бабочка о стекло. Да, теперь она видит. Голубая сфера накрывает куб. Потрескивает. Посверкивает злым глазом. Не дает проникнуть... Соня ищет ее корни. Смотрит через пол, через бетон — вот он, синий кабель: убегает, прячется, не хочет явить себя миру. Она следует за ним и попадает в маленькую комнатку, наполненную гудением, словно пчелы роятся. За пультами двое в форме. Молчат. О чем говорить? В комнате явственно витает страх. Они боятся того, что сокрыто за энергетическим щитом. Боятся до запаха в поте. До икоты. Надавить яростью вот сюда. Правые лампочки гаснут. Гудение становится тише. Двое вскакивают, смотрят друг на друга.

— Что это?

— Энергия упала по контуру.

— Врубай аварийный генератор!

— Есть. Надо сообщить — код два.

Рука тянется к кнопке связи. Кнопка неожиданно взрывается. Аварийный генератор, расположенный несколькими уровнями ниже, тоже. Двое так же слаженно, как и молчали, разворачиваются и бегут прочь. Соня огромным шмелем мечется по комнате, крушит синие глаза мониторов, рвет из стен связки проводов. Гудение прекращается. В наступивший тишине детский плач становится невыносимым. Щит мерцает еще несколько секунд и исчезает.

Соня медлит мгновение. Сердца давно нет, но словно чья-то рука сжимает трепыхающегося красного воробья внутри нее. Если бы она была жива, она бы задохнулась от того, что спасет мир!

Она бросается вперед. Обнимает плачущую малышку, огромной кошкой сворачивается вокруг и баюкает немой колыбельной. Девочка открывает глаза — серые с зелеными крапинками. И Соня вздыхает, будто жива до сих пор — отнятое тепло возвращается внутрь нее, заполняет пустоты серебряной паутины мироздания, в которой она потихоньку растворяется. Оно растет и ширится, изливается толчками наружу, сплетаясь с волшебной силой ее ребенка. Над всеми переборками, уровнями, наполненными визгливыми голосами армейских сирен, над колючей проволокой, над лучами прожекторов, над маршрутами военных вертолетов, регулярно совершающих облет секретной территории, над тремя четвертями луны расцветает радужная волна и обрушивается на землю, сметая ненависть и боль, растворяя непонимание, смывая слезы. Где-то раздается последний выстрел, и на Землю опускается тишина.

И любовь затопляет мир. **□**

Аркадий Маргулис, Виталий Каплан

Кибер-Крипта

Со стороны поведение пожилого господина могло показаться странным. Даже при беглом осмотре его фигура вызывала сожаление. Господин напоминал состарившуюся обезьяну, облаченную в модельную пару. Он стоял на тротуаре напротив старинного особняка, обвитого стереорекламой. Первый этаж здания занимал банк «Центурион», собственность концерна «VIRT-VIA-Z». Прочие службы концерна располагались на этажах выше.

Господин разглядывал свою тень. По ее удлинённости можно было судить, что уже изрядно повечерело. Как обычно в такое время суток. Господин передвигался, наблюдая за своей долговязой тенью — как она вливается в тень здания. Втекает. Растворяется. Исчезает. Он поворачивал обратно. За ним выползала тень. Именно это обстоятельство завладело им. Он усмехнулся, повторил маневр и лишь потом направился к входу. За перемещениями своего патрона и всемогущего владельца фармо-империи Иванира Адрана бесстрастно наблюдали четверо верзил, одетых в черное, его телохранители. И здесь же, на обочине, ожидал его возвращения лимузин, чудо модернизированного ретро.

Архитектор-навигатор Ритуального Пасада Таренс Морган взглянул на часовую развертку, вздохнул и ударил в ладони. Этим жестом он привык предвзвешивать многообещающеначинания. Первый циферблат триптиха показывал час дня, второй — семь минут, третий — сорок две секунды. Именно сорок две секунды назад Таренс Морган получил заказ на Кибер-Крипте

Аркадий Маргулис

Родился в Киеве в июле 1951 г. С 1974 по 1988 гг. после окончания Азербайджанского института Нефти и Химии в Баку трудился на Чернобыльской атомной электростанции. Прошел путь от оператора до начальника смены, участник ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. В последующие годы работал главным специалистом-инспектором в Главной Государственной инспекции по надзору за ядерной безопасностью Украины. В этот же период закончил Литературные курсы в Киеве. С 2000 г. — гражданин Израиля, в настоящее время работает на американо-израильском биофармацевтическом предприятии «Омрикс». Рассказы и повести Аркадия Маргулиса различных жанров опубликованы в периодике России, США, Канады, Германии, Финляндии, Новой Зеландии.

Виталий Каплан

Родился в Минске в 1969 г. После окончания школы окончил Минский Энерготехникум и призвался в армию. С 1991 года гражданин Израиля. Получил два высших образования: одно по социологии и антропологии, второе по криминологии. Служит в одной из структур госбезопасности. Рассказы опубликованы в литературных журналах Германии и Канады.

Иванира Адрана. Заказ необычный, сложный, и, что особенно беспокоило, ограниченный по времени. Господин Адран слыл воплощением привередливости. Столкнувшись с небрежностью, он безжалостно менял исполнителей. Можно было отказаться, но потерю такого заказчика Таренс Морган считал абсурдом.

Изначально проект виделся осуществимым, несмотря на требование заказчика о соблюдении физических законов реального мира и, в особенности, сохранении естественной гравитации. Это означало, что преимущества виртуального конструирования, позволяющие изменять физические константы и тем самым выполнять фантастические прихоти заказчиков, в Проекте напрочь отсутствовали. Но это означало еще и создание фрагментарной действительности, в идеале повторяющей физическую реальность.

По замыслу эксцентричного миллиардера КиберКрипта, как сооружение траура и горя, представляла собой трехмерный лабиринт, закручивающийся в гигантскую спираль. Чтобы выйти на очередной виток, скорбящим полагалось распознать путевые знаки, понятные лишь близкому окружению усопшего. Таким путем, считал Иванир Адран, он окажет почтение умирающей теще, ей-то и посвящалась КиберКрипта. Девяностолетняя Кларисса Ван Дениц, уже много недель прикованная к аппарату жизнеобеспечения, настаивала на эвтаназии. Дочь ее, жена Иванира Адрана, страдала и не соглашалась. Ее пугала предстоящая утрата и подспудно потеря материнской опеки. Все это утомляло Иванира Адрана, договорные условия он проработал с всегдашней расчетливостью.

Одобрение заказчиком результатов работы обеспечивало выплату исполнителю части гонорара. Получение остатка должна была благословить госпожа Ван Дениц, что Иванир Адран считал маловероятным. Кларисса Ван Дениц, женщина голубых, или даже уль-

траголубых кровей, считалась прямым потомком Лордов Исконного Прибережья. Даже сейчас, на смертном одре, она продолжала твердить, что ее дочь ошиблась в выборе супруга, разбавив благородную кровь субстанцией плебейского оттенка. Фармо-король, миллиардер, потомственный лейб-спирит — плохая партия! Но зять, несмотря на взаимность антипатии, стремился угодить теще в преддверии ее смерти.

Оценивая проект тремястами миллионов реалов, полновесный миллион Иванир Адран предназначал зодчему. Миллион реалов! Это много, очень много даже для непревзойденного мастера, но Таренса Моргана интересовали не деньги, а пиар. Пиар, возносящий туда, где гонорар в миллион реалов — банальность. И все же. И все же Таренсу Моргану представлялось загадкой, почему Иванир Адран добивался эксклюзивных условий, запрещающих Ритуальному Пасаду тиражировать проект. Ведь несанкционированное применение разработок в договорах с другими клиентами и без того противоречило бы закону. Что это — тщеславие Иванира Адрана, или предпосылка феноменального решения, ниспосланная провидением ему, Таренсу Моргану? Несомненно, просматривалось, что Иванир Адран предполагал получить за копейки виртуальный мир, идентичный реальному. Но не вынашивал ли он вселенские планы? Ведь жар легко загребать чужими руками. И тут Таренса Моргана осенило. Он подбежал к подвесному планшету, сдернул и перевернул испещренный формулами лист, и на следующем, чистом, жирно вписал единственное слово — «Абсолют».

В экспресс-павильоне Ритуального Пасада усердствовали операторы во главе с Таренсом Морга-

ном. Инженеры-коммуникаторы, программисты, зонд-оптимизаторы, аккаунт-менеджеры, вирт-энергетики. И для реализации проекта Адрана, несомненно, придется привлечь историков, консультантов по генеалогии и опытных кодировщиков. Завершался первый сеанс работы над проектом. Господин Адран выбрал на пульте ключ «Выброс». Пространство экспресс-полигона подернулось дымчатым сиянием, и тотчас господин Адран почувствовал прикосновения. Служащие Плезир-клуба помогли освободиться от кибер-скафандра. Миловидная девушка поднесла стакан виталина — напитка, активизирующего организм после пребывания в условности.

— Интригующее начало, — сказал Иванир Адран, машинально, пока возвращал стакан, разглядывая ее колени и чувствуя прилив раздражения, — но я хотел бы надеяться, что и впредь именно вы будете участвовать в проекте, а не перепоручать кому-нибудь из клерков.

— Господин Адран, для нас ваши желания святы, — ответил Таренс Морган, оторвавшийся от других забот ради дебюта, — конечно, будем контактировать, но я хочу предложить вам весь спектр услуг, предоставляемых Плезир-клубом для таких гостей, как вы.

— Я не страдаю от скуки, — усмехнулся Иванир, — подводные и космические приключения и ваши знаменитые туры «Султан-гарем» с толпами наложниц меня не интересуют.

— Я к вам пришел с серьезной целью. — Таренс Морган светло улыбнулся, как будто господин Адран включил его в список наследников. Ох уж эти напыщенные недотроги, благодетельствованные жизнью! Смех, как пыжатся, и все вхолостую! Скажем, до первого откровения в одной из приват-лож, и не прибли-

зительных, а вкрутую реальных походов во времени. Тематические города и впрямь расположены в географических резервациях, куда не только простакам, но и власть имущим без согласования путь заказан. Кого оставят равнодушным три дня в роли Великого Инквизитора, Джека-Потрошителя, или начальника концлагеря! Не следует опережать события. Чувствуется, господин Адран подпишет отчетные документы Кибер-Крипты. Но сначала ему придется стать членом Плезир-клуба, ведь услуги предоставляются только им. Это безусловное требование договора. Исключению не подлежит даже Иванир Адран. Стало быть, составление психологического клише заказчика обеспечено! И, как следствие, коррекция сговорчивости и опосредовано — управление его финансами!

В блок-планшете Иванира Адрана, формирующем распорядок дня, появилась пометка: «Кибер-Крипта». На реализацию проекта по настоянию архитектора-навигатора посвящалось два часа в сутки. Немало, учитывая плотность расписания Иванира Адрана. Общению с женой отводилось каких-нибудь полчаса. Утром лимузин доставил Иванира Адрана к зданию концерна. Вспомогательная команда Плезир-клуба помогла ему облачиться в комбинезон. Лейб-медик, проверив состояние Иванира Адрана, разрешил вброс. Пространство, пульсируя, сжалось в шестигранник и вскоре развернулось панорамой условности. Воплощенная концепция Кибер-Крипты пришлась Иваниру Адрану по вкусу. Творение оказалось сбалансированным, будто по Божьему замыслу. Все созданное Творцом совершенно. Кто бы из гениев ни трудился

над совершенствованием колибри, порхающей подле цветка орхидеи, любая поправка — кошунство. Кибер-Крипта, сработанная Таренсом Морганом, не требовала улучшений! Наружное полупрозрачное кремнеполотно лабиринта серебрилось цветами радуги. В путевых знаках отображались хронологические вехи рода Ван Дениц. Они, как и поверхность лабиринта, имели трехмерное исполнение. Любой из знаков менял очертания в зависимости от ракурса и всякий раз трактовался иначе. Ведь и жизненные события Клариссы Ван Дениц слагались в непредсказуемые сочетания, очерченные различными, даже взаимоисключающими интерпретациями. Поэтому правильно выбранный угол зрения, зависящий от достоверного знания ее жизненных хроник, обнаруживал ключ к пониманию рун и возможность продвижения по лабиринту. Добраться же до золотисто-хрустального саркофага, парящего в воздухе, могли лишь очень близкие ей люди. Предвидя настороженность клиента, господин Морган счел нужным пояснить, что оболочка саркофага пронизана энергоаккумулирующими нитями. Они-то и позволяли магнитным зацепам удерживать конструкцию без опор. Иванир Адран добрался до саркофага с первой попытки — в памяти оживали откровения тещи. Но он недолго пробыл внутри. У выхода из лабиринта его ожидал Таренс Морган.

— Чудеса, — удивился Иванир Адран, — и вы здесь?

— И я здесь, господин Адран, — ответил Морган, — держу свое слово, ведь мы же договорились, что буду опекать ваш проект.

И Таренс Морган пригласил Иванира Адрана на строительную площадку, для чего обоим пришлось переодеться в спецодежду. Увечья, полученные в условном мире, сопровождались ментальным шоком

клиента. Виртуальный смертельный исход приводил к длительной депрессии. Соблюдение безопасности было обязательным условием в Плезир-клубе.

Размах строительства поразил выдавшего чудеса света Адрана. Благоговейно трудились сотни рабочих. Фланировали, порыкивая, гигантские экскаваторы. И над этой суетой, над копошащимся муравейником простиралась в натуральную величину стереопанорама Пантеона. Величественного Пантеона Кларисы Ван Дениц. Иванир Адран не пытался скрыть восхищения. Кредо его жизни «То, что нельзя купить за деньги, — можно купить за большие деньги» здесь, в условном мире, возоблададо могуществом заповеди. Два часа будто испарились. Предупреждающий сигнал застал Иванира Адрана в обсуждении с Таренсом Морганом глубины котлована и материала фундамента. Господин Адран, с сожалением отбразив на клавиатуре «выброс», уже через секунду смаковал виталит. И вместе с усталостью, почти бессилием, чувствовал удовлетворение. Ни один из его проектов, разбросанных по всему миру, не возбуждал так, как святилище тещи.

Сутки прошли в ожидании вброса. Строительство продолжалось непрерывно и без него, но Иванир Адран ощущал необратимость. Именно так можно было назвать его привязанность к Кибер-Крипте.

Таренс Морган встретил Иванира Адрана у ограды. За ночь вокруг Пантеона возвели стену, уходящую вверх на десятки метров.

— На соседних участках уйма любопытных глаз, — пояснил Адрану Таренс Морган, — ничего не поделаешь, нашими архитектурными находками интересуются любители полакомиться за чужой счет.

— За мой счет, — уточнил Иванир Адран, — сколько участков прилегает к моему?

— Смотря как считать, — уклончиво ответил Морган, но спохватился и объяснил, — территория кладбища безгранична, как вы понимаете. Условный мир. Если бы не ваше желание соблюсти достоверность, смежных участков могло оказаться больше, чем есть. Видите ли, не все заказчики так щепетильны. Законы реального мира их не интересуют.

— Стало быть, теперь я застрахован от остальных любопытствующих голодранцев? — усмехнулся Иванир Адран.

— Увы, — ответил Таренс Морган, — хозяева внепространственных участков имеют право на перископический надзор за остальными.

Иванир Адран хотел поинтересоваться надзором, но пояснения Таренса Моргана прервал усиленный мегафоном голос:

— Прекратите работы! У меня на руках решение исполнительного комитета!

У входа, потрясая бумагой, стоял невзрачный человек.

— Что это? — растерялся Иванир Адран.

— Пока не знаю, — ответил озадаченно Таренс Морган.

Человек с мегафоном приблизился.

— Вы заказчик? — обратился он к господину Адрану.

— Позвольте, а вы — кто? — в свою очередь поинтересовался Иванир Адран.

— Я? — опешил человечек, — я уполномоченный мэра Кибер-сити. Ваш котлован вырыт незаконно. Или у вас есть согласующий документ?

— Простите... Я ничего не понимаю, — и господин Адран взглянул на Таренса Моргана, ожидая поддержку.

— Поясню, — внезапно смягчился чиновник, — как раз на этой территории обнаружен некрополь древних релятиваторов, охраняемый законом о неприкосновенности археологических ценностей. Полубуйтесь, у меня на руках решение исполнительного комитета о прекращении работ. Если у вас есть возражения, можете подать апелляцию в межзональный суд Кибер-сити.

— Сначала встретимся на территории вот этого господина, — кивнул Иванир Адран в сторону Таренса Моргана и дрожащей от возмущения рукой отбил кнопку «выброс». Нетерпеливо, не дожидаясь помощи, содрал с себя комбинезон, оттолкнул руку с виталином и выбежал из экспресс-павильона. Ворвавшись в кабинет архитектора-навигатора, закричал еще с порога:

— Таренс, черт бы вас взял, я требую объяснений.

— Господин Адран, — ответил Морган, комкая комбинезон, — примите мои извинения, но, даже ради вас мы не сможем переписать матрицу условного мира. Дело не в деньгах, а в репутации. У нас обязательства перед другими клиентами. Мы гарантируем, вы же знаете, не менее ста лет стабильности.

— Нет, что здесь происходит? На самом деле? Вы забыли, с кем говорите, у вас отшибло память? Усохли мозги? Хотите, я куплю ваш близир-клуб вместе с вами и отправлю всех переделывать матрицы в матрицы?! Или вообще — перешивать матрацы!

— Как вам будет угодно, господин Адран, но Плезир-клуб не подлежит продаже — ни при каких обстоятельствах. Попробую объяснить. Условный мир записан математическим алгоритмом на матрице в единственном экземпляре. Волноваться нечего, катаклизмы блокированы страховочными файлами. Кибер-кладбище лишь часть условного мироздания. Мир условности самодостаточный.

Запущенный в жизнь, он существует по собственным правилам, и мы бессильны что-либо изменить. Естественно, нанимаем актеров на отдельные роли. Но и они послушны сценарию, предусмотренному алгоритмом матрицы. Так что насущные неприятности, дорогой господин Адран, вам придется устранять самому, и не здесь, а там, в непредсказуемой условности.

Когда Иванир Адран вернулся на участок, его все еще дождался чиновник мэрии.

— Как вас зовут, дружище? — постарался придать голосу дружелюбную окраску Иванир Адран.

— Мессер. Мессер, если хотите. Итак? Вы собираетесь подчиниться решению исполнительного комитета?

— Всенепременно. Не переговорить ли нам доверительно?

Чиновник неопределенно хмыкнул.

— Я состоятельный человек и обожаю свою тещу. Она, — Иванир Адран поморщился для убедительности, — при смерти, и мне хотелось бы поскорее завершить Кибер-Крипту.

— Уж не намекаете ли вы на взятку, — вздохнул чиновник, но тут же строго добавил, — пустой номер. Другое дело, если возблагоданеритесь пожертвовать на нужды мэрии. Скажем, на стадион, парк, или, допустим, археологическую академию?

— Археология вредоносна, увольте, — усмехнулся господин Адран, — а парк подойдет.

— Как вам будет угодно, — чиновник протянул собеседнику банковский чэйнджер, — набейте сумму и подпишитесь.

— И во что вы оцениваете парк?

— Пять миллионов реалов. В пять миллионов мы точно можем поместиться. Деньги поступят в городской бюджет по целевой статье. Кстати, если хотите

увековечить свое имя, подарив его парку, сумма удвоится.

— Весьма заманчиво. А во сколько, любезный представитель мэра, обойдется удовольствие исключить наши встречи?

— Добавьте к сумме еще один ноль, — произнес чиновник.

Иванир Адран проставил требуемую сумму и расписался. Оставалось распрощаться, но Мессер не торопился.

— Что-то не так? — поинтересовался Иванир Адран.

— Примите мои поздравления, — ответил Мессер, — вам положена приличная скидка.

— О чем это вы? — изумился Иванир Адран.

— О следующей Кибер-Крипте. Конечно, если вы хоть напоследок станете уважать правила, — сказал Мессер, и, выдержав паузу, добавил, — аналитические акценты единого энергополя в отношении вас дали положительный результат — вы обозначены.

— Объясните? — удивился Иванир Адран.

Зарокотала техника.

— Я посылаю решение Этингеру. Вам пора распрощаться. Теперь вы под нашей юрисдикцией, — загадочно ответил Мессер и ушел.

Сигнал двухчасового отсчета застал Иванира Адрана за осмотром Пантеона. Еще через час пульт замигал критическим красным. Оставаться далее в условности воспрещалось, сработали бы блокировки. Иванир Адран вошел в «Выброс», и условность перешла в реальность. Затем, выпив подряд пару порций виталина, он направился к стоянке, где изнывали измученные бездельем телохранители. Монитор инфосети ожил вместе с двигателем лимузина. Вскипел не прочтенными сообщениями. Но Иванир Адран чувствовал себя неспособным просматривать информацию. Изнурительные похождения в услов-

ности породили недомогание. Оно поднялось в полный рост.

Тревожное предупреждение поступило ночью, и клиника профессора Этингера приготовилась к экстренному приему хозяина. Построенная на деньги Иванира Адрана и непосредственно для него, она была оборудована по последнему слову техники. На потребу Иванира Адрана в клинике круглосуточно дежурил персонал — врачи и медсестры, виртуозы своего дела, и лаборанты, способные выполнить любой анализ.

К утру Иваниру Адрану стало худо, поэтому он поторопился в клинику. Профессор Этингер встретил его у входа. Умея ценить время хозяина, профессор первым делом загрузил лабораторию — требовался развернутый анализ крови. В ожидании результатов господин Адран ублажался тайским массажем. Затем отдыхал в кресле и смаковал чай из трав непальского высокогорья. Было что-то не так во всегдашней размеренности. Иванир Адран безропотно прошел эндоскопию, томографию, а затем смирился с повторным анализом крови. Его водили из процедурной в процедурную, пока, наконец, не появился профессор Этингер. На него было страшно смотреть. Он теребил полу халата и безвольно жевал губами. Иванир Адран почувствовал пустоту.

— Не может быть... Не верю себе... Никаких предпосылок, — дрожал голос профессора, — на фоне полного здоровья и... эта опухоль?

— Где? — спросил Иванир Адран не сразу и тихо. Этингер с состраданием посмотрел ему в глаза.

— Господин Адран, — сказал он тяжело, но очень отчетливо, — это голова, мозг. Случилось непред-

сказуемое, необъяснимое. Полгода назад мы провели всеобъемлющее исследование и не нашли у вас сколько-нибудь заметных отклонений. Правда, в сети я встречал описание случая у какого-то Мессера. Но не было причин соотносить его с вашим состоянием здоровья.

Он говорил что-то еще. Иванир Адран кивнул, отвернулся и прикрыл глаза. Мир рушился.

В течение следующей недели Иванир Адран побывал в лучших клиниках мира. Консилиумы и — неизменное подтверждение диагноза профессора Этингера. Злокачественная опухоль головного мозга. Последняя стадия. Необратимая. Два месяца жизни. Оперировать никто не брался. Вмешательство могло лишь ускорить распад. Метастазы паутиной опутали мозг. Требуемый объем хирургии уничтожил бы пациента, как личность. Аппараты жизнеобеспечения поддержали бы тело, но Иваниру Адрану претило состояние растения.

Вернувшись домой, он первым делом отправился в Плезир-клуб. Как ни прискорбно — на строительство собственного кибер-склепа. Заключив договор и передвигаясь по коридору к экспресс-полигону, на одной из дверей он обнаружил табличку с надписью: «Смерть — это только начало». Иванир замер, не в силах сделать ни шагу. Он смахнул со лба высеявшиеся капли пота и постучал. Никто не ответил. Подергал дверную ручку. Оказалось заперто. И, не осознавая до конца направленности дальнейших действий, Иванир Адран повернул обратно, к кабинету архитектора-навигатора Ритуального Пасада. Таренс Морган встретил его приветливо и на вопрос о комнате со странным обозначением «Смерть — это

только начало» рассказал о новом проекте «Логос», находившимся в завершающей стадии разработки. Проект предполагал новейший вид услуг, предоставляемых в Плезир-клубе наиболее состоятельным клиентам. Исключительность. Обожественность. Первостихия и соразмерность бытия. Сознание клиента отображалось на матрице замкнутым по объему алгоритмом и после его смерти переносилось в условный мир. Предполагалось формирование мыслящей сущности Абсолюта — Творца с совокупностью формообразующих возможностей, то есть Господа Бога. Сознание, запечатленное матрицей как Абсолют, переносилось на сконструированную в условности планету. Здесь начиналось всеобъемлющее. Абсолют, получив первозданную планету, приступал к сотворению собственного, неповторимого, существующего лишь по его законам мира. Иванир Адран оставался в кабинете, пока общими усилиями не был составлен договор. Теперь он, Иванир Адран, примет участие в проекте «Логос» в качестве испытателя, но одновременно первого Абсолюта условности. Каждая из сторон пригласила своих адвокатов, чтобы юридическая обоснованность документов не вызвала сомнений. Все бумаги были оформлены, банк Иванира Адрана перечислил в банк «Центурион» колоссальную сумму — восемь миллиардов реалов. И, наконец, когда Морган и Адран остались одни, фармо-король предложил архитектору-навигатору составить последнее соглашение. Иванир Адран подкрепил мысль количеством нулей на чеке. Испытатель Адран, находясь в ясном сознании, желал обрести новую ипостась, а затем, удостоверившись в ее действительности, потребовать эвтаназию. На ускорение исследований архитектору-навигатору выделялся еще один миллиард реалов.

День трансляции сознания Иванира Адрана совпал со временем угасания Клариссы Ван Дениц. Она ушла тихо, совсем не так, как жила. А в мир условности пришел Абсолют. Он не спеша облетел планету, проверил связь с операторами реальности и его интеллектуальная сущность, все еще называемая Иваниром Адраном, потребовала эвтаназию.

— Не слишком ли резво, господин Адран, — раздался в голове Абсолюта голос Таренса Моргана, отслеживающего в присутствии адвокатов соблюдение договора.

— В самый раз, — произнес Иванир с умиротворенной улыбкой, — это только начало.

— Напоминаю, вы сохраняете все юридические полномочия и вправе распоряжаться своим имуществом, как посчитаете нужным. Но здесь у вас семья, а завещание не составлено, — передал Таренс Морган реплику адвокатов.

— У меня впереди вечность, — был ответ Абсолюта.

Адвокаты разрешили эвтаназию, и условность стала миром Иванира Адрана.

Прошло несколько месяцев. Иванир-Абсолют наслаждался новыми возможностями. Он умел летать, передвигать материки и осушать океаны. Возникла мысль о творении, но, как ни странно, принципиального знания об этом у него не было. Он чувствовал себя ущемленным. Пришлось связаться с дежурным оператором.

— В моем мире я до сих пор не встречал людей.

— Ты — Абсолют и волен создавать их по собственному образу и подобию, или, если хочешь, иначе.

— Но как? Из чего?

— Как обычно, из глины, будто не знаешь!

Иванир-Абсолют ответил вопросом:

- Где же найти глину?
- Глину... В твоём мире её нет. Товар завозной, закажи пару контейнеров и твори на здоровье.
- Подходит, — обрадовался Абсолют, — присылай.
- Но сколько же?
- А сколько идет на человека?
- Килограмм семьдесят.
- Тонн сто для начала. Потом размножатся.
- Ты в своем уме? Это не просто глина, а само-возрождающаяся органика. Ее килограмм тянет не меньше ста миллионов реалов.

Абсолют спохватился. Все, что у него оставалось — жалких семь миллиардов реалов. Ровно на одного человека. Дилемма казалась неразрешимой.

Вдова короля фармо-империи Иванира Адрана не поверила своим глазам, обнаружив исчезновение из банка покойного супруга суммы в семь миллиардов реалов. Как снег на голову упали неоплаченные счета, и, чтобы поправить положение, пришлось поступиться недвижимостью. С молотка ушли даже фамильные замки и поместья, доставшиеся вдове, как единственной наследнице старинного рода — Лордов Исконного Прибережья. Демарш ее адвокатов за разъяснениями в центральный офис Плезир-клуба принес плачевное известие — деньги были употреблены в соответствии с волей их владельца. Единственным утешением, но одновременно источником существования вдовы стала аренда некрополей матери и мужа в качестве посещаемых рекламных объектов, устроенная Таренсом Морганом в память об Иванире Адране.

Концерн «VIRT-VIA-Z» непотопляемо процветал. Средства, вращающиеся на счетах Плезир-клуба в банке «Центурион», повергали в банкротство конкурентов. Дежурные операторы реальности развлекались, наблюдая за эволюциями в программе «Логос» какого-то расторопного бога, обладающего необузданной силой самоуничтожения и возрождения. Творец в этой стратегии занимался тем, чем ему было положено заниматься — творил человека. Возможностей хватало лишь на одного. Из его тела лепил второго. Затем они размножились. Но всякий раз программа давала сбой. И Творец разрушал то, что создал. Разрушал и начинал все сначала.

По пустынной планете бродила одинокая фигура мужчины, напоминающего обескураженную обезьяну. Со стороны его поведение могло показаться бессмысленным. Он прятался от палящего солнца за естественные возвышения местности, или поспешно возвращался обратно. Никто не мог представить себе, до какой степени раздражало его единственное обстоятельство — наиболее удручающим ему казалось отсутствие тени. Его тело не отбрасывало тени, где бы и в какое время ни находилось, согретое солнечными лучами! «Господи, — обжигала мысль, — куда она подевалась?» И ему, естественно существующему в таком состоянии, попросту не приходило в голову, что он, Высший Разум существующего мира, его непогрешимый Абсолют — всего лишь субстанция, интеллектуальный отпечаток жившего некогда на земле Иванира Адрана.

Его смятенная, его неприкаянная тень. ☒

Юрий Иванов

Резонанс

Годь брали свое, заменяя отнятое жизненным опытом. Он-то сегодня и показал Ляле Сергеевой, что жизнь ее — не удалась. Не сложилась, и, стало быть, ломаного гроша не стоила. А с никчемными вещами, как известно, нужно решительно расставаться.

Уйти Ляля решила по-английски, потому что во всем летнем лагере не нашлось никого, не то что способного понять ее горе, а хотя бы готового выслушать. А потом, это ведь так стыдно — признаться, что Лялина девичья коса ниже пояса не для прикола, а всерьез!

Дело, конечно, не в косе, а в полном безразличии к Ляле всего окружающего мира.

Родители не слишком баловали Лялю вниманием, по полгода не возвращаясь из командировок. Да и сами встречались не чаще раза в год, отчего их повзрослевшая дочь заподозрила, что факт ее зачатия иначе как случайностью не назовешь. Или же оно произошло в результате непостижимой уму индукции, наведенной папой с орбиты Нептуна на орбиту Плутона, где в то время работала мама.

Сад, школа, колледж — на всем жизненном пути у Ляли не случалось подруг, ее сторонились и побаивались за решимость вступить за слабого. Даже за таракана, нечаянно упавшего в компот.

И что самое обидное, эта замкнутая девочка абсолютно не интересовала мальчиков. Такое случается крайне редко, но ведь и сама Ляля была созданием неординарным. Ну и верно, кто же в век бурного освоения Солнечной системы увлекается козявками и травинками! А Ляля была готова

Юрий Иванов

Родился в Москве в 1955 году. В 1977 г. окончил Московский Энергетический Институт, где был известен как автор нескольких мюзиклов и фантастических рассказов для институтской печати. По образованию физик твердого тела, по специальности работник «мягких» СМИ (телевещание). Первая гонорарная публикация автора состоялась в газете «Советский воин» в 1981 г. После 25-летнего перерыва автор вернулся к литературной деятельности, публиковался в сборниках «Отражение», «Мир городов» и других. Финалист нескольких сетевых конкурсов фантастического рассказа.

часами, ползая на пузе по окрестной флоре, исследовать небогатую и до оскомины привычную фауну, спасти тонущих кузнечиков и возвращать на торные тропы заблудившихся муравьев, за что получила колкое прозвище Ляля Гринпис. Что и говорить, не самое завораживающее мальчиков увлечение...

В соответствии с законами Мерфи, пренебрежительно малые и от этого жутко одинокие вероятности — тянутся друг к другу. Вот и получилось, что редкого ума девчонка выросла на редкость непривлекательной. Не внешне, а как-то так, в целом.

Здесь, в лагере, она решила во что бы то ни стало доказать себе, что ничуть не хуже других, и шла к цели долгий месяц, расчетливо и основательно. Совсем не так, как ее сверстницы, судя по их рассказам — весьма преуспевшие в любовных похождениях.

Ляля уж и ножницы проверила, остры ли, и будущую стрижку в журнале присмотрела. Душ, чистое белье, немного косметики. Да видно не судьба.

Престарелый воспитатель Витя, конечно, не был самым красивым мужчиной на Земле. Однако к этому умному и сильному человеку Ляля испытывала если не страсть, то хотя бы влечение смутного свойства. Со знанием дела, почерпнутым из сетевой периодики, она в качестве своего первого мужчины утвердила именно его. Ведь Витя опытней на целых двадцать лет, а, значит, полноценные ощущения Ляле гарантированы!

Боже, как четырнадцатилетняя девочка дрожала, не решаясь произнести эти простые, но, безусловно, волшебные слова, которые открывают дорогу во взрослость! Наконец собравшись с духом, она высказала воспитателю все сокровенное... В ответ Витя присвистнул, покрутил пальцем у виска и, как стемнело, отправился к воспитательнице Вере, такой же немолодой, как сам.

Ляля прокралась под окно Вериной комнатки. Но не для того, чтобы услышать, как скрипуче резонирует кровать, и представлять себя на месте счастливицы. Обязательно следовало по разговору воспитателей понять, чем же юная девочка не устраивает опытного мужчину?!

«Эта Гринпис думает, что привлекательная... — говорил возмущенно воспитатель, — позволяет себе предлагать!..» «Не переживай, милый... практически сирота, пубертатный период... — отвечала

Вера, — в соответствии с возрастом...» «И как не понимает, что шансов у нее никаких!..» — не унимался Витя.

Будто не до конца препарированная лягушка, Ляля нервическими скачками помчалась в самый дальний угол лагерной территории, огороженной голографическим забором а ля сетка-рабица, и упала ничком на берегу заповедного пруда. Все кончено, она совершенно никому не нужна, и жизнь потеряла смысл! Но прежде чем утопиться, девочка решила как следует выплакаться. Не отправляться же на тот свет с обидой на этот! Так и загробная жизнь не сложится, чего доброго...

В мутной водной глади отражались аристократически надменные вечные звезды и редкие всполохи от разгонных двигателей челноков-однодневок, стартующих с космодрома Ступино. «Никогда, — пришло к ней страшное понимание, — никогда эти космонавты не долетят до звезд, и я тоже никогда не дождусь своего суженного. Потому что на это не хватит человеческой жизни».

Страшно, убивающее наповал «никогда»!

Расхожая мысль о том, что праправнуки ныне живущих станут счастливыми открывателями неизведанного, показалась Ляле глупой и неутешительной. Ей теперь не о потомстве мечтать осталось, а напоследок поревветь на всю вселенную, излить в пустоту ночного неба свою боль и отчаяние никому не нужного человеческого существа! Чем Ляля и занялась, ибо делать иное было незачем и не для кого.

Где-то к исходу второго часа стенаний сквозь стиснутые зубы, когда прибрежный песок уже про-

мок настолько, что перестал впитывать девичьи слезы, послышался всплеск. Не то щука спросонья наткнулась на задремавшего карася, не то бобер шлепком хвоста по воде возвестил начало новых суток. А еще через полминуты вода прожурчала совсем рядом, перед носом плачущей Ляли, и высокий женский голос нарушил девственную тишину ночи:

— А соли-то, соли! Так и рыбу потравить недолго!

От испуга слезы вмиг пересохли, и девичьи глаза заметались в поисках ночной пловчихи, поскольку голос шел прямо от кромки берега в метре перед Лялей. Однако ничего похожего на человеческую голову она не нашла. Зато из воды выглядывало нечто оранжевое, слегка светящееся в темноте. Присмотревшись, девочка увидела, что оранжевое уходит и под воду, образуя контуры тела гигантской, размером с добрый арбуз лягушки, сидящей на дне и высунувшей лупоглазую голову над поверхностью.

— В-вы... кто? — выдавила из себя Ляля вместо приветствия. Впрочем, неожиданная собеседница тоже не поздоровалась, так что поведение девочки вряд ли выглядело неучтивым.

— Ну-у... — нерешительно протянула лягушка, подергивая зобом, — люди бы сказали, что я «царевна-путешественница». Хотя у тебя в голове все так перемешано, что за точность перевода я не ручаюсь.

Ляля училась в колледже на отлично, глотала книгу за книгой и все прочитанное запоминала. На упорядочение знаний времени действительно не хватало, но «царевна-путешественница» — это было слишком. Вероятно, лягушка, чудесным образом проникшая в сознание Ляли, не разобралась, как упакована информация в человеческой голове.

— Да нет, структура хранения данных у вас понятная, — явно прочитав Лялины мысли, продолжила оранжевая амфибия. — Я на самом деле царевна, в вашем понимании, и должна по логике вещей родить богатыря. Хотя бы одного из всего помета. Но не получается, хоть тресни!

Лягушка эмоционально хлопнула ладошками передних лапок по воде.

— Наш род очень древний, — продолжила она, — и не случалось ни в одном поколении, чтобы не нашелся царевич, который поцелует наследницу престола. От поцелуя мы мучительно морфлируем, набираем вес и встаем на ноги. В смысле, на задние лапы. И становимся очень похожими на вас. Это очень больно, но таков генотип царского рода. И вот, наш народ ждет, ждет, а моего царевича все нет... Ты не представляешь, какое это горе для меня!

— Почему же, представляю, — хотя Лялино горе было несравненно больше лягушкиного, но умом девочка сознавала, что значит не оправдать ожидания всего народа! И еще она содрогнулась при мысли, что если бы ей пришлось морфировать в муках после поцелуя, смогла бы она выдержать? Скажем, превращаясь в лягушку, потому что ее принц — земноводный? Она так явственно представила себе эту ситуацию, что у нее от волнения закружилась голова. «А ведь смогу!» — решила она.

— А почему вы — путешественница? — спросила она, спустя несколько секунд.

— Из-за тебя, почему же еще?! — фыркнула оранжевая. — Или ты думаешь, что я по своей воле перенеслась сюда через миллион парсеков? Ты так вопила о своей беде, что только глухой на сердце тебя не услышит.

— Миллион парсеков?! — ужаснулась Ляля. — Наверное, я во всей галактике оставила впечатление, что на Земле живут одни истерички?

— Нет, конечно, — хрюкнула лягушка и часто задергала зобом, очевидно — засмеялась. — Во всех галактиках нашей вселенной понимают чувства и умеют их ценить.

— Но перенеслись сюда только вы одна... — засомневалась Ляля.

— Резонанс, милая, резонанс, — лягушка тяжело вздохнула, — только те, кто испытывает одинаковые чувства, могут слышать друг друга на любом расстоянии. А если энергетика эмоции достигает критического значения, то возможен мгновенный перенос энергии сквозь сетку эфира. Вы же проходили в колледже опыты Николы Теслы?

— Да, да! — физика увлекала Лялю не так сильно, как естественные науки, но открытия, сделанные в иных мирах, не могли оставить ее равнодушной. Девочка порывисто села на пятки и приготовилась к научному диспуту. — Но это всего лишь энергия, а материальное тело переместить — это вам не мегаватт передать!

— Никакой разницы. Вещество есть энергия, компактифицированная по некоторому правилу, а вот правило... — ночная гостья вытащила лапку из воды и почесала голову. — Честно говоря, нам, царевнам, читают в основном гуманитарные предметы...

— Вот это да! — Ляля восхищенно сверкнула в темноте глазами, — а мы-то тут, на Земле все пытаемся разогнать космолеты быстрее света, чтоб до звезд долететь еще при жизни. Мы, наверное, отсталая ветвь, да? Мы никогда не увидим иные миры?

Лягушка склонила голову набок, будто внимательней присматривалась к человеку, сморозив-

шему несусветную глупость, затем втянула голову под воду и выпустила струйку пузырей. Девочка не догадалась, что бы означало такое поведение, но на всякий случай покраснела от стыда.

— Диковаты люди, конечно, — лягушка вынырнула из воды, — считают себя венцом природы, истребляют другие виды, да и себе подобных не жалуют. Мало, что свою планету замордовали, так еще и в космос вышли... — инопланетная гостья покачала головой. — Хотя, отсталых ветвей не существует, я только что спросила придворного мудреца, а он никогда не врет. Бывает, что раса не скоро доходит до умения проникать через эфир, как у вас, например. Но и тогда появляются отдельные индивидуумы, способные на управление материей и временем. Пророки, так вы их называете?

— В смысле, раздвигать воды морские или наоборот, уплотнять жидкость до возможности по ней ходить.

— Ну, это еще не эфир, — задумалась лягушка и, помолчав, продолжила, — но уже близко к тому. В любом случае, используется явление резонанса... Ой! — вдруг вскрикнула она, — мне пора. Отец сказал, что еще один царевич на охоту в наше болото отправился. Нельзя упускать такой шанс!

Лягушка засуетилась, засучила лапками, будто готовясь к прыжку, но вдруг замерла, посмотрела на Лялю внимательно и назидательно произнесла:

— Я собственно для чего к тебе перенеслась... ты, девочка, вот что... ты не реви больше, ладно? Или хотя бы не так сильно. Понимаешь ли, нелюбовь, это замечательная штука. Она спасает от глупостей. Можно сказать, тебе сегодня повезло. Четырнадцать лет, середина цикла... Так что спасибо скажи, что Витя не сволочью оказался. А твой суженый найдется, не сомневайся!

— А как я его узнаю?! — Ляля вдруг с ужасом поняла, что самое-то главное спросить забыла! Она попыталась схватить премудрую лягушку, чтобы не упустить такой невероятный шанс. Единственный шанс. Но поймала она... пустоту.

В следующий миг веер брызг хлестнул ее по лицу, бросил наземь, вжал лицом в прибрежный песок.

— По резонансу-у-у... — прозвучал с вышины небес ответ высоким женским голосом. Или только показалось, что прозвучал...

Сзади послышался треск ломаемых веток, заметался луч фонарика. С откоса, поскользываясь на росистой траве, сбежали двое.

— Вот она! — послышался голос воспитательницы Веры и прерывистое дыхание запыхавшихся в беге людей.

— Сергеева, ты тут чего делаешь?! — взволнованный голос Вити заставил Лялю поднять голову и взглянуть на воспитателей. Девочка вдруг почувствовала благодарность к этим равнодушным престарелым людям и глупо хихикнула, заметив, что они оба почти не одеты.

— Резонирую, — буркнула она, отворачиваясь лицом в песок. — В соответствии с возрастом.

Дорога до спального корпуса Ляле совершенно не запомнилась. Вера, обняв девочку за плечи, рассказывала что-то смешное про мужчин — какими капризными они бывают, даже яичница им не каждое утро нравится. Витя молча плелся поодаль, подсвечивая тропинку фонариком, и, будто речь шла конкретно о нем, негромко фыркал, когда воспитательница хихикала над своими шутками. А Ляля

думала, какие все-таки эти взрослые странные: вроде любят друг друга, а богатыря не рожают.

У входа в корпус Вера мягко подтолкнула Лялю к двери девичьей спальни, и взрослые, кивнув друг другу на прощанье, отправились по своим каморкам. Тут приоткрылось окно на мальчишковой половине, и в тусклом свете уличного фонаря показался лупоглазый паренек, чем-то похожий на забавного лягушонка.

— Это я Вите наябедничал, что ты сбежала! — с вызовом прошептал он. — Ты будешь на меня злиться?

— Обязательно, — ответила Ляля устало, — до самой старости не прощу! — и, пряча улыбку, поспешно проскользнула в дверь.

Не спалось девочке. Ночное приключение не выходило из головы. И еще тревожило странное ощущение чужой обиды, будто кто-то невидимый ворочался поблизости и сопел.

«Неужели я чем-то огорчила лягушку?! — испугалась Ляля, — вроде бы, нет... Воспитатели? Вряд ли. Тем более, им опять не до меня, — почему-то отчетливо поняла девочка. — Этот мальчишка, он же волновался, наверное! Как его?..» «Меня Игорем зовут, — прошептал в Лялином сознании мальчишеский голос, — а ты — дура! Спокойной ночи...» «Спокойной», — ответила она, почти не удивившись.

Уже светало, а сон никак не приходил. Потому что в занятой мыслями голове ему не находилось уголка, а Ляля все думала, думала. О том, что люди совсем не жалеют друг друга, и когда резонанс откроет дорогу к звездам, над ними вся галактика смеяться станет.

И еще про царевну-путешественницу — как она там, на своем болоте?..

Владимир Молотов

То, что вокруг

Около шести шеф поздравлял меня с удачной сделкой — я выходил на минуту в реал. Выходил ли шеф, не знаю. На его круглой физиономии с ямочкой подбородка красовалась стандартная улыбочка.

Домой, ясно, поехал на автопилоте. Почувствовал, что вязну в пробке, но прыгнуть в реал поленился. Откопал в сети концерт вековой давности в современной обработке. Рок-группа Куин на стадионе Уэмбли. К их музыке меня папаша приучил. Активировал эффект максимального присутствия. Торчал в первых рядах, до боли хлопал в ладоши, надрывался в визге от восторга, потом полицейские окатили водой меня и соседей. Уже под барабанную дробь «We will rock you» вошел в дом.

На секунду залез в реал. Ленка ела йогурт на диване. У нее были отсутствующие глаза. А вообще они карие? Да, точно, карие. Цвета ночной заставки операционной системы оболочки. Крупные кляксы йогурта украшали диван. Лучше бы я не лазил в реал. Вернулся в оболочку. Ленка обрадовалась.

— Гарик, ты с работы? Привет, любимый! Давай быстрее, марсоход опустился в первый каньон Маринера. Я уже там.

Я послушался и запросил из сети марсианские хроники. Меня бросило на Красную планету. Ленка стояла рядом. Мы взялись за руки и побрели по дну каньона, включив эффект максимального присутствия. Базовая картинка с взб-камеры «Сталкера» через орбитальную станцию передавалась в сеть.

Только мы сделали несколько шагов, врезался запрос связи. Я вроде бы поморщился. Папаша хотел со мной поговорить. Но я не стал предоставлять это удовольствие оболочке. Вышел на линию сам.

Владимир Молотилов

(Псевдоним Владимир Молотов).

Родился в 1973 г. в г. Тюмени. Учился в Красноярском Институте Космической техники, закончил Тюменский Нефтегазовый Университет. Служил в армии в Северноморском гарнизоне. Работал инженером на заводе, менеджером по рекламе, киномехаником, журналистом. Попытки что-то написать делал с детства, но серьезно увлекся литературой с 2006 г. Публиковался в журналах «Порог», «Техника Молодежи», «Очевидное и невероятное».

— Здравствуй, сынок! Как вы там поживаете?

— Да, все нормально.

— А как здоровье у бабушки?

— Да, все хорошо.

— В смысле? Есть ли прогресс какой-нибудь? Может, она начала говорить?

— Слушай, па, я только с работы, сейчас осмотрюсь и перезвоню.

— Ладно.

Я дал задачу зайти в комнату бабушки и вернулся на Марс.

— Ну где ты пропал? — недовольно спросила Ленка и сильнее жала мне руку. — Смотри, какое чудо!

Мы увидели маленький холмик, напоминающий пирамиду из песка. Порывы ветра обдували его так, что казалось, будто невидимый великан гладит фигуру ладонью.

— Боже, какая прелесть! — добавила жена.

Оболочка запросила личное присутствие. Я нехотя взглянул в реал. Обнаружил себя стоящим около кровати бабушки. В углу, на стуле, недвижимо сидела автоматическая нянька. Бабушка лежала солдатиком, вытянув руки по швам. Вся она как будто стала короче, и закрытые глаза как будто стали глубже посажены. А кожа приобрела странный тускло-древесный оттенок. Я потрогал пальцем ее шею и отдернулся. Меня словно обрызгали кипятком. Я бросился прочь, в оболочку, на Марс.

Ленка дернула за руку.

— Гарик, хватит отвлекаться! Смотри, какие облака! — Она задрала голову вверх.

— Послушай, там бабушка такая холодная. Мне кажется, она умерла.

— Что? — Ленка на секунду оторопела. — Как же так? Вот блин. А почему робот-нянька затихла?

— Наверно, сломалась, — предположил я.

— Боже мой, ну и дела! Придется пока выйти, — решила Ленка.

Мы выбрались в реал сообщая, и я снова сел на диван, рядом с Ленкой и пятнами йогурта.

— Что будем делать? — спросил я подрагивая.

— Ну, подожди. Ну, ничего. Ведь есть же функция похорон близкого. Да-да, точно помню! В оболочке провайдера «Землянет» есть такая. Давай включим. А сами посмотрим какой-нибудь грустный фильм. Чтобы отвлечься.

Ленкина идея меня не вдохновила. В голове перемешались разные мысли.

— Да, ты займись, а я попозже... Присоединюсь, — пробормотал я.

Жена покачала головой и ушла в себя. Похоже, сразу же подключила функцию.

Потом я сидел в какой-то прострации и машинально наблюдал, как Лена, очевидно, про себя

просматривая что-нибудь печальное, разговаривает с похоронной конторой. Затем связывается с моим отцом (сам я не решился), дальше она встает и встречает агента в черном костюме и двух роботов-носильщиков.

Когда бабушку потащили из комнаты, я отвернулся к окну. Смотреть было выше моих сил. Но и уйти из реала я не мог. Меня одолели воспоминания.

В прошлом мы все жили в нашем городе, в этом доме: бабуля, отец, мать и я. Потом мама бросила нас, а, едва я окончил школу, папаша уехал за границу. Повзрослев, я женился на Ленке. (Познакомились мы, естественно, в сети.)

Я глянул на подсохшие бежевые пятна, поднялся и взял салфетку. В комнате ощущалась трагичность. Бабушку уже вынесли. Агент заполнял электронные доки. Ленка что-то диктовала ему, точнее, ее губы шевелились, она издавала голос, а сама предательски отсутствовала. Я вернулся на диван и принялся вытирать кляксы.

Н-да, так вот. Поженились, и только начали жить, как бабушку хватил паралич. Напрасно она отказалась от курса омоложения. «Всею свой срок. Сколько бог положил, столько и проживешь». Ей к тому времени семьдесят стукнуло. Я купил в кредит робота-няньку, и та ухаживала за бабулей. А теперь вот чертова нянька сидит манекеном за дверью — и гарантия, как назло, кончилась.

Незаметно всплыло детство. Помню, хорошо помню, как я дружил с каким-то мальчиком, и он пришел ко мне в гости. За окнами началась гроза, и, подстрекаемые природной стихией, мы начали носиться по комнатам и кричать. Я с новой силой ясно почувствовал тот летний вечер. Но вот нас остановила бабушка и пригрозила веником. А лицо у нее было такое строгое до забавности, чем-то напоминающее

недовольного филина. Бабушка посадила нас за стол и заставила зубрить электронную азбуку.

Я отвлекся и покосился на жену. Агент показывал ей альбом с видами гробов. Ленка ткнула пальчиком в ореховый экспонат с арочной крышкой.

Я опустил глаза. Вернулся к своим мыслям. Со школьной скамьи воспоминания постепенно стираются. В первом классе папаша ведет меня к оператору вшить оболочку. У всех моих сверстников она уже есть. И с возрастом я все реже выхожу в реал. Впрочем, хорошо помню еще осуждающие глаза бабушки, темные, как вишенки, которые меня, шестилетнего, она учила собирать в саду за домом. Этот неприятный взгляд врезался мне в душу, но я не понимал, почему бабуля так ругает оболочку и спорит с отцом. Папаша расписывал ей преимущества нового средства общения, это у меня тоже хорошо отпечаталось. Главное, чтоб оператор устанавливал ограничение на сеть для детей, твердил он. Остальное только на пользу. Бабуля же рьяно возражала против вшивания. Сама она пользовалась лишь древним айфончиком, этакой забавной штучкой со значками на экранчике. Но там были лишь разговоры с удаленными людьми да плоские ролики без эффекта присутствия, ну, и еще какая-то ерунда. В общем, скукота. То ли дело оболочка! Она давала все, это я сразу смекнул. Помогала отвечать на уроках — мгновенно отыскивала подсказки в сети, поддерживала общение со сверстниками, переговаривалась с родителями, а связь с удаленными людьми составляла в ней мизер.

Оболочка управляет твоими губами, твоими руками и ногами, если мысленно отдашь ей соответствующую команду. Она владеет мускулами твоих скул и набором стандартных улыбок. Действуя на волокна нервов, она управляет твоими конечностями, чтобы те двигались в нужном направлении. Мощная операционная система оболочки косвенно умеет все — управлять за тебя

мобилем, заключать сделки, воспитывать ребенка, переговариваться с вызывающими на связь родственниками. Ведь у нее на любые случаи жизни есть стандартный набор фраз, ответов и действий, ибо сама жизнь в городе банальна и очевидна. А ты в это время развлекаешься в свое удовольствие в сети, ну, или просвещаешься, почитывая электронные книжки. В крайнем случае, оболочка запрашивает личное присутствие, если ситуация неординарная, что случается довольно редко.

Распрощавшись с агентом, Ленка вошла в реал, глаза ее ожили. Она села рядом и погладила мою смолистую шевелюру.

— Милый, ты так бледен! Он сказал, что все устроит. Полный комплекс услуг. Может, ты уже вернешься ко мне? Посмотрим фильм «Смерти нет».

— Извини, я пойду пройдуся.

Жена пожалала плечами и замкнулась. Ее губы начали разговаривать с далекими родственниками и приглашать их на кремацию. Стало быть, оболочка Ленки достала из архива родословную. Я вышел из дома.

Впервые за долгие годы я прошелся по улице, ни разу не заглянув в виртуал и не отдавшись оболочке. Между прочим, стояла осень, закатное солнышко принялось меня утешать. Я завернул в скверик, посмотрел на деревья. Поигрывал легкий ветерок, и пожелтевшие листья так чудно подрагивали на ветках, а ветки шелестели и качались. Мне показалось, что я услышал их шепот, сообщавший, будто ничто не вечно, кроме этой тихой музыки. Трепещущие листики, как змейки «золотинок» у той цыганки на рукавах, вдруг торкнуло меня. Да-да, я четко вспомнил: мы шли с бабулей по городу, и к нам пристала цыганка, и у нее на цветастых рукавах было столько «золотинок»!

По дорожкам бегали дети и громко смеялись или кричали. Им еще не купили оболочку. Они так радо-

вались друг другу и всему вокруг, что мне стало легче на душе. Тревога и тошнота понемногу отступали. Надо же, подумал я, ведь это первый родной человек, который умер на моих глазах. Да что там на моих глазах! Я пропустил бабушкину смерть! Идиот! А ведь ее, наверняка, можно было спасти! И не исключено, что со временем она бы оправилась от паралича. Если бы не наша безалаберность... Вот так крутимся мы в своей оболочке, ничего не замечаем, не думаем о близких. Надо что-то менять в жизни. Причем, срочно и капитально.

Когда солнце зашло, я вернулся домой. Ленка уже спала. Я зашел в комнату бабули, постоял немного, вдохнул затхлый воздух. Открыл окно. Бабушка любила мыть окна. Зачем ты это делаешь, спрашивал я ее? «Чтобы мир казался светлее». И ее нестарое еще лицо так душевно улыбалось, и так мило вырисовывались уголки рта. Я взял легкого робота-няньку в охалку, нагнулся и засунул под кровать. Ну вот, пора и мне в постель.

Всю ночь промаялся бессонницей. Из головы не выходил труп бабушки, вытянувшийся по швам на серой простыни, ее впалое морщинистое лицо, точно кочка болотная в игре «Войны Семиморья».

Утром я не пошел на работу. Самостоятельно связался с шефом, не включая основные функции, и сказал, что хочу взять маленький отпуск. Он сухо ответил:

— Не возражаю.

Вряд ли то был он сам.

Понутру единый порыв охватил меня. Тревога, томившая вчера, почти отсутствовала, а желание изменить свою жизнь только усилилось. Мне хотелось сделать что-то новое и важное в память о бабушке. Решив начать с больших перемен, я отправился в офис оператора подшивания. (Когда я уходил, Ленка с отсутствующей миной варила кашу и бездушным голосом обсуждала с агентом меню поминок.)

— Здравствуйте, Игорь Вениаминович! — поприветствовала девушка за стойкой с погашенными лампочками зеленоватых глаз.

— Доброе утро.

Я немного удивился: ее оболочка распознала меня?

— Вы пришли отказаться от провайдера «Землянет», — с уверенностью затараторила девица. — Что же вас не устроило? Ах да, поняла. Увеличение абонентской платы: оболочка сообщила вам, что она стала переводить больше денег. Плюс несовершенство эффекта присутствия. В таком случае, мы можем предложить вам провайдера «Уютная жизнь». В эффекте присутствия дополнительные пятьдесят запахов, абонентская плата не переменная, а в зависимости от месячной суммы потраченных мегабайтов. Плюс самый совершенный фильтр спама.

— Даже не знаю. — Я все-таки колебался, виски мои горели от волнения. Я еще не ведал толком, чего я хочу. То ли отказаться совсем от основной прошивки и оставить себе только удаленную связь. То ли перепрограммировать оболочку на более чуткий запрос личного присутствия.

— А давайте попробуем убрать основную прошивку. Оставим лишь удаленную связь.

Девушка выпучила глаза. Очевидно, ее оболочка затребовала непосредственное участие.

— Хм, вот как? Вы хорошо подумали?

— Пожалуй. Давайте попробуем.

Я всегда смогу вернуть ее обратно, успокоил я себя. А так пока не будет соблазнов.

Странное дело, когда надо мной произвели маленькую операцию, я ощутил себя облегченным. Как будто у меня вытащили половину кишок. Мне чудилось, ровно я сплю и вижу странный сон. Без оболочки все казалось непривычным и светлым.

Дома уже собралась родня. Кремацию назначили назавтра. Все лица оказались мне незнакомы — старики и старушки, если не считать отца. Но у меня сразу появилось много коллег. Выяснилось, что кроме папаши (он еще с порохом) пожившие гости не пользуются оболочками. Нет, вру, был один молодящийся дедок с точно подернутыми пеленой глазками. Но его прошивка, скорее всего, относилась к одной из первых версий. На все вопросы она отвечала только «да» или «нет», а в разговорах вставляла одни и те же реплики: «Ну конечно!», «Бывает же!», «Кто его знает?» Это вызывало у меня улыбку. Некоторые иногда доставали айфоны и по старинке набирали номер, чтобы переговорить с кем-то иногородним. Но зато болтать с ними вживую оказалось настоящим удовольствием. Сколько интересных историй они мне изложили из своей бурной жизни, не отягощенной виртуальными развлечениями! В то время Ленка бросала обтекаемые фразы и поглядывала на всех непроницаемыми глазами или перекладывала какие-нибудь предметы. И при взгляде на нее у меня начиналось нытье в груди. Между нами словно появилась яма.

Ближе к вечеру папаша отвел меня в сторону. Он был лыс и курнос, с пигментными пятнами на руках.

— Это ужасно, Гарик! Как вы могли не заметить смерть мамы?

Я смело посмотрел ему в глаза. Несомненно, он находился в реале. Значит, вопрос шел от души.

— Прости, па. Я сам не знаю. И мне очень стыдно и больно.

Он вздохнул, похлопал меня по плечу, уставившись куда-то в угол.

— Хорошо, что ты осознал. Всею свой срок, говорила мать. То есть бабушка.

Я закивал.

На следующий день состоялась кремация. А после нее мы собрались в кафе на поминки. Все сидели за столом, пили вино и ели по-домашнему стотовленную пищу. Вспоминали бабушку. Поразительно, я узнал о ней столько необычайного! Например, в молодости моя прауродительница играла в теннис и даже достигла уровня кандидата в мастера. Потом она выскочила замуж за успешного спортсмена. Помоталась с ним по соревнованиям, поглядела на разные страны. Но брак длился недолго. Через год после тихой, кстати, свадьбы они разбежались. Впоследствии бабушка почему-то постаралась вычеркнуть этот «эпизод» из своей жизни. Может, из-за деда, который умер еще до моего рождения?

К вечеру гости разъехались. Оставив жену дома, я пошел бродить по городу. Меня ждали новые открытия, подобно путешественнику, вернувшемуся домой.

Шло время, и жизнь без оболочки с каждым днем мне нравилась все больше. Но внутри сидел этакий червь, то и дело напоминая о себе — я все сильнее отдалялся от Ленки. В те минуты, когда она заявлялась в реал и звала меня куда-нибудь, я отнекивался. Мол, мне и так хорошо. Ленка хмыкала, пожимала плечами и погружалась в себя. А я уходил из дома, чтобы поколесить по городу на мобиле.

Ходить на работу мне теперь доставляло удовольствие. Созерцать, как люди прячутся в оболочки, как механично твердят их рты глупые по сути фразы — если разобраться... Все это так волнительно и забавно! Правда, моя статистика продаж несколько упала, но шеф как будто не обратил внимания на данный факт.

Был один единственный раз, когда я пожалел, что у меня нет оболочки. Это день и час, в который пришлось объясниться с Ленкой, не прикрываясь ширмой. Черт возьми, как это больно и гадко! Сказать человеку: прости, я уйду навсегда.

Но то совсем другая история. **У**

Алексей Зырянов

Взаймы у Бога

Февраль. Пятничное утро. Солнце впервые за всю зиму расталкивало облака влиянием своих теплых лучей, заставляя клубы кучевых скоплений терять очертание непроглядной пелены. Происходило это медленно и планомерно, словно молочную пенку небес сдвигали сверкающей ложкой в широком стакане, проторяя себе путь к холодному доньшку Земли.

Снег укладывался в рыхлый настил по пути Андрея Даниловича. Если остановиться и закрыть глаза, не обращая внимания на продирающийся за воротник холодный воздух, можно почувствовать навеванную в мыслях атмосферу скорой весны. Грезилось, что природа вот-вот встрепенется, опрокидывая морозное бремя уходящего сезона.

Но мужчина пятидесяти двух лет и не думал останавливаться. Раздумья о природе определены в одну линию с теми сиюминутными радостями и соблазнами, что уже успели потерять первоначальный интерес к ним в течение накопленных лет. Отыскивать минуты внимания для природы мнилось нашему путнику расточением неумемного времени и лишением практического смысла занятия. Казалось бы, Аношину Андрею Даниловичу с детских воспоминаний еще понятны и знакомы все прикрасы и достоинства общения с природой, но...

Слышался мерный скрип приминаемого снега. Взгляд путника не поднимался выше точки между своих ног, но это не мешало замечать контуры обуви спешащих по своим делам граждан, чтобы обходить их. Да этого и не нужно было, так как все расходились при виде сутулого мужчины.

Полновесные осадки начались только с приходом января, а уже хотелось быстрой распрощаться

Алексей Зырянов

Родился 22 ноября 1985 в Тюмени, где проживает и по сей день.

Окончил Тюменский торгово-экономический техникум. Работает в коммерческой структуре. Имеет пять публикаций в газете «Литературная Россия» и четыре публикации в интернет-журнале молодых писателей России «МолОко».

с невнятной зимой. И надеть шерстяной шарф было правильным решением. Так думалось Андрею Даниловичу по выходу из парадной. Но и эта мысль уже в черед отстающих, так как на смену им быстрой вереницей налетали закоснелые думы...

«Завершается еще одна неделя. Ах, как не хочется ничего делать. Все эти праздники: давно не радуют, и не дают отвлечения. Только и думать об их приближении, да о родственниках. Кому чего надо? Где найти эту нужную вещь? Как потратить на это время и деньги? А как отыскать силы не обращать внимания на очередное недовольство? М-да».

Вот еще один переход. Сквозь стекла автомашин незаметны лица, но людей в них полно. Куда-то едут. Куда-то тоже торопятся.

«Как же распisać рабочий день? Пусть он и укорочен, а время для раздумий еще меньше. Анатолич подкинет работы — не успеешь одуматься. Кажется, вся редакция на тебе тащится. А кому она нужна,

спрашивается? А-а, да ладно с ней, опять не успею ничего придумать... Невпроворот — куда уж тут изловчиться для свершения всех дел.

Вот был бы отпуск, да до него еще как до Тмутаракани. Но даже подумать о нем уже...»

Вдруг, сердце кольнуло иглой внезапной боли. Легкие то ли выдохнули, то ли вдохнули глоток воздуха в этот момент. Неясно. Туманно в голове отчего-то стало, чтобы понять. Лицо онемело.

«Проклятое сердце», — успел подумать Андрей Даниилович.

Ноги дрожащими усилиями уперлись в землю. Потерялись слуховые ощущения, глазам трудно что-то разобрать в мутной белизне перед собой... Появилось чувство страха в попытке глубоко вздохнуть. Так страшно было запустить холодный воздух внутрь.

«Надо успокоиться и сделать попытку, чтоб...»

Тело мужчины легло у парапета дома во внутреннем дворе отдаленного квартала. Его имя, обозначенное в имеющихся при нем документах, а также место и причины смерти были зарегистрированы работниками скорой помощи, выполнявшие службу в вечернюю смену. То, что они заступили сегодня пораньше, быть может, и сыграло бы свою судьбоносную роль, но на то, чтобы вернуть жизнь, есть еще множество факторов, поддерживающих всякую жизнь.

* * *

Была ли это тишина? А может, это было безмолвие? Разве в жизни земной живет тишина в безмолвии? Ведь тишина в лесу бок о бок с шумом ветра и пением птиц. А есть ли умиротворение в абсолютном безмолвии?

«Каким-то у меня бесчувственным показалось пробуждение. Будто бы сухой лист. И почему это имен-

но я — сухой лист? Кстати, что же я думаю об этом месте, и для чего я здесь? Нужны ли мне ответы? Что за пустота в голове? Какое-то наваждение.

Странное пространство вокруг, как будто хранящееся уже долгую вечность. Ни стен, ни потолка — не наблюдаю. Туманная дымка внизу. Стелется по полу, отчего ступни делают ход осторожно, причем неслышно. Силы есть, но ничто не заставляет делать движения быстро.

Ничего не различаю...

Вспомнил! Не уж-то затылком ударился!? Вот тебе и ослеп посреди улицы. А, может, не совсем еще ослеп? А почему ничего не слышно? Я сам встал или мне помогли? Вроде бы никого рядом нет»

— Где я, — первое, что сказано вслух.

Ничего не изменилось.

Наверное, что-то все же послышалось, и Андрей Даниилович оттого сделал поворот за спину. Испуганный взгляд наверх. Лист белоснежной бумаги опускался сначала сам, а потом, как будто по мановению взгляда старика. Получилось так, что лист привлек к себе внимание, затем сознательное внимание приблизило листок ближе. В него явно что-то вписано. На месте падения неожиданно рассеялась дымка. На белом листке было отпечатано крупным красным шрифтом, но прочесть сложно. Рука дотянулась. Сначала записи не воспринимались, пока не приняли понятную форму. Ну вот:

«Аношин Андрей Даниилович, Вам отказано в возвращении в мир живых в связи с окончанием срока «кредита доверия», предоставленного Вам в порядке предрасположенности Высшей Силы от лица компании «Жизнь».

Бесшумные шаги, которые делал мужчина пятидесяти двух лет, пятясь в разные стороны, мог только воспринимать глазами, которые уже

безвольно опустили. Потом подспудно пришло понимание...

Исчезло время в этом месте, исчезло для живого тела. А вместе с ним исчез и шум от тела. Исчезли запахи... но голос есть. Но он как в голове.

«Для чего все это? — отчетливый крик. — Непонятно — зачем это кому-то надо!»

Не было раздражения, но что-то вырывалось из груди, ища чего-то вразумительного.

«Да, Тот мир был труден, не выносим, жесток... несправедлив! Но он был понятен! А для чего здесь я, и для чего все это нужно?»

Совсем не ощутимо сознание поменялось на похожее уму засыпание. Как будто видимое пространство вместе с мыслью провалилось в дрему. Белая простыня, окружавшая его, обьяла его мысли, унося в странное состояние так похожее на сон.

Новое видение. Как через тоннель из мутных стенок с круглым окошком посередине. словно пробудился от привычного сна. И все вокруг напоминало земное, но место не изменилось. Изменилось лишь ощущение чего-то понятного, словно из земной жизни.

И тут он увидел нескольких мужчин. Они тоже были новичками в этом мире неизвестного, но в их движениях было заметно уже что-то привычное. Наверняка, им уже довелось тут пробыть немножко больше. Андрей Даниилович решительно, но с осторожностью, направился к ним.

— М-м, — он несколько секунд не знал с чего начать свой вопрос. — Добрый день.

Оба неуверенно развернулись. На их лицах читалось усталое понимание, что в их компанию затесался «очередной». Но отвечали они до сих пор молчанием.

— Я не знаю, как здесь оказался. Мне бы...

— Помер ты, — перебил его чернявый, дернув при этом носом в сторону Андрея Данииловича, будто бы повторил бестолковому человеку во второй раз.

Взгляд Аношина медленно опустился в белесую дымку, устилавшую пол в новом пространстве.

Несомненно, проходил какой-то период, но само ощущение времени не ощущалось.

Через некоторое мгновение чуть в стороне появился странный человек с дерматиновым чемоданчиком. Мужчины наблюдали за ним, не приближаясь. А интеллигентного вида мужчина, поковырвавшись в защелках, раскрыл-таки свой пошарканый чемоданчик. Непостижимым образом, этот самый чемоданчик превратился в торговую лавку, не вызвав почему-то у наблюдающих удивления. Над ней воспарила табличка, которая тут же захватила внимание. Она гласила:

«Жизнь в кредит».

— Что это? — озвучили безмолвное положение двое мужчин, оказавшихся здесь ранее Андрея Данииловича.

— Услуга желающим устранить свое нынешнее пребывания здесь, — дядечка протянул буклет всем троим.

Пройдя внимательным читающим взглядом от заглавия до последней точки, они ознакомились с тем, что для необходимости вернуться живым, надо предоставить, во-первых, «гарантии своего последующего послушания». Во-вторых, вспомнить «как можно больше моментов добра, проделанного за период земной жизни».

Образовалась новая атмосфера, взамен прежней, встревоженной этим агентом. Самопроизвольно первоначальная группа «новоиспеченных» разошлась вразброс. Все те же двое мужчин уже усердно вспоминали и обдумывали свою пройденную жизнь,

что-то бормоча и кивая самим себе, нервозно топая в одной точке. Сначала Аношин только наблюдал за ними. Но неожиданная, еще пока смутная догадка разбудила в нем нестерпимое желание во чтобы то ни стало сдвинуть это дело. Его мысль уже неслась.

* * *

Время, за которое Андрей Даниилович судорожно вспоминал и доказывал благонадежность своей дальнейшей жизни для агента по услуге воскрешения, казалось, длилось долго. Но по прошествии оно оказалось промчавшимся поездом. Так бывает после сдачи любых экзаменов.

«А что же было сейчас с ним? Экзамены на жизнь?..»

— Желая здравствовать. — сказал мужчина-агент.

И вдруг, образ его бесшумно скрылся. Андрей Даниилович не успел придумать слов благодарности, как тут же...

* * *

Яркий свет. Станный свет. Будто глаза огромной стрекозы светятся несколькими своими ячейками прямо в лицо Аношина. Только изредка, то слева, то справа, появляются тени, закрывающие собой слепящие лучи.

Прошла еще минута времени, прежде чем послышались голоса. И страх подспудный, неизвестный. Непонятный страх. И страх ли вообще. Неясно. Что это?

Голоса становились все реже. А вот, и свет померк. Но почему-то не стало темно.

Что же это?

Снова привиделась тень. Все так расплывчато, что хочется всмотреться... Лицо. Это лицо!..

* * *

Мужчина ожил, находясь в больничных покоях. Надо сказать, что дежурившим врачам показался этот приход необычным. Допустимо в такой ситуации, что тихие сигналы аппарата могли не слышать уставшие за ночь работники. Возможно, этим и объясняется случай пребывания ожившего пациента еще несколько минут после пробуждения, но без какого-либо участия врачей. С первых же моментов пробудившийся отличался смирным и задумчивым состоянием. Он находился в каком-то гордом молчании все это время.

* * *

Окончание периода тревожных ожиданий неумолимо возвращало всех к нормальной жизни. Но всем хотелось вникнуть в возникшие обстоятельства. Родные и знакомые встретились с неожиданной загадкой, спрашивали друг друга: «Как же он мог измениться, если был все это время без сознания? Что произошло с ним перед смертью?»

Ответы на тревожащие их изменения были для них далеки, вероятно, время для них еще не пришло. Но и самому человеку, что считался самым чтимым в их семье, никогда не приходила мысль рассказать об истории последних дней, а вернее сказать, о причине своего возвращения. Как-то само по себе восстановилось в знакомое русло быта. Прежнее течение дел, но что-то новое в их совместном проживании.

Произошло лишь одно несомненное отличие в жизни старшего члена семьи — ему выпал шанс для исправления. И его цель — изменить окружающий мир, поменяв в себе прежний распорядок мыслей. Следуя пунктам «договора», он должен стать свободней в стремлении стать ближе к семье. **■**

Денис Куприянов

Против лома нет приема

Полковник Фостер еще не опьянел, но и назвать его трезвым было тяжело. Бутылка виски опустела почти на треть, и полковник с ужасом ожидал того момента, когда увидит ее дно. Потому что с последним глотком оборвется его жизнь, а так же жизни его одиннадцати подчиненных. С одной стороны умирать было очень страшно, но с другой... Фостер еще раз посмотрел через лобовой экран на бескрайние просторы космоса. Мириады звезд, сводящие с ума поэтов, к тому времени уже вызывали у него отвращение... и уныние. Ведь до ближайшего оплота человечества несколько квадриллионов километров, и нет никакой надежды на прибытие помощи. Или все-таки... Полковник с раздражением посмотрел на корму русского звездолета, неподвижно висевшего в сотне метров от его корабля. Недовольство полковника было объяснимо: эти русские успели ему надоест хуже горькой редьки. Сделав еще один глоток, Фостер погрузился в воспоминания.

Все началось три года назад, когда полковник ВВС Джеймс Фостер во время отпуска внезапно получил вызов в Вашингтон. Это удивило Джеймса, ведь он уже собирался уходить в отставку. Конфликты с начальством достигли апогея, и оставалось всего два варианта: всех перестрелять или уйти без скандалов.

Дальнейшие события не переставали изумлять. В аэропорту Фостера встретили два неразговорчивых типа в черных костюмах и повезли его окольными

Денис Куприянов

Родился в 1980 году в Свердловске. Жил и учился в Восточной Сибири. С 1997 и по сегодняшний день проходит обучение в Иркутском Государственном Техническом университете.

На сегодняшний день работает на железной дороге, что дает возможность удовлетворить тягу к странствиям.

дорогами вовсе не в столицу, а в какой-то небольшой особняк за городом. Полковник сразу заметил в том доме обилие охраны и систем наблюдения, так что местечко явно было с сюрпризом. Предположения оказались верны. Провожатые быстро провели Фостера до замаскированного лифта и спустились вниз, где вместо подвала оказался здоровенный военный бункер. После довольно долгой процедуры идентификации, полковника привели в помещение, в котором количество звезд на погонах просто зашкаливало.

Говоря точнее, в помещении сидело несколько групп людей. Военные узнавались сразу. Люди с суровыми лицами в штатском, скорее всего, были какими-то правительственными шишками. В углу ютились еще несколько человек более интеллигентного вида тоже в штатском. «Ученые», — подумал Фостер.

— Присаживайтесь полковник, — предложил пожилой генерал, судя по седым волосам и обилию морщин, помнивший еще Мидуэй.

— Возможно, вы уже задавались вопросом, зачем вас сюда пригласили, — бесцеремонно начал один из суровых чиновников. — Не буду говорить намеками: вам будет предложена очень важная и ответственная миссия. Вы должны возглавить команду, которая полетит на... На Проксиму Центавра.

— А почему не на Марс? — удивление полковника было так велико, что он забыл про субординацию.

— Мы бы с радостью полетели на Марс, но...

— Для начала стоит рассказать, почему наш выбор остановился именно на вас, — вновь взял слово генерал. — На это было три причины. Во-первых, мы внимательно изучили ваше досье. За последние пятнадцать лет вы не пропускали ни одного официального или... хм, неофициального конфликта, а по количеству проведенных воздушных боев на сегодняшний день с вами не сравнится ни один пилот, и это подтверждает вашу решительность и смелость. Кроме того, вы неоднократно вступали в споры с командирами, убеждая их в своей правоте, и иногда применяли для убеждения не совсем... хм, этичные методы.

Полковник мысленно ухмыльнулся, вспомнив, как ему пришлось приставить пистолет к виску коменданта аэродрома, чтобы получить заправленный вертолет. Тот взвод десантников Фостер тогда вытащил, хотя проблем потом было ...

— В общем, то, что вы умеете принимать решения и отстаивать их верность, стало второй причиной. Ну а третьей..., — в глазах генерала появилось уважение. — Вас четыре раза сбивали, причем над вражеской территорией, и каждый раз вы возвращались невредимым, что доказывает вашу живучесть и неве-

роятную удачливость. Вот эти три фактора и повлияли на то, что именно вас было решено поставить во главе экспедиции. В глубоком космосе директивы с Земли будут идти годами, и вам придется рассчитывать только на собственные силы.

— Сэр, я понимаю ваш выбор, но разве такой полет не продлится долгие годы?

— На самом деле он займет всего два месяца, — подал голос один из ученых. — Пятнадцать лет назад один малоизвестный физик из России, некто... профессор Горюнофф, попытался рассказать всему миру, что ему удалось обнаружить прорехи в эйнштейновой физике и найти способ передвижения на скоростях выше световой. Тогда его подняли на смех, посчитав безумцем. Несколько лет про профессора ничего не было слышно, а он в то время творил чудеса: в домашних условиях собрал первый рабочий образец гипердвигателя и оказался достаточно напористым, убедив нужных людей провезти образец на космическую станцию, потому как проверить двигатель можно было только в космосе. Эксперимент прошел успешно, после чего в России начали срочно готовить межзвездную экспедицию.

— Именно межзвездную, — пробурчал чиновник. — Хорошо хоть наш агент успел скопировать материалы Горюноффа еще до того, как его признали. У нас эти открытия поначалу тоже посчитали бредом, однако, узнав об успешном эксперименте, срочно достали копии из архива. Естественно сразу же пошли проекты полета на Марс, но эти безумные русские... В общем, вы представляете, насколько глупо мы будем выглядеть, объявив о покорении соседней планеты в то время, как русские будут разгуливать по далеким звездным системам. Фактически это начало новой космической гонки.

— Это огромная ответственность и невероятный риск. Зато и награда велика, — усмехнулся генерал.

— Но я же могу отказаться? — Фостер на полминуты замолчал. В принципе он уже все решил, оставалось лишь покрасивее сформулировать. — Впрочем, я военный человек и патриот, и если Родина прикажет мне завтра бомбить Ад, я это сделаю без каких-либо вопросов и сожалений!

— Отлично сказано, сынок! — старый генерал даже прослезился.

Остальные военные и ученые посмотрели на Фостера с уважением. Что же касается правительственных крыс, то те, как обычно, так и остались с каменными лицами. Для них был важен итог, а жизнь какого-то офицера рассматривалась лишь как ступенька к результату.

И вот понеслось: тренировки, подготовка, подбор команды. Секретность была на высшем уровне, но кое-какие сведения все же утекали. Астрономы-любители засекли сборку корабля на орбите и обнародовали данные в Интернете. Было решено пустить пыль в глаза и сообщить о том, что планируется экспедиция на Марс. Но все, как обычно, испортили русские, объявившие миру о подготовке собственной экспедиции. Чтобы не ударить в грязь лицом, пришлось сказать об изменении направления своего полета. Неполладки тормозили процесс, директивы сверху его ускоряли. Но вот этот день настал. Как обычно перед полетом прошла телеконференция на тему очередного шага человечества к звездам. Но куда важнее была встреча после конференции с главным конструктором. Тот, ни говоря ни слова, вручил Фостеру небольшой электронный ключ.

— Что это? — спросил полковник.

— На корабле достаточный запас еды, воздуха и запчастей, — ответил конструктор. — Но при серьезной поломке вы будете обречены. В далеком космосе шансов на спасение нет. И на этот случай мы добавили в систему устройство. Про него знают, включая вас, всего три человека. Приложив ключ и набрав код, вы пустите в систему жизнеобеспечения газ без цвета и запаха. Команда просто уснет.

— И не проснется, — мрачно закончил Фостер. — Хотя все мы знали, на что подписывались. Но все же надеюсь, господь будет к нам милостив, и этот ключ не понадобится.

Старт прошел без осложнений. Большая часть команды была уже на орбите и готовила звездолет, который после долгих полемик был назван «Валькирией». Правда, за пару минут до запуска было получено известие, заставившее полковника напрячься. Русские все-таки успели завершить свой проект быстрее и умудрились стартовать на несколько минут раньше. Гонка на Земле превратилась в гонку в космосе.

Первый прыжок сделали к Сатурну. Это имело две цели. Во-первых, надо было проверить работу двигателей. На Земле полковника уверяли, что в пределах Солнечной системы их смогут спасти, для чего спешно заканчивалось строительство шлюпки, способной перемещаться на короткие расстояния. А во-вторых, если проект закончится провалом, ученые получают хоть какие-то результаты. Разбросав в окрестностях планеты-гиганта кучу зондов и спутников, а так же полюбовавшись на знаменитые кольца, команда приступила к основной части своего путешествия.

Как ни странно, поначалу проблем не было. «Валькирия» вошла в гиперпространство и двигалась в нем вполне уверенно. Экипаж, сперва с волнением наблюдавший за работой систем, постепенно стал расслабляться. Впереди были два долгих месяца полета, и неизвестно сколько еще предстояло проторчать у самой цели. Так что экипаж большую часть времени торчал на капитанском мостике, где через смотровые экраны наблюдал за буйством красок гиперпространства. Картинка напоминала калейдоскоп и сильно завораживала. Кроме того, приятным побочным свойством двигателя была пусть не очень большая, но устраивавшая команду гравитация.

Неприятности начались через две недели. Фостер как раз находился на дежурстве (а если быть точнее, играл в покер) вместе с главным механиком и корабельным врачом. Внезапно возникшая невесомость остановила игру и заставила механика сорваться с места со скоростью, вызвавшей бы зависть у олимпийского чемпиона по бегу. Полковник, тревожно переглянувшись с врачом, включил бортовой экран. Мириады звезд продемонстрировали, что гиперпространству пришел конец. Долг велел мобилизовать все силы экипажа и устранить поломку, но по спине пробежал холодок, и рука сама собой коснулась губительного ключа.

— Смотрите! — удивленный доктор ткнул пальцем в экран.

Фостер нахмурился. Буквально в трех сотнях футов от них болтался и русский корабль. За последние полгода полковник насмотрелся достаточно фотографий конкурентов, чтобы безошибочно распознать их. Тот факт, что там же, где случилась поломка «Валькирии», оказался и русский звездолет, весьма встревожил полковника.

— Что они тут делают?

— Может, стоит с ними связаться? — поинтересовался доктор

— Вначале разберемся, что у нас случилось, а уж потом решим, стоит ли к ним обращаться за помощью или предлагать свою.

Минут через двадцать поступил доклад о повреждениях. Ничего серьезного не случилось, перегорела одна схема, и ремонт много времени не займет. Облегченно вздохнув, Фостер собрался было вызвать конкурентов на связь, когда их корабль внезапно исчез. А через полчаса за ним последовала и «Валькирия».

Следующая поломка случилась почти через сутки. Механик, неотлучно дежуривший возле установки, сразу сообщил, что неисправность опять пустяковая, но час придется подождать. Полковник неопределенно хмыкнул и, поскольку его присутствие в машинном отсеке не требовалось, включил обзорный экран, но тут же застыл в недоумении. Русский корабль находился в нескольких десятках футов от них. Один раз случайность, но два — уже закономерность. Фостер уже решил выходить на связь, когда соперники вновь исчезли.

На этот раз полковник решил умолчать об увиденном, решив, что это галлюцинация, вызванная долгим пребыванием в гиперпространстве. «Валькирия» вновь рванула к своей цели, чтобы опять выйти из строя примерно через шесть часов. На этот раз русского корабля за бортом не было, и Фостер облегченно вздохнул.

Но от его успокоения не осталось и следа, когда через пять часов, во время очередной поломки, русский звездолет обнаружился прямо за кормой. Рука руководителя экспедиции в очередной раз потянулась к переговорному устройству, но зависла в воздухе. Внезапно вспыхнувший интерес из разряда: «А что

будет дальше» удержал Фостера от попытки выхода на связь. Наблюдение за конкурентами длилось часа полтора и окончилось рапортом механика об окончании ремонта и переходом «Валькирии» в гиперпространство. Уже стартуя, полковник с запозданием подумал, что у соперников в этот раз могла возникнуть серьезная проблема, а он оставил их на верную смерть.

Время показало, что это опасение было напрасным. Поломки возникали все чаще, и каждые два-три часа корабль вываливался в обычное пространство. Обычно ремонт занимал минут десять, но иногда требовалось гораздо больше времени. Фостер с ужасом начал понимать, что полет вместо двух месяцев грозит растянуться на более длительный период. Однако гораздо больше полковника заботил корабль конкурентов. С вероятностью 80% в момент выхода из гипера звездолет соперников оказывался рядом. В остальных 20% он, как правило, появлялся позже. Космическая гонка превратилась в какую-то чехарду. Несколько раз Фостер пытался связываться с этими «Crazy Ivans», но радио молчало. Посылать же человека в скафандре было рискованно, члены экипажа были не менее ценны, чем воздух и энергия. В конце концов, на борту «Валькирии» решили, что раз просьб о помощи не поступает, значит у соперников в порядке. Тем более своих неприятностей хватало. Поломки следовали одна за другой, и вот случилось это...

Последний доклад от механика поступал два часа назад, и ничего хорошего не сулил. Двигатель упорно отказывался работать, и чем дальше, тем меньше была вероятность, что его удастся

запустить. «Валькирия» висела в безвоздушном пространстве уже двадцать часов. Экипаж был подавлен, еще немного и начнутся нервные срывы. Потому полковник и решился на этот шаг. Закрывшись в рубке и повесив ключ перед собой, он достал заначенное виски. Бутылка была сделана на заказ и позволяла пить даже в невесомости. Фостер решил, что активирует систему самоуничтожения лишь с последним глотком. «Интересно, — думал он. — А русские уже умерли или все еще пытаются спасти положение?» Судя по тому, что их корабль тоже не двигался с места, поломка там была не менее серьезная.

В бутылке оставалась всего пара глотков, когда от неподвижного корабля конкурентов отделилась фигурка человека в скафандре. Полковник как зачарованный принялся следить за этим отчаянным поступком. Судя по всему, для управления полетом русский использовал обычный огнетушитель. Фигура приближалась, и тут до командира дошло, что надо бы что-то предпринять.

Разблокировать рубку было минутным делом, гораздо сложнее оказалось привести команду в чувство. Если не считать механика, все еще бывшего над двигателем, настрой всех членов команды можно было смело назвать упадочническим. Уверенные в скорой и неизбежной смерти, они очень вяло отреагировали на известие о прибытии гостя.

После нескольких крайне неудачных попыток пристыковаться русского космонавта все-таки удалось втянуть в шлюз и помочь разоблачиться. Гость оказался невысоким, крепко сложенным, улыбчивым мужчиной.

— Капитан Васильев, — с сильным акцентом отрапортовал он. — Помощник капитана, а в данный момент еще и чрезвычайный межзвездный посол.

— Чем мы можем вам помочь, мистер Васильев? — устало спросил полковник.

Посол профессионально принял и улыбнулся еще сильнее.

— Виски! — констатировал он. — Не слабо, я смотрю, вы здесь развлекаетесь... Но перейдем к делу. У вас кувалды или лома не найдется?

— Чего? — Фостер ожидал чего угодно от этих сумасшедших, но такой вопрос поставил его в тупик.

— У нас авария, а механик ногу сломал, — пояснил Васильев. — Он этот долбаный генератор всегда ногой пинал, но в этот раз переборщил и умудрился ее сломать. А такого сильного удара как у него, ни у кого из нас нет. Нужно что-то тяжелое, но мы уже все перепробовали, а толку никакого.

— Вы хотите сказать, что чините генератор пинками? — полковник почувствовал, что его сознание медленно уплывает в межгалактические дали.

— А чего вы хотели, такая уж у нас техника. Да и запасов не так много. Под конец даже радио разобрали на запчасти, — наконец-то русский пролил свет на причину отсутствия связи. — Мы долго мучились, а потом наш механик сделал финт ушами, убрав большую часть электроники. Ломается, конечно, так же часто, зато пнешь несколько раз — и все работает. А у вас что, тоже поломка капитальная? Вы уж найдите ломик или кувалду, а я покажу, куда бить надо.

— Сейчас принесу, — судя по его бледности, механик уже был на грани обморока.

— Ну и хорошо, — посол засучил рукава. — Показывайте, где тут у вас двигатель!

Ремонт прошел быстро. Хотя Васильев не был специалистом по электронике, он с легкостью перепаял все схемы, значительно упростив обслуживание двигателя, и объяснил, куда нужно бить в случае чего. Механик признался, что последний раз подобный шок он испытывал, когда его наставник разобрал и собрал автомобиль голыми руками, при этом починив машину. Подарив спасителю целый ящик инструментов и три бутылки виски, Фостер тихонько спросил:

— А почему всегда, когда кто-либо из нас ломается, рядом тут же появляется и второй корабль? Или вы не в курсе этого феномена?

— Вообще-то в курсе, — ухмыльнулся Васильев. — Нас о нем предупреждали. Видите ли, у профессора Горюнова было две страсти в жизни: физика и автомобиль. Но ему жутко не везло ни с тем, ни с другим. Но если физику он продвигал как мог, то с автомобилем ничего не получалось сделать, он ломался каждые пять минут.

— И что?

— А то, что его обижало, когда при поломке приходилось часами стоять, ожидая помощи, поэтому в этот двигатель он встроил маленькую страховочную систему, которую вы, видимо, нечаянно и скопировали. Ее смысл в том, что если сломается один звездолет, то любой корабль с подобным двигателем, оказавшийся рядом, получит такую же поломку, и волей-неволей им придется друг другу помогать. Согласитесь, в бескрайнем космосе крайне удобная штука.

Улыбку Васильева и его слова, сказанные перед уходом, полковник помнил до глубокой старости. Дальнейший путь «Валькирии» прошел без особых затруднений. Правда, к Проксиме Центавра они прилетели вторыми, опоздав на десять минут. Но полковник не огорчился. Глубокий космос показал, что есть вещи более важные, чем патриотизм. **ES**